

ΜΕΤΑΓΑΛΑΚΤΙΚΑ

2

Метагалактика-2

СОДЕРЖАНИЕ

Дм. Изосимов. ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ Фантастико-приключенческая повесть	3
Вл. Панфилов. СНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ Анатомия ужаса	150
В. Волконский. ИСХОД ПЕТРА ПРЯХИНА. "Одержимые дьяволом"	188

Художники Р. Афонин, А. Филиппов

© МЕТАГАЛАКТИКА

ЛР 060423

111123, Москва, а/я 40

Директор, гл. редактор Ю.Д.Петухов

Сдано в набор 10.12.92. Подписано в печать 25.01.937
Формат 84×108/32. Бумага газетная. Тираж 80 тыс. экз.

Отпечатано с оригинал-макета в Московской
типографии № 13.

107005, г. Москва, Денисовский пер., 30.
Заказ № 33.

Индекс 73257

ISSN 0135-5511

Метагалактика-2

Сканирование и распознавание ЗаНЗибар
26 Sep 11

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Фантастико-приключенческая повесть

Глава первая На звериной тропе

Догорал костер. По раскаленным углям катались ярко-красные блики, угли шевелились, распадались, и Михаил, лежа на боку, был поражен игрой красок. Багровые отблески лежали на земле, на обрывистом берегу, на мутной воде небольшого вечернего озера, в котором отражалось черное звездное небо и розовое пятно заката, изломанное рябью. Потом света и тепла стало меньше, костер померк. Михаил при-встал на локте, выбрал из мохнатой кучи веток несколько тол-стых сучьев и подбросил в огонь.

Поверхность воды всколыхнулась и закачалась. «Яран охотится», – подумал Михаил. Из воды высунулся длинный рыбий хвост, блеснул чешуей и сильно ударил по воде. Сразу же за ним мелькнула уродливая четырехпалая конечность с роговыми пластинками, сжимая маленький трезубец, и канула в воду. В стороны разошлись круги, раскачивая широкие жел-тые листья, кривоватые деревца, заросшие рыжей хвоей, и гнилую болотную траву, прибывшую к берегу. Хорошо, ес-ли он поймает пискуна, подумал Михаил, здорового, кило-граммов на пять. Можно и не пять, он согласен на четыре. Лишь бы поймал.

Михаил замерз лежать, встал спиной поближе к огню, и стал осматриваться.

Тысячи две лет назад здесь было великолепное плато, мощное, крепкое, километров на сто в длину. Оно гордо воз-вышалось над всей равниной, здесь был самый благодатный, теплый климат, тогда как по всей равнине свирепствовали ветра и черные смерчи осадков. Для животных здесь был рай, они рвались сюда стадами, табунами и косяками, но доходили немногие. Михаил нашел широкий каньон, в котором лежало множество костей. Это был, вероятно, единственный способ для наземных рептилий попасть на плато. Те, кто сюда попа-дал, ощущали комфорт почти во всем. Здесь не существовало

жгучих холодных ветров, было вдоволь пищи, чистого воздуха и воды.

Но потом плато стало рушиться, трескаться. Тотчас ветры и дожди стали размывать и стачивать рельеф, превращая роскошное плато в скопище высоких каменных столбов. В промежутках между столбами понемногу скопилась вода, появились озера, за водой спустился съедобный мох, за ним животные. И рай исчез, сменился сырым промозглым ветром, особенно в полнолуния, проникающим сюда дождем, почему-то с долей радиоактивности, и страшной тоской и отчаянием. Небо усердно и напористо грызло землю и никого на ней не жаловало.

Сейчас здесь было тихо, необычайно тихо, только потрескивали обгорелые сучья в костре и доносились слабые всплески. Михаил задрал голову вверх. Небосвод был разделен на прозрачное звездное небо и пылающий закат, разгорающийся к горизонту. Четкой границы между ними не было, а черная бездонная пропасть Космоса плавно, зыбко переходила в равномерное безоблачное небо. На фоне чужих и незнакомых созвездий висел большой зеленый осколок правой луны. Левой луны не было видно из-за затмения. С шорохом проносились полосы комет, отчетливо виднелись в прозрачной вышине, постепенно растворялись в багровом зареве и пропадали вовсе.

Михаил протяжно зевнул. Ему сейчас было тепло и уютно, только внутри ворочался дремучий голодный призрак. На нем были теплые дутые штаны из синтетики, полиэтиленовая темно-серая куртка и потрепанные ботинки. Типичный астронавт сверхдальних рейсов – одежда, круглая эмблема на левом плече, нетипичные для типичного астронавта космы волос сзади и совсем уж несвойственная ему двухнедельная щетина. Куртка была расстегнута, и через зубчики «молнии» отражала блики серебристая ковбойка.

Михаил сунул руки в карманы штанов, подошел к берегу и заглянул вниз. На беспокойной поверхности отразилось его лицо, темное изображение закачалось на волнах, сморщилось. Михаил медленно оглядел все озеро.

– Эй! – крикнул он отражению.

Никто не отвечал. С вершины утеса сорвалась птица и истошно завопила, хлопая крыльями.

– Яран!

Вверх взлетел фонтан брызг, зашелестел, распадаясь. Михаил отскочил. На край берега медленно легла знакомая четырехпалая лапа, потом другая, затем высунулась страшная чело­векоподобная голова рептилии, мокрая от воды и, несомненно, счастливая. Сверкнули белки глаз. Яран приподнялся на руках, вылез из воды и направился к костру. Он был очень доволен, бодр и совсем по-человечески пружинил шаги. На плече у него слабо махала хвостом серебристая рыбина, похожая на маленькую тигровую акулу, а из правого ее бока торчал хвост трезубца.

– Отлично! – крикнул Михаил. – Давай ее сюда.

Они ее быстро выпотрошили, и через несколько минут пискун поджаривался на костре и распространял запахи, от которых быстро просыпались древние инстинкты. Голодный призрак стал подвывать. Михаил равномерно покручивал вертел, установленный на двух рогатых ветках, не жалел дров и все подбрасывал и подбрасывал, пока Яран не остановил его:

– Хватит тебе топлива зря жечь. Скоро ночь, а в лес сейчас нельзя.

Он стал стряхивать с лица капли, резко и равномерно мотая головой. Потом он разделся. Щелкнув зажимами, Яран стянул с груди несколько голубых щитков из гибкого и необычайно прочного материала, положил их на подводный гарпун, потом снял «доспехи» с ног и стал похож на вурдалака из кино, мокро блестящего, страшенького, измученного ко­ростами уродца.

– В озере холодно, – сообщил Яран. – Через несколько месяцев ударят морозы.

– Насчет морозов я не знаю, – сказал Михаил. – Ты имеешь в виду настоящие морозы, со снегом там, со льдом и вьюгой?

– Да, примерно так.

– А почему так долго в озере был? Рыба заснула?

– Да нет, – Яран шевельнулся. – Просто уже темно, там ничего не видно. К тому же этот планктон...

Яран завозился и принялся громко скрестись под спинным панцирем. Потом он подсел к Михаилу и просительно проворковал, поворачивая к нему коричневую спину с желтым рисунком:

– Миша, посмотри там...

– Чешется? – участливо спросил Михаил.

Он просунул пальцы под блестящий коричневый панцирь, гладкий, как у черепахи, и нащупал пружинистую скользкую мякоть. Зоопланктон, плавающий в озере, обязательно попал к нему на спину, вызывая на коже сильный зуд, и каждый раз планктон приходилось убирать. Поначалу Михаил делал это с ужасным отвращением, но потом привык. К тому же Яран добывал еду для них обоих, поэтому приходилось мириться.

Михаил счистил белесую подвижную кашицу планктона и стряхнул с пальцев на землю.

– Готово! – крикнул он и хлопнул Ярана по панцирному орнаменту. Яран его безмерно благодарил.

Скоро поджарилась рыба. Яран своими длинными пальцами, нечувствительными к температуре жаркого, снял рыбу с вертела и проворно, как вдохновенный палач, расчленил ножом на несколько больших кусков. Михаил обжигаясь взял часть хвоста и с наслаждением стал жевать, осторожно откусывая хрустящую корочку. Яран ел жадно, с аппетитом, вкусно чавкал, наклоняя голову набок, и всхрапывал от удовольствия. Изголодался, пока гонялся за пiskuнами. Когда первый приступ голодной жадности прошел, Яран стал рассказывать.

– Опустился я на дно. Смотрю – невдалеке плывет тень. Тень приблизилась, я приготовился, и тут как назло этот скат! – Яран что-то сказал на своем языке. Судя по интонации, это было ругательство. – Он из норы выскочил и такую мусть поднял! Во-первых, ничего не видно, а во-вторых, в иле очень много личинок. Пришлось плыть на другой конец озера. Забрался я между корней, а там хорошо, трава мягкая, шелковистая, меня не видно, зато я вижу всех...

– Как щука, – задумчиво вставил Михаил.

– Да? А что это?

– Так, ничего. Ты продолжай, я слушаю.

– Залег в кустах, все нормально, только вода немного странная – жабры тянет. Вдруг слышу писк, тонкий и пронзительный. Это знаешь? Самец самку зазывает. Я приготовился и выстрелил, да только реактивный момент оказался слабым, плотность воды другая, оказывается, пришлось погоняться. Они ведь, пiskuны, сильные... Кстати, я там видел несколько туннелей. Оттуда постоянно идет молодняк. Мне кажется, все озера и реки связаны одной подземной системой.

Михаил взял второй кусок.

– Миша, посмотри, у тебя там икры нет? Я имею в виду, конечно, рыбу.

– Нет, – сказал Михаил, разглядывая кусок изнутри.

– Жаль, – сказал Яран. – Икра пискунов – прекрасный антисептик.

– Зачем тебе?

– У нас мало йода и спирта, вот что.

Они съели четверть рыбы, оставшуюся часть положили в мешок на завтра, а кости, неплохое топливо, бросили на тлеющие угли. Пламя встрепенулось, весело запрыгало и с треском поползло по длинному ветвистому хребту.

Яран застегнул на себе свои «доспехи», улегся, закинув руки за голову, и спросил:

– Дежури́м как обычно?

– Давай как обычно, – сказал Михаил. – Спи.

Яран все ворочался, ворочался, потом успокоился и заворковал. Делал он это тихо, приятно, как голубь или сверчок, и совсем не раздражал, как казалось. Михаил прикатил угрюмый и холодный камень и оперся о него спиной.

Уже давно настала ночь. Небо было абсолютно прозрачным. Разноцветные спутники перечеркивали кометы. Одна из них сорвалась сверху, пронеслась над каменными столбами, ширясь и размазывая светящийся хвост. С гулким ударом вспухло и тотчас опало раскаленное облако. Над скалой веером разлетелись искры и гранит, дрогнула земля. Яран вздрогнул во сне, но не проснулся, а перевернулся на другой бок.

Звезды... Мириады звезд. И мы рвемся к ним, отважно бросаемся грудью на амбразуры, принимая огонь на себя, если другим грозит опасность. Вечно чего-то ищем, все нам мало. А люди теряются. Эх, человеке...

Костер совсем потух. Михаил вздрогнул, словно проснулся. Или просто показалось... Он прислушался. Наверху свистел ветер, гнал в звездную даль сухую горячую пыль, только здесь внизу было на редкость тепло, тихо и спокойно. Потом откуда-то из глубины поднялся протяжный тоскливый вздох, потом повторился, но уже в другом месте, и ночную тишину разорвал длинный унылый вой. Он повис на обреченной волчьей ноте, потом сорвался в мяуканье, и от этого внутри ментально заколыхался вакуум и пропало в нем сердце, как в полночь на кладбище. Потом появились пары желтых глаз, прыгающих между каменными столбами. Михаил бросил поч-

ти всю охапку веток на раскаленные головешки. В темноте яростно завозились и завизжали. Михаил вытащил из рюкзака мощный резной карабин с оптическим прицелом и толкнул Ярана ногой.

Яран быстро сообразил, что случилось, мельком взглянул на решительного Михаила, на грозно блестящий карабин и стал раскладывать оставшиеся ветки большим полукольцом вокруг очага. Землянин был взвинчен до предела, нервничал и диковато озирался. Потом желтоглазые хищники, испугавшись огня, исчезли, и Яран спихнул все топливо в одну большую кучу. Весело защелкало пламя, стреляя искрами.

– Нужно быть очень осторожным, – сказал Яран. – Они невероятно голодны и способны на все.

– Даже броситься на огонь? – едко спросил Михаил.

– Да, – резко сказал Яран. – Даже на огонь.

Совсем рядом кто-то страшно и громко закричал. Михаил от неожиданности чуть не выронил карабин. Крик был человеческий.

– Что-то мне это не нравится, – сказал Яран и тревожно огляделся.

– Человек? – дрожащим голосом спросил Михаил. Он все никак не мог прийти в себя.

– Вряд ли. Кроме тебя я здесь не видел еще ни одного человека.

Яран обошел костер, сел спиной к гладкому камню, достал из кармана ножик и стал мерно строгать гибкий прут. Михаил понял это так, что он может спать. Ему вдруг мучительно захотелось залезть под теплую оболочку, да еще накрыться сверху одеялом, и проспать так до утра. Что он немедленно сделал, устроился в спальном мешке и крепко заснул.

Утро встретило его жестким холодком, пробирающим насквозь. Все вокруг было покрыто легким голубоватым инеем: мрачные холодные столбы, холм рядом с озером, листики озерной растительности, даже обрывчик озера искрился голубоватой пудрой. Потом появился вязкий непролазный туман, смешался с паром над водой, и сразу стало ничего не видно.

Скоро туман исчез. Михаил высунулся из спального мешка, вдохнул полной грудью и ошпарил легкие. Дыша подраконьи паром, сжался от холода и втянулся обратно под мягкую оболочку, но тут возник Яран, стал игриво его тормозить и щекотать ему через одеяло ноги. Михаил отчаянно сопротивлялся. Потом Ярану надоело возиться, он схватил

мешок и стал вытряхивать из него Михаила, как картошку. Михаил соскользнул на голую каменную крошку, засмеялся, отобрал и стал сворачивать мешок.

Было около семи часов. В озере всюду плескалась голодная рыба. Яран лег на берег, свесил руки в воду и вмиг наловил мелкой вкусной рыбешки себе на завтрак. Михаил тем временем аккуратно скатал мешок в тугий валик, положил его на дно рюкзака и начал завтракать вчерашним пискуном.

Яран, громко чавкая у берега, невнятно осведомился:

– Миша, когда пойдем?

– М-м, – промычал Михаил с набитым ртом, прожевал и добавил: – Хоть сейчас.

Яран подбросил последнюю рыбу в воздух, ловко поймал ее на лету ртом и проглотил. Михаил жадно набросился на второй кусок. Как всегда утром есть хотелось до невозможности.

– Вчера волки так выли, просто жуть, – сказал Яран.

– Это когда я спал?

– Да, сразу. До чего мне они надоели, кто бы только знал!

– Мне тоже, – согласился Михаил. – Придется... м-м... терпеть... – Михаил скорчил жуткую гримасу и достал из зуба кусок застрявшего ребра.

– К счастью, недолго, – заметил Яран, встал и направился к столбам.

Он долго там ходил, приседал, рассматривая землю, потом вернулся явно не в духе, тяжело сел, скрестив ноги, и хмуро сообщил:

– Там следы.

– Ну и что? – беспечно спросил Михаил.

– Это волчьи следы, – серьезно сказал Яран и повернул к нему голову. На абсолютно лысом черепе лаково блестели коричневые чешуйки. – Их там очень много. Я имею в виду следы. И еще там лежит волчий скелет.

– Не смотри слишком мрачно на вещи, – сказал Михаил и демонстративно прожевал рыбью спинку. Последние слова он не расслышал. – Видишь? Я сыт, мне тепло, рядом хороший собеседник. Что еще надо? Хватит хмуриться. – Михаил хитро подмигнул. Настроение у него было превосходное.

– Надо быть внимательным и дальновидным, – наставительно сказал Яран. – Сколько раз я тебе говорил! А вот когда набросится на тебя вся стая разом, ты ужасно испугаешься, почему это рядом нет Ярана с психотроном.

– Что такое психотрон?

Вот так у них всегда заканчивались любые споры, и большие, и маленькие – кто-нибудь не понимал другого. Михаил помнил, как им было ужасно трудно, когда они не знали чужого языка.

– Психотрон, – сказал Яран, – это прибор воздействия на мозг живых существ. Я же тебе сто раз показывал.

Он достал из кармана плоскую серебряную коробочку с красным окошечком на торце, положил на ладонь, и Михаил с уважением взглянул на приборчик. Давным-давно, когда они и говорить-то толком друг с другом не умели, Яран ловко пользовался этой штучкой во время охоты. Ультразвук приборчика быстро и безболезненно убивал больших рыжих птиц, очень вкусных и питательных. К сожалению, пуля карабина не справлялась с перьями птиц, и на первых порах друзей вырубал психотрон. Потом они нашли озера с рыбой, но на них почему-то прибор не действовал. Яран объяснил это составом воды и присутствием электроската, который безболезненно поглощал жесткий ультразвук пополам с хлесткими и зудящими, как зубная боль, сигма-импульсами.

Михаил дожеввал пискуна и сжег кости. Сложив заскорузлые от высохшей слизи плавники в рюкзак, он повесил на одно плечо карабин дулом вниз, на другое – самодельную сумку. Яран, как более сильный, взял рюкзак, и они отправились в путь.

Путь лежал на восток. Утоптанная тропа, желтоватая от песка и серая от базальтовой крошки, шла между высокими столбами, похожими на идолов древнего и жуткого культа, сворачивала в ущелье, а там – несколько километров среди однообразного голого камня, и, наконец, равнина.

Проходя мимо глубокой расселины в скале, Михаил остановился и вздрогнул. В тени, возле круглой пещерки, гнил растерзанный в клочья двухголовый волк, обглоданный почти начисто. На слипшихся редких клочьях шерсти копошились большие зеленые мухи и с зудящим звоном роились над черепом.

Сзади подошел Яран и тоже посмотрел на скелет.

– На вожака набросились, – прокомментировал он. – Уж если они загрызли вожака, то я могу себе представить, на что они способны сейчас.

Яран подтолкнул Михаила, и они пошли дальше. Мгновенно растеряв свой оптимизм, Михаил угрюмо соображал.

Вот невезение! Настоящее невезение. С утра начинаются эти мерзости. Пора бы привыкнуть. Ведь адаптация происходит очень быстро, человек, по идее, должен моментально привыкнуть, как привыкал к огнедышащей и цепезвнящей инквизиции, а потом к автоматам, а потом к ядерным клубящимся осадкам. Яран, хоть и не человек, привык А я не могу. Это все нервы.

Друзья торопливо миновали это место. Михаил попытался забыть, и это ему почти удалось, но неприятный осадок на душе все равно остался.

В каньоне было пусто и неуютно. Шорох скатившихся камней, вздохи и шарканье подошв гулким эхом отражались, от неестественно выгнутых и нависающих над ними желтых неровных стен. В изломанных тенях росли кривые чахлые деревца, стелился густой мох, словно замерзший дым, пахло сыростью.

Скоро Яран устал, и они сделали привал. Воздух на этой высоте был сухим, и после километрового броска сильно хотелось пить. Михаил положил сумку и карабин, отцепил с пояса зачехленную флягу, свинтил крышку и сделал несколько глотков. Яран стащил рюкзак, пошевелил затекшим плечом. Михаил передал ему флягу, а сам полез в нагрудный карман и достал оттуда несколько мягких раскрашенных листов. Отобрав один, он разгладил спектрокопию на коленях и стал водить по нему пальцем.

– Та-ак, – сказал он. – Сейчас мы здесь... До края плоскогорья... Холодновато сегодня... – Он поежился, посмотрел в пространство перед собой и прикинул. – Где-то около пяти километров.

– Дай посмотреть, – Яран вернул флягу и взял карту. – Да, где-то так... Странные карты у вас делают. – Он удивленно повертел карту. – Не понять, где что.

– А у вас как делают? – раздраженно спросил Михаил и забрал у него спектрокопию.

– У нас есть что-то вроде ваших кристаллократов. Они тоже фокусируют изображение в пространстве, но запоминают гораздо больше снимков. Около ста тысяч.

– Но у тебя нет с собой твоего «что-то вроде кристаллократа».

– Нет, – печально согласился Яран.

– Так что... – Михаил с ехидной улыбкой помахал перед лицом Ярана свернутыми спектрокопиями.

Михаил засунул карты обратно в карман, выстроил из щебня крохотную башню на вершине валуна и стал бросать мелкие камни, стараясь сбить цель. Ну, хорошо. Ну уйдем мы с плато. Найдем лес. А дальше что? Яран упорно не хочет говорить. Бойтся, что не поверю. Скрывает. А ведь жить приходится рядом. Михаил покосился на раскрошенные кости в тени валуна, на зловещий оскал черепа и черные пустые глазницы. Вспомнился растерзанный волчий вожак, зудящий звон мух. Тьфу-тьфу-тьфу через левое плечо, ребята...

Он, наконец, сбил башенку, поднялся и произнес:

– Пошли, Яран.

Как здесь все пусто и нехорошо, подумал Михаил, разглядывая сгорбленные под неимоверной тяжестью каменные стены с оспинами трещин и пещер. Мертвый каменный мир, ноющий ветер, темные сырые пещеры, покрытые слизью и белесыми мягкими многоножками. Длинная лопнувшая жила каньона, пробитая сквозь мрачное разрушенное плато. И множество костей. Михаил никогда не видел столько костей сразу, разве что в «Музее Кинга». Здесь были огромные скелеты, похожие на обросшие мхом остатки кораблей, выгашенные со дна океана, были небольшие, с собаку, и совсем крохотные, с кулак. Целое кладбище животных находилось здесь в непроницаемой тишине.

Когда-то каньон заполняла вода и внутри горного массива проходила настоящая подводная река, потому то Михаил нашел множество останков древних рыб. Но потом, очевидно, открылся другой выход, и вода ушла. Но откуда здесь, пусть ничтожная, но радиация? Михаил посмотрел на стереобраслет на левой руке. На экранчике в положенном месте горела красная десятка. Десять миллирентген... Изотопы урана... Радиация наверняка искусственная. Хотя... Да ну его!

Проходя мимо широкой пещеры, Яран остановился и предостерегающе поднял руку. Михаил прислушался. Из пещерной темноты на них жадно смотрели четыре золотистых глаза, доносилось басовитое рычание. Потом рычание вырвалось шершавым лаем, и на свет, хрустя галькой, выскочил волк. Он был очень похож на земную собаку, невероятно разбухшую, как от обжорства. Из широких плечей выдавались на тонких шеях две головы, сверкали золотом глаз и огрызались. Михаил попятился, стащил с плеча карабин, щелкнул предохранителем. Зверь задергал головами, обиженно взревел и скрылся

в пещере. С шорохом скатилась и замерла волна каменной крошки.

Скоро они увидели выход из каньона. Он светился впереди ярким солнечным пятном, в нем маячили какие-то далекие горы и розоватая облысевшая равнина. До нее было каких-нибудь полтора километра, и они прибавили ходу.

Каньон кончился. Плато, похожее на колоссальный кусок штукатурки, лежало на краю голой и абсолютно гладкой равнины, густо покрытой разными трещинами. Это было похоже на то, будто по ней прошлись гигантской бритвой. Мелкие трещины проросли пучками зеленоватой травы, больше растительности нигде не было видно. Ветер, разгоняясь, сдувал с поверхности колючую пыль, гнал розоватые пыльные вихри на другой конец равнины и сыпал вниз, где на дне распахнувшейся до самого горизонта пропасти темнел густой тропический лес в колыхающей дымке.

Яран опустился на камень, оперся спиной о рюкзак и заметил:

– Становится холодно. Нужно скорее идти в лес, потому что скоро начнутся заморозки и температура упадет ниже нуля.

– Ты точно знаешь?

– Да. Обычно зима наступает каждые восемь месяцев, и я попал сюда как раз в зимний период.

– Ну и как?

– Как обычно. Холодно. Но главное – нужно есть мясо, иначе моментально замерзнешь. А с едой зимой неважно. Все в основном прячутся под снег или забираются в пещеры. А там сотни разных трещин и нор. Приходится выкапывать.

Михаил живо представил себе Ярана – больного, измученного, как он стоит на коленях и, вжимаясь щекой в снег, шарит рукой глубоко под снегом. Кругом метель, каменно-желтое однообразие с шапками снега, похожего на застывшую пену. Яран отворачивает роговые чешуйки лица от ветра, скрипит зубами, а негнущиеся от холода пальцы слепо тычутся в твердые стенки норки, пытаясь нащупать теплый мех зверька. Интересно, что он испытывал в этот момент? Помимо голода, наверное, унижение, рвущиеся за пределы разума, животные инстинкты. А может, чувство злой и черной несправедливости. Бедный Яран! А может быть, все совершенно по-другому, все гораздо сложнее, чем я себе представляю. Все не по-человечески.

– Еще я выжил благодаря панцирю, – продолжал Яран. – Там у меня подкожный жировой слой. Он меня и спас.

Яран очень любил рассказывать про свои скитания, особенно вечером, у костра, когда в высоком прозрачном небе, разбитом на две звездно-розовые половины висят обе луны, а в желудке, разливая тепло по всему телу, плавится поджаренная на костре рыба спинка. Тогда Яран был настроен очень дружелюбно и со вкусом описывал разные ситуации. Истории встречались разные, были смешные, грустные, захватывающие. Яран был первоклассным рассказчиком, и с ним Михаил не скучал.

– Что-то похолодало, – сказал Михаил, зябко съежился и хитро посмотрел на Ярана.

– Не ежся, не ежся, – проворчал Яран. – Еды-то совсем мало. И вообще, приучайся сам добывать себе пищу.

– А ты не ворчи. Я тебе не песчанка, – сказал Михаил и игриво, громко объявил: – Я ведь хочу кушать!

– Потерпишь.

Глава вторая

Чье-то присутствие

Михаил сидел возле пещеры и смотрел вниз, где по-прежнему в глубине лежал черный таинственный лес. Был сильный ливень, отчего очертания далеких предметов терялись за сплошной стеной взбешенных осадков. Небо было затянуто густыми тучами и в сумерках было похоже на мощную гранитную твердь, как на старинных гравюрах. Над Михаилом козырьком торчал гладкий гигантский наплыв застывшей лавы, покрытый дрожащими каплями. Рядом со звоном лилась прозрачная струя.

В сущности своей человек никогда не был понятен, подумал Михаил. Пожалуй, единственный вид среди животных, постоянно выходящий из под контроля. Проблема взаимопонимания остается до сих пор не разгаданной. Полярные мнения об одном и том же насмерть бьются друг с другом, надеясь утвердиться, но все это похоже на зверя, пожирающего свой собственный хвост. Тем более трудно понимать человека, когда он и не человек вовсе, а его ужасно искаженный облик, начиненный разумом.

Сменился ветер, и Михаила обдало мокрой пылью. Он недовольно поморщился и отодвинулся, но козырек лавы уже не

спасал, поэтому пришлось уйти в пещеру. Высокий, в два метра туннель, тут же поворачивал вправо, а за поворотом сидел Яран, жарко горел костер, наполняя помещение теплом и запахом жженных листьев, и отражался на гладких полупрозрачных, будто оплавленных, стенах.

– Как там снаружи? – спросил Яран. Он очень неудобно сидел на остром камне и внимательно разглядывал спектрокопии.

– Ливень, – хмуро сообщил Михаил. – И, вероятно, надолго.

– Ничего, – проворковал Яран, сел прямо на пол и придвинулся поближе к огню.

– Тебе-то ничего. А как пойдём?

– Ногами. Вперед. И, как это ты говорил... А! И с песней.

– Очень смешно, – проворчал Михаил. Его раздражала подобная беспечность. И еще доля недовольства приходилась, когда на него вдруг нахлынут далекие воспоминания и мысли, замечается, а действительность сурово возвращает с неба на землю.

Пол в пещере был земляной, но очень часто попадались песочные жилы. Михаил сел на теплый и мягкий островок песка рядом с костром, положил голову на скатанную в валик куртку, потом повернулся к Ярану и спросил:

– Ты посмотрел коридор дальше?

Яран ответил не сразу.

– Да. Сначала там коридор делится на два рукава: один заходит в тупик, другой через сто шагов снова ветвится. Там есть огромная пещера и настоящий лабиринт ходов.

– А ты пробовал туда заглянуть?

– Нет. Слишком опасно.

– Опасно?

– Можно заблудиться.

На протяжении всего разговора Яран все смотрел на карту и отвечал чисто механически, чуть ли не равнодушно. Он разговаривал так почти всегда, а если и были эмоции, то слабые и бедные. Он прямо-таки волнами источал рационализм и дальновидность. Поначалу Михаил этого не понимал, как не понимал вообще всю сущность этой разумной рептилии, которую все-таки пришлось встретить в жизни, сколько он ни опасался. Он объяснял это характером и воспитанием. Потом, спустя месяцы размышлений, ответа не нашел. Просто привык.

– Как там у нас с едой? – деловито осведомился Михаил.

– Наверное, готово, – сказал Яран.

Отложив спектрокопии в сторону, он толстой суковатой палкой аккуратно отодвинул костер в сторону, почистил от углей горячий песок и стал осторожно раскапывать. Потом достал из вырытой ямки сверток, облепленный землей, развернул широкие спекшиеся жилистые листья, и на Михаила дыхнуло вкусным мясным жаром. Это была песчанка – небольшой съедобный грызун, которого Михаил очень удачно подстрелил, когда они спускались по склону к лесу. Михаил жадно потер руки и, побрякивая от удовольствия, принял от Ярана пахнущий дымом и мятой кусочек.

После ужина Михаил взял карабин, новую обойму к нему и очень внимательно проверил все патроны на предмет повреждений. Потом поднялся и закинул карабин за спину.

– Куда это ты собрался? – подозрительно спросил Яран.

– Пойду на разведку, – ответил Михаил и направился в глубину коридора.

Яран крикнул:

– Если ты не вернешься через полчаса, я пойду искать!

– Хорошо! – отозвался Михаил и скрылся за поворотом.

Сначала шла просто земля, потом пол оголился, появилась каменная дорожка, облитая не то жидким стеклом, не то еще чем-то. Заметно расширился коридор. Через несколько минут появилась первая растительность. Это были невысокие грибы, на дне прогнувшихся внутрь шляпок была вода, листики и чья-то серебристая чешуя. Потом грибы стали расти гуще и больше. Стали попадаться провисающие разноцветные лианы, на которых блестели редкие капли влаги, яркие бутоны на воздушных корнях в сырых промежутках и множество всякой разной растительности.

И было очень светло, как в яркую лунную ночь. Позже Михаил убедился, что свет источали фосфоресцирующие коробочки растения, похожего на чудовищно разросшийся мак. Скоро рукав галереи расширился и вышел в огромную и пустую, как колокол, пещеру. Кругом призрачно блестели разноцветные сосульки сталактитов, обвитые зелеными побегами, около стен кустилась ломкая мокрая трава, а воздух был тяжелым и застарелым от испарений. Свет, миллион раз отраженный на гранях сталактитов, пятнами лежал на черных стенах. Пещера была круглая, по скользким стенам на одной линии располагались двенадцать отверстий других галерей. Ми-

хаил заглянул в одну, и на него пахнуло холодом. Ничего особенного там не было, только неровный шершавый пол и стеклянные от сырости стены.

Что-нибудь подобное он ожидал увидеть. Михаил отошел назад и наступил на что-то мягкое, которое тут же заверещало и заметалось. Он испуганно отскочил. Из-под каблука в заросли выпрыгнул слепой рыжий комок шерсти, и теперь его можно было заметить по шороху и вздрагиванию высокой травы.

В глубине скалы кто-то закричал в предсмертном крике, как давеча на плато. Михаил резко обернулся и ринулся обратно. Ведь Яран остался один... Длинные лианы страшно цепляли за ноги, они внезапно налетали из фосфоресцирующей темноты, как будто злой шутник-карлик решил напугать одного взрослого человека, выдохнул голодный кладбищенский вздох и принялся нарочно раскачивать лианы. Михаил бежал не разбирая дороги, в разные стороны брызгами разлеталась мелкая живность, и оставался позади легкий желтоватый туман спор из раздавленных грибов. Проклятые лианы мешали голове, и каждый раз сверху сыпался водопад грязной воды.

Впереди промелькнула чья-то согнутая тень. Михаил выскочил за угол и столкнулся с чем-то твердым, большим, он упал и стал бессмысленно тыкать в него дулом карабина, а оно хватало и трясло его за плечи. Потом он сообразил, что это Яран пытается привести его в чувство, застонал и, отталкиваясь локтями, отполз к стене.

– Миша, что случилось?! Миша, Михаил!

Он все встряхивал его за плечи, пока тот не крикнул:

– Да не тряси ты меня!

– Что стряслось-то? – возбужденно спросил Яран и сел рядом.

– Я... услышал... крик... – часто дыша, сказал Михаил. – Думал... тебя...

– Я тоже думал – тебя... Спокойно, теперь все хорошо.

«Это все нервы, подумал Михаил. Одни нервы, они во всем виноватые. Совсем мы тут одичали.»

Они вернулись к костру. Снаружи стало совсем темно. Дождь кончился, и теперь в воздухе пахло свежестью. Звонко и размеренно, как старые часы, стучали капли, тихо тлели угли.

– Однако, пора спать, – сказал Михаил, взглянув на экранчик стереобраслета, и зевнул. Зевок получился быстрый и нервный, как гильотина. Внутри все еще бегала дрожь сегодняшнего приключения.

– Пора, – согласился Яран и тут же устроился внутри оплавленной ниши в стене напротив костра.

Михаил вышел из пещеры. Небо было абсолютно черным, как и лес внизу, только края облаков были подсвечены снизу розовым отблеском заката. Стояла потрясающая тишина и настолько сильно действовала на человека, что крикнуть изо всех сил сейчас ему представлялось просто кощунством. Кричать не хотелось. Хотелось сесть поудобнее и молча побыть в одиночестве.

Какой же лес на самом деле? Никто не знает. Воображение рисовало странные, нелепые картины, они нагромождались друг на друга и очень походили на кусочки кошмарного сна, вырванные каким-то образом из подсознания. Михаил пытался представить что-то большое, неповторимое, и, конечно, земное, но вместо этого видел тонны мха, горбатые кочки, похожие на разлегшегося верблюда, тонкие, с облезлой корой деревца, согнувшиеся от болезни, а рядом с корнями гнили черные человеческие останки.

Злобный, ни на что не похожий мир. А как захотелось сейчас дома, где-нибудь в лесу, пробежаться с километр, радостно крича, а потом выбежать на луг, бухнуться в траву и вдохнуть запах полыни, пыли и сухих листьев, а потом прыгнуть в озерцо ледяной воды, переплыть на другой берег и снова пробежаться... Здесь, наверное, тоже много травы, но она чужая, это не Земля, а какое-то отражение, ужасно искаженное в кривом зеркале. Может быть, его сейчас ищут. Но он бы видел сигнальные вспышки ракет. Его должны найти, пусть не сейчас, не сию минуту, но должны, он это точно знал. Ведь существуют же у человека электрические импульсы, которыми он разряжается каждую минуту. Они просто очень слабые. Но если... Ведь есть же люди, обладающие телепатическими способностями. Если сконцентрироваться, собраться, отбросить все лишнее и послать мощный электрический заряд, может быть кто-нибудь почувствует, прилетит сюда и найдет его. И главное, не требуется многого. Просто сосредоточиться...

Михаил неподвижно посмотрел в одну точку, затем закрыл глаза и представил, как насыщенный информацией квант

опустился на острие антенны радиомаяка, перескочил на Землю и превратился в строчки текста на экране приемника и удивленные лица дежурных операторов. Потом усмехнулся своей затее. Все это ерунда. Но все-таки... Как поразительно устроен человек! Он не теряет надежды даже тогда, когда надеяться практически не на что и не на кого.

Внизу прокатился и затих небольшой камнепад. Михаил вздрогнул и стал вглядываться в темноту. Послышался шорох, затем мелкое ритмичное похрустывание каменной крошки под ногами. Михаил пригнулся, потому что в свете костра его хорошо было видно, спрятался за валун и выглянул на тропинку. Никого. Однако шаги все приближались, Михаил среди шарканья различил дыхание, наполненное гортанным хрипом, умудрился почувствовать, не увидеть или услышать, а именно почувствовать, как широкоплечий бурый зверь, похожий на обезьяну, грузно идет на свет, с желтых могучих клыков капает пена, а следом волочится толстый хвост. Потом, видно, животное свернуло в сторону, не доходя до пещеры, и стало удаляться.

Михаил подождал, пока хрусткие шаги не исчезнут совсем, повернулся, прижался к камню и прислушался к своим ощущениям.

Непокорный и своенравный адреналин ни к месту взволновал сердце, и кровь судорожно толкалась в висках, а в руках возникла неприятная слабость. Он был сейчас в таком состоянии, что подходи и бери его голыми руками. Потом он справился с собой, поднялся, и тут же с вершины сорвался здоровенный булыжник и разбился как раз на том месте, где Михаил лег головой. Это могло быть просто случайностью. А могло бы и – нет.

Наверху шумно завозились. Михаил опасливо посмотрел туда, перебежал не дыша к другому камню, успокоился, снова взглянул наверх и тут же одернул голову, поцарапав ухо, потому что камень величиной с голову годовалого ребенка раскололся рядом и обдал лицо колючей пылью.

Пищи для размышлений оказалось больше чем достаточно. Несомненно, камни бросали, тщательно прицелившись, да и конечности были довольно развитыми. Что же получается? За шесть месяцев обитания они с Яраном не нашли даже намеков на присутствие разумной расы. Впрочем, это Михаил не нашел. А Яран, возможно, видел что-нибудь, но почему-то не

хочет говорить. И вдруг сразу, между делом на нас наткнулись абorigены...

Камень, пущенный меткой и сильной рукой, с треском лопнул над головой. Михаил прыгнул к угловатой стене базальтовой глыбы. Несколько бульжников ударились о соседнюю стену, а один очень метко и болезненно угодил по спине. Михаил вжался в угол, а в голове мелькнула неожиданная мысль: «Почему они все время целятся в голову?». Он осторожно обшарил глазами место, откуда бросали. На вершине скалы высился обыкновенный каменный столб, и в лунном свете было хорошо видно, как он изогнулся, сполз вниз и исчез за гребнем скалы. Послышался незнакомый басовитый говор. Но так вполне могли дышать... Михаил поднял с земли небольшой холодный голыш, поиграл им, Щурясь и вымеряя силу броска, потом резко взмахнул рукой. Камень по параболе перемахнул через вершину и навесом обрушился на что-то живое, которое немедленно взвизгнуло и побежало прочь. Михаил поднялся на гребень и увидел низкие и остроконечные косолапые тени, неуклюже бегущие под луной, громко шурша травой и яростно, с треском давя низкорослый кустарник.

Он сбегал в пещеру, вернулся с карабином и несколько раз выстрелил в сторону движущихся теней. Выстрелы негромко, но четко и ясно сверкнули короткими красными вспышками. На щебень под ногами со звоном высыпались пустые гильзы. Глупо конечно. Но как-то нужно было утвердиться.

Из темноты сзади показался Яран. Поскальзываясь, добрался до Михаила и сердито осведомился:

– Что за стрельба?

– Здесь кто-то был, – мрачно сообщил Михаил и почесал нос кончиком дула.

– Обязательно было стрелять?

– В меня кинули камнем. Несколько раз, и целились в голову.

– Так, – сказал Яран. – А может, тебе показалось?

– Нет, мне не показалось, – раздраженно ответил Михаил.

– По спине попали...

– Кто?

– Откуда я знаю?!

Они замолчали. Кругом, на многие километры были одни горы – преддверие чего-то нового и необычного. Вершины их

были подсвечены луной, и странно переливались, серебристо мерцали изломанные линии контуров. От пустых гильз едва уловимо пахло сгоревшей жидкой взрывчаткой. Где-то шумно сорвалась и захлопала крыльями одинокая ночная птица.

– Пойдем, посмотрим? – предложил Яран.

– Пошли, – Михаил деловито поправил ремень карабина и первым стал спускаться с гряды.

Тут же они обнаружили камни, выдернутые из мерзлой земли и сложенные пирамидкой, как старинные чугунные ядра. Примерно через пятьдесят шагов начался кустарник. Здесь они шли не так уверенно, высокая до пояса, мокрая трава прижималась под их тяжестью и почти не распрямлялась. Потом обнаружился овраг, почти незаметный из-за деревьев, прорастающих на склонах. Михаил спрыгнул на дно, с размаху утонув по щиколотку в жидкой грязи, и поводит перед собой стволом. Здесь было много маленьких следов, как будто по грязи пробежались дети, только на концах их было по два пальца. Нижние ветки низкорослых деревьев были сломаны; на них свисали тряпичные лохмотья. Противоположный склон был изрыт длинными бороздами и ямками, и Михаил словно видел, как уродливые аборигены в плащах с треугольными капюшонами карабкаются по скользкой стенке, цепляются друг за друга и срываются вниз, злобно ругаясь.

Никакие это не братья по разуму, решил Михаил. Нормальный, уважающий себя гуманоид, пусть еще в пещерной стадии развития, никогда бы не стал швыряться камнями в первого же встречного. Нормальный, уважающий себя гуманоид обратился бы к ним с речью, в знак мира поднял бы обе руки, показывая, что у него нет оружия, потом пожал бы оными руками пришельцев и пригласил бы к себе в дом. Обычно так и случалось, по крайней мере во всех источниках, которые читал Михаил, добродушные инопланетяне жали братьям по разуму руки, а сами братья, затянутые в скафандры, испытывали Бог знает что.

Но я, наверное, неправильно рассуждаю, засомневался Михаил. Поставь на их место моего предка стотысячного года до нашей эры рождения, он поступил бы совершенно по-другому. Страшный, заросший до глаз волосами и бородищей, с набедренной повязкой из шкуры собственноручно убитого и съеденного медведя, он будет размахивать своей дубиной и лупить всех без разбору. Ему совершенно наплевать, пришелец перед ним или саблезубый тигр, он в лучшем случае за-

бьет и бросит вас на произвол судьбы и будет по-своему прав. Тут и собственная безопасность, и борьба за территорию, и желание набить морду ближнему своему из-за чувства собственного превосходства. А то, что аборигены чересчур миролюбивы или наоборот, чересчур агрессивны, так это ничего не меняет, это все условности, неизбежный ход истории. Тем более, что Яран там что-то нашел и как-то странно на меня смотрит...

Михаил подошел к нему, как и он нагнулся и увидел на глине несколько пятен желтой светящейся жидкости. Она медленно стекала в рубленный отпечаток ботинка и равномерно фосфоресцировала. «Неужели попал?» – тут же подумал Михаил.

Яран осторожно взял немного жидкости на палец. Палец тут же окрасился желтым и замерцал. Яран повертел рукой, наблюдая, как тягучая, словно смола, большая капля катается по чешуйкам, потом осторожно понюхал.

– Странно, – сказал он.

– Что такое?

– Совсем нет запаха. И почти не чувствуется.

– Ну-ка... – Михаил дотронулся запястьем до руки Ярана.

Капля медленно, как улитка, перекатилась и потекла вниз, оставляя светящуюся дорожку. Ощущения были действительно странными. Жидкость была легкой, почти невесомой, и было приятно ее чувствовать. Потом Михаил словно опомнился и брезгливо вытер ладонь о штаны. После этого руки легонько жгло.

– За такие шутки меня бы с неделю продержали в дезинфекторе на Земле, – сказал он.

– Меня бы тоже. Однако мы тут застоялись, – промолвил Яран, удивленно наблюдая обувь, обросшую грязью.

– Точно, – сказал Михаил.

Они набрали побольше хвороста и побрели обратно. Всю дорогу Михаил думал о том, что эти тени, буде окажутся смысленными, наверняка не оставят их в покое. По крайней мере будут за ними следить. А точнее, выслеживать. Интересно за кого они нас приняли?

В пещере Яран сел на скрипучую охапку хвороста, аккуратно соскоблил жидкость в маленький прозрачный цилиндр, закрыл крышечкой и внимательно посмотрел на свет. Михаил тоже посмотрел, но ничего интересного для себя не нашел. Зато Яран с непонятным вниманием обследовал со-

держимое цилиндрика, потом удовлетворенно хмыкнул и засунул его на самое дно кармана рюкзака.

– Зачем? – не понял Михаил.

– Может пригодиться, – загадочно ответил Яран. Михаил присел на корточки и произнес в пространство:

– Что же это получается? Выходит, мы здесь не одни?

– Ты про что? Ах, да...

– А может это животные?

– Возможно.

– Ну что ты, Яран, прямо я не знаю! – взметнулся Михаил и возмущенно распрямился. – Ведешь себя так, будто ничего не случилось.

– А ничего и не случилось, – невозмутимо сказал Яран. – Вернее, случилось, но большого значения придавать этому, по-моему, не стоит.

– А по-моему, стоит. Неужели тебе не интересно?

– Интересно.

– Ну?

– А что еще я должен испытывать, кроме интереса?

– Как что?! – Михаил быстро заходил по пещере. – Как что?

– Ты этого еще не знаешь. А я знаю. Ну хорошо, нашли мы гуманоидов. Пещерные люди, работающие руками и ногами, думающие желудком, но никак не головой. Что от них можно ожидать? Пять лет назад у нас была разработана программа для развития отсталых народов близлежащих населенных планет. Нас высаживали десятками, сильных, здоровых, защищенных, оставляя на месяц, а когда прилетели через месяц, нашли лишь нескольких, влачащих (примерно так он сказал) полуголодное существование. Многие были в ужасном виде, будто их старательно избивали камнями. Причем пострадали они не от хищников или растений, а – что самое ужасное! – от самих туземцев. Всех их рано или поздно заметили, но поняли неправильно. Потом программу закрыли. Вот тебе результат. Думай.

Михаил сел на свернутый спальный мешок и стал размышлять. Подобные мероприятия проводились и у них, в околосолнечных системах. И кстати, довольно успешно. Все действовало в рамках общей теории развития, все соответствовало диаграмме Вандарова, все шло хорошо. Но ведь эксперимент еще не закончился. И чем закончится, неизвестно.

– Я уже не говорю о том, – продолжал Яран, – что наши с тобой существа не изменятся за ближайшие пятьсот – тысячу лет. Они не станут завтра умнее, не будут перед тобой извиняться. А вот вероятность того, что завтра тебе на голову свалится камень, очень велика.

Михаил ошарашено смотрел в огонь, потом вспомнил.

– Слушай, там ведь остались следы. И ключья какой-то материи. Может, еще раз посмотрим?

– Завтра посмотришь, – проворковал Яран и сильно раскрыл ноздри. Он так зевал. – Нет у меня времени туда-сюда бегать. Давай спать. Как это ты говорил, утро вечера спокойнее.

– Мудренее, – поправил Михаил.

– Да, мудренее... – Яран повалился прямо на охапку веток и заворковал...

Утром они покинули пещеру. Михаил специально заглянул в овраг и не удивился. Все следы на дне были тщательно замазаны и стерты. И исчезли рваные тряпичные лохмотья.

Глава третья

В зелени ветвей

Внизу было тепло, гораздо теплее, чем на вершине хребта. В тени было тоже неплохо, но зато, когда кто-нибудь выступал на освещенные участки местности, сверху начинал давить дрожащий тропический зной. Михаил снял куртку и повесил на плечо, держа пальцем за магнитную петлю. Яран остановился, тяжело сел на рюкзак и предложил отдохнуть. Михаил присел рядом, стал попивать из фляжки и с интересом осматриваться.

Когда-то здесь текла горная река. Каждый год, каждую весну она раздувалась, выходила из берегов, мощный поток поднимал со дна и ворочал, как человек конфету, огромные глыбы, выкашивал деревья у берега, сливался вместе с другими реками в одну артерию. А потом, по чистой случайности, какой-нибудь камушек весом в пятьсот тонн загородил дорогу реке, и река превратилась в высохшее русло, которое гигантским желобом сворачивало влево и исчезало в плотном сизом тумане. Слева сплошной желто-зеленой полосой шел обрывистый берег с торчащими корнями и кромка могучего леса. Справа выступал высокий гранитный кряж, блестя слюдой, и над всем этим нависало высокое и розовое безоблачное небо.

Яран растопырил на затылке гребень пластинок, как попугай, и принялся чесаться. Пластинки были тонкие, музыкально отзвывались под пальцами, как старинный брегет, и слабо блестя. Михаил посмотрел на него и засмеялся.

– Чего смеешься? – дружелюбно спросил Яран.

– Интересные у тебя пластинки, – ответил Михаил.

– Возможно...

От нагретых белых камней и хрустящего гравия горячими струями поднимался воздух. Не было видно даже насекомых.

– Слушай, – сказал Яран. – Чего мы тут расселись? До леса всего несколько шагов!

– Не знаю, – отозвался Михаил. – Ведь ты предложил...

Яран рывком закинул на спину рюкзак, в котором тут же что-то перекачилось с металлическим стуком, и уверенно зашагал к берегу. Михаил пожал плечами и двинулся за ним. Идти было немного противно по гладким и ужасно неровным камням, к тому же ремень карабина натер и отдал плечо. В голову лезли самые кислые мысли, что сегодня Яран при спуске подвернул ногу, а Михаил наступил на головоногую змею, чуть не поплатился ногой и страшно перепугался, что вообще весь день превратился в сплошную болячку. Сильно чесалась стертая стопа. Захотелось плюнуть на все, бросить все и тут же замертво свалиться. А ведь Яран бы не свалился, не стал швыряться рюкзаком и громко кричать, что у него болит. У всех у нас что-то болит. И это самое скверное, когда действия зависят от настроения.

Наконец, они вышли на берег, тоже пустой и дикий, стали взбираться вверх. Склоны были крутыми, сложенными из слоеного песка, который вдруг оказался на редкость вязким и рассыпчатым. Яран сначала забросил далеко вверх рюкзак, потом залез сам, перебирая руками по корням как по канату, и стал поджидать Михаила. Михаил был не таким ловким и поднимался медленно. К тому же ужасно мешал карабин, как назло, скатывался с плеча на руку, хлопал по бокам и по спине, цеплялся дулом за звериные норки и тянул вниз. Михаил повесил его на спину ремнем через шею, но так стало еще хуже. Однако вскоре его мучения кончились, он поднялся, выбил из себя пыль, и они с Яраном бодро зашагали вперед.

Пройдя с километр, Михаил вдруг охнул, присел на трухлявый зеленый пенёк и стал бережно снимать ботинок с правой ноги. Поставив ботинок рядом, он с болью стал рассматривать

распухшую и покрасневшую стопу, положив пятку на левое колено.

– Что случилось? – устало спросил Яран.

– Ногу стер, – мрачно ответил Михаил.

– Нам надо идти, Миша, – серьезно сказал Яран.

– Я не могу и шагу ступить! – раздражился Михаил. – Нет, Яран, правда, ну куда ты так торопишься?

– Туда, – Яран ткнул пальцем в сторону легкого голубоватого тумана, который медленными клубами выпирал из темно-зеленой чащи. – Ты идешь?

– Сейчас, сейчас... – сварливо произнес Михаил, стал натягивать ботинок, охая и скрипя зубами. – К чему нужна такая спешка?

Он подхватил сумку и захромал к Ярану, а потом встал рядом с ним и раздвинул мягкие ветви, чтобы было лучше видно.

Да, лес поражал воображение. Вверх, на огромную высоту, поднимались высокие, темно-зеленые от лишайника деревья, до невозможности старые, одряхлевшие, с отставшими пластами коры, которые легко отваливались, обнаруживая светлую рассыпчатую труху. Вокруг некоторых деревьев спиралью поднимались шершавые, намертво приросшие лианы, отчего стволы были похожи на гигантские сверла. Свет сюда едва проникал сквозь мощные непробиваемые кроны, шел слабыми полосами веера. Был теплый лесной сумрак, пахнущий хвоей, плесенью, болотом, землей, и тем не менее удалось разглядеть и почувствовать тысячи мелких подробностей: мокро блестящие чудовищные корни, похожие на щупальца спрута, обширное озеро, в котором клокотали испарения и изредка с шипением взрывались фонтаны водяной пыли. Обилие травы, съедобного мха, животных. В голубоватом тумане над озером все предметы становились размытыми, зыбкими, и растительность на противоположном берегу походила на отвесную гранитную стену угольного цвета.

Под ногами хлюпало, и сухо трещал отмерший растительный мусор. Михаил доковылял, сел на давно рухнувший ствол и пошарил по земле рукой. Сразу же кто-то завозился сзади в кустах и уставился на Михаила зелеными кошачьими глазами. Михаил устало спросил:

– Ну, что тебе?

Глаза с шорохом исчезли, закачалась потревоженная трава.

– Да, нам здесь скучно не будет, – сказал Яран и, не снимая рюкзака, опустился на ствол к Михаилу. Ствол, шелкая, прогнулся, закачался и замер.

– Осторожнее! – крикнул Михаил и чуть не упал, балансируя рукой и зажатым в ней ботинком. – Здесь и остановимся?

– Не знаю, – ответил Яран и стал сосредоточенно скрести панцирь.

– Но у тебя есть мысль?

– Есть. Будем искать жилище.

– На земле нам жить нельзя, – предупредил Михаил и показал подбородком на кусты, сквозь которые животным зеленым любопытством светились две точки.

– Да. А раз нельзя на земле – полезем на деревья.

– Ты шутишь?

– Что такое «шутишь»? А, да, шутка. Но ведь «шутишь», это когда смешно...

– Какой ты Яран бестолковый, – сказал Михаил. – Ничего ты не понимаешь в человеческой речи.

– А что ты понимаешь в моей?

Михаил отвернулся. Ну что он прицепился, в самом деле! Что за привычка – цепляться за слова?! Ни черта он не понимает, а считает, что все понял...

Поверхность озера заволновалась, из воды показалась длинная могучая спина землистого цвета с мокрыми глянцевыми боками, что-то похожее на гигантского морского угря, изогнулось и мягко, без всплеска ушло под воду. Кругами разошлись волны.

– Странный лес, – сказал Михаил.

– Ничего странного, – возразил Яран. – Обычные тропики. Однако нам надо идти.

– Куда! – застонал Михаил. По его лицу было видно, что ему страшно не хотелось куда-то идти.

– Ты хочешь остаться здесь?

– Нет.

– Тогда пошли.

Они направились вдоль берега. В глубине, около дерева лежала огромная муравьиная куча, а сами муравьи – жесткие и, наверное, опасные – ползли вверх и вниз в два ряда по толстой лиане. Из глубины на прищельцев с любопытством поглядывали животные, наверху кто-то заорал и сорвался. На голову посыпался мусор из оторванных веточек и листьев.

Было очень неуютно и неудобно, и Михаил заявил, что здесь он жить не будет. Яран сказал, что здесь жить никто не собирается, что лучше, наверное, посмотреть дальше.

Яран повернул в сторону от озера. Длинная ломкая трава хрустела под ногами и вжималась в мягкий чернозем. Михаил поминутно наступал на чьи-то жесткие хвосты, дергающиеся лапы и щупальца, ему вслед злобно и раздраженно огрызались и шипели. Очень было неприятно чувствовать присутствие посторонних. Вспомнилась поговорка насчет тигра и змеи.

Потом идти стало труднее. Трава впереди нависала мощными широкими листьями, двухметровые стебли практически не сгибались. Михаил вытащил из пластиковых ножен на поясе длинный и страшный охотничий нож, встал первым и принялся за работу. Яростно сверкала и звенела сталь, вонзаясь и брызгая зеленой мякотью, толстые стебли подламывались, как тростник, и мягко падали на землю. Михаил косил долго и настойчиво, медленно продвигаясь вперед, джунгли отступали, но не сдавались, и иногда казалось, что травы впереди становятся все больше и больше.

Когда он выдохся, нож взял Яран. Он работал с меньшим усердием, хотя на плечах по-прежнему висел тяжеленный рюкзак. Потом снова Михаил. Так они чередовались, пока заросли перед ними не расступились и показалась очень чистая и опрятная полянка. Последние стебли рухнули под ноги, Михаил по инерции взмахнул ножом по воздуху, охнул и не удержал. Нож выскользнул из ладони и закачался, впившись в многострадальный ободранный ствол.

Здесь было гораздо больше света, чем там, около озера. Косые розовые лучи проникали сюда сквозь разлапистые вершины и светлыми пятнами лежали на мягком мхе. Голубой туман с озера медленно клубился и оседал. И деревья здесь были совсем другие: необычайно толстые, древние и мудрые, лихо присевшие в пышный мох. Но что-то еще их отличало. Михаил никак не мог понять, а потом догадался, что здесь очень много ветвей, могучие мертвые ветки внизу и заросшие зеленью выше. Кто-то здесь недавно побывал: мерно качались потревоженные оранжевые лианы и сверху сыпался обезьяний хохот.

Михаил присел к упругим корням темно-коричневого стометрового великана и помассировал мышцы правой руки. На ковбойке темнели пропотевшие подмышками пятна и быстро съеживались, испаряясь. Яран освободился от своей но-

ши, прыжком уселся на ветке и стал быстро забираться наверх.

– Яран, ты куда? – крикнул Михаил и запрокинул голову. Прямо в лицо посыпалась кора. Михаил чертыхнулся.

– Я хочу найти дупло! – издали отозвался Яран.

– Что?

– Дупло-о!

«Какое еще дупло?» – подумал Михаил.

Наверху шумно завозились, что-то с треском обломилось и считая ветки, полетело вниз, опережая яраново ругательство.

– Ты там поосторожнее, Яран.

С высоты гулко донеслось:

– Что ты говоришь?

– Не упади там! – заорал Михаил и осмотрелся.

Здесь было хорошо, вольготно. Прямо под ногами – съедобный и питательный мох. В траве кишмя кишат животные, на верхних ярусах полно дичи. Тенек, прохладно, свежо, все в меру. Прямо рай земной! Только вот это-то и настораживало Михаила. Уж слишком тут спокойно.

Яран раскачался на руках, цепляясь за толстый корявый сук, и удивительно бесшумно спрыгнул. Подошел, сел рядом, задумался.

– Ну как?

– Я добрался только до шестого яруса, – проворковал он. – Их всего двадцать, но дальше я не смог – слишком сильно там все заросло.

– Взял бы нож, – деловито предложил Михаил.

– Дело не в ноже, – вздохнул Яран.

– А в чем? Яран, не тяни резину.

– Какую резину? Объясни.

– Ну... Тянуть резину – это значить... Ну... Медлить, специально долго тянуть время, когда тебя ждут другие.

– А разве время можно растягивать?

– Да я не то хотел сказать. Слово «медлить» тебе понятно?

– Да.

– А «специально медлить»?

– Теперь я тебя понял, – сказал Яран. – Там, наверху, птицы.

– Какие птицы? – не понял Михаил. Он даже забыл, о чем они говорили до этого.

– На шестом ярусе я нашел гнездо, – серьезно сказал Яран. – Большое, метров пять в диаметре. Там лежало десять коконов. – Он быстро повернулся и в упор посмотрел на него. – Десять здоровых коконов, Миша. И мне этого соседства очень не хочется.

Яран говорил серьезно, без дураков. Он выглядел напуганным, но это был не испуг, а скорее озабоченность и беспокойство. Лицо ничего не выражало да и не могло – у Ярана были плохо развиты лицевые мышцы, к тому же мешала корка наростов. Однако Михаил почувствовал гнев на Ярана за его, яранову, чрезмерно развитую чуткость или как это там называется. Ведь он, Михаил, человек, он ведь тоже может о себе позаботиться, ведь у него есть навыки охоты, борьбы с чудовищами, он умеет построить себе жилище, все, чему он учился на Земле, когда собирался стать Искателем. И тут припомнилось множество жизненных моментов, от которых Михаил почувствовал себя свиньей.

Последнее время только Яран и добывает что пожрать, разве что Михаил вчера подстрелил жалкого грызуна. Яран таскает хворост, носит этот рюкзак, Яран ищет дупла на деревьях, чтобы жить (кстати, не только для себя ищет), а я раскис, растекся, как кисель, когда обнаружил, что друг, оказывается, умеет терпеть меня и в любых случаях; у меня есть боль и я с лопнувшими веревками элементарной порядочности кричу об этом, как будто никого вокруг нет и я не умею себя контролировать. Куда исчезает вся наша выдержка, самообладание, ведь днями тренируемся дома и на звездолетах, а беда-то, оказывается, не в этом, а в самом человеке. А Яран наверное догадывается и знает, но просто не подает виду, он что-то понимает, но разве можно понять меня, дурака. Да, Михаил, судьба послала тебе и другу испытание, а друг-то оказался гуманнее тебя. Хочется ругаться и кого-то винить, наорать на него, подлеца, а виноватый – ты сам. До чего же все скверно!

Яран встал, размялся и сказал:

– Однако время идет. Надо еще поискать. Миша, если ты устал...

– Ничего я не устал, – раздраженно сказал Михаил, мысленно избивая себя руками и ногами. – Куда нам идти?

– Наверно, туда. – Яран показал пальцем и взялся было за лямки рюкзака, но Михаил отобрал рюкзак, взвалил себе на плечи и, сгорбившись, пошел в указанном направлении.

Было приятно идти по мху, мох спокойно пружинил и распрямлялся, поднимался вверх по деревьям зелеными потеками и местами был объеден. Скоро Михаил и Яран вышли к горному ручью. Вверху в листве шла полоска неба, там маячили резкие подвижные тени. Ручей мирно и деловито катился зигзагами, вымывая в земле широкие круглые дыры так, что выступали наружу коричневые пласты железняка. На противоположном берегу прыгали длинноносые птицы на тонких ногах, копались клювами в земле и протяжно вскрикивали. Лесные запахи и звуки, покой постепенно заливали бушующее пламя гнева, Михаил медленно остывал, но рюкзак все еще не отпускал.

Деревья шли вдоль берега сплошной стеной, одинаковые, похожие на гигантских шахматных ферзей, на разросшиеся до неузнаваемости дубы, не те трухлявые старички около озера, а здоровые, уходящие на стометровую высоту длинные глыбы, запакованные в грубую толстую шкуру, черную от времени и лесного сумрака. В тесных промежутках, забитых рукастыми корнями и мхом, прятался непролазный мрак и глухая тишина чащобы.

Михаил, разбрызгивая воду, пересек ручей, подошел к окраине чащи вплотную и молча стал пробираться сквозь овражек прохода. Огромные потревоженные корни, толстые, как фонарные столбы, кричали и прогибались под ногами. Было не очень удобно, потому что тяжелый рюкзак постоянно цеплялся и тянул вниз. Михаил попытался представить себе, на сколько метров уходит основной корень, и не смог. Невероятная глубина, чтоб суметь удержать такую махину. Где-то там, внизу, тысячелетние корни вгрызались в породу, ползли вниз, с хрустом взламывая каменные плиты и мертвой хваткой удерживали тысячелетний ствол, который не прожил и половины своего срока.

Сзади захрустел песок. Яран соскреб приставшую грязь с подошв круглоносых ботинок, покачался, ухватившись за согнутый дугой отросток, восхищенно заметил:

– Сколько же их тут!

Михаил сидел, свесив ноги с обрывчика, отщипывал рядом кусочки мха и сосредоточенно жевал. Он уже научился распознавать качество мха по цвету. Это был желто-зеленый с огуречным вкусом. Правда немного горчили корешки, и он сплевывал их вниз, на дно глубокого промежутка.

Яран, прыгая по корням, крикнул:

– Где-то здесь должны быть хорошие дупла!

– Кто тебе сказал?

– Никто. Просто предчувствие.

Они двинулись дальше, вглубь чащобы. Из темноты волнами набегала прохлада и свежесть. Под стайкой молодых елочек цвели разбухшие грибы с лиловыми шляпками. Вокруг не было никаких посторонних глаз, и это понравилось Михаилу. Хоть здесь не подглядывают. Возможно, он ошибался.

После часового лазанья по веткам они нашли, наконец, довольно приличную и просторную пещерку на пятом ярусе, на высоте двадцати пяти метров. Пещерка была круглой, около семи метров в поперечнике. Долбонос, местный представитель дятлов, долго и старательно работал, прежде чем получить такое дупло. Они с Яраном сначала обрадовались, а потом восторг сменился разочарованием и отголосками древнего страха, потому что на дне дупла тихо лежали объеденные разгрызанные кости и раскрытый клыкастый череп. Судя по всему, это был двухголовый волк.

Яран установил, что толстый панцирь рыжей смолы на стенах и на полу не позволит дереву загореться и что вполне можно разжечь костер. Когда жилище было прибрано, Яран выстроил на плоском полу очаг, наложил дров и листьев и выстрелил блестящей плоской зажигалкой. Зашевелилось голубоватое пламя, по стенам запрыгали тени.

– Ну вот, – сказал Яран. – Теперь мы дома.

Михаил долго глядел в огонь, потом спросил:

– Яран, а как ты сюда попал?

...Работал он историком, специалистом по малым народам. Из-за пустяковой поломки корабля пришлось приземлиться здесь. Яран задействовал авторемонт и решил прогуляться в лес. После многочисленных блужданий он наткнулся и разбудил какую-то кошмарную тварь. И, бегая, затерялся. Была крохотная надежда на маяк корабля и приемник часов. Но часы оказались разбиты. Растерянно перебирая в руке осколки, Яран никак не мог поверить, что он остался один, быть может, навсегда, что предстоит восемь месяцев долгой и трудной борьбы за выживание, что предстоит уподобиться далекому предку и быть постоянно готовым к драке, к броскам сзади, из-за угла, действуя, правда, более современным оружием. Он стоял совершенно один на заросшей тропинке, кругом громоздились деревья, кричали животные, было слышно, как недалеко кто-то с бултыханием падает в воду. А

в руке лежали, мучительно оттягивая руку, остатки разбитых часов...

– Разве тебя не искали?

– Искали. Но ведь я никому не сказал, где я. И аварийный луч не был включен.

– Понятно...

– Ну а ты?

– Потом Яран, ладно? Что-то есть хочется.

– Тогда принеси воды, я сейчас займусь ужином.

Михаил принял от Ярана закопченный котелок, вылез из дупла и стал спускаться. Спуск был недолгим: ветки шли ступеньками, сильно кустились на границах ярусов, так что проблем почти не было. Нужно было только крепче хвататься руками. Здесь главное – руки. Если поскользнешься, – а вокруг полно осклизлого налета лишайников, – и если нога сорвется в пропасть, ничего страшного, но если нет опоры в руках, приходится довольно трудно. Особенно сейчас, когда в правой руке скрипел и болтался котелок.

Он спрыгнул на землю, почистил руки от налипшей мусорной дряни и направился к ручью. Сначала все было хорошо, а потом Михаил почувствовал, как кто-то еле слышно шевелиться в траве слева и быстро и бесшумно бежит за ним. Он остановился, повертел головой, потом увидел чью-то присевшую тень. «Хватит», – подумал он и уверенно шагнул в заросли. Впрочем, его уверенность быстро исчезла, и от неожиданности Михаил выронил котелок, который, болтая ручкой, скатился в ложбину и замер.

Глава четвертая

Мальчик

Он сидел на корточках и внимательно разглядывал Михаила. Это был обыкновенный человеческий детеныш, очень симпатичный длинноволосый мальчишка лет семи-восьми, очень жилистый, не по годам сильный и довольно грязный. Одет он был в набедренную повязку из толстой и грубой материи, перетянутую жгутиком лианы, а на плечах висела накидка из рыжей пятнистой шкуры с болтающимися лапами. Из волос осторожно выглядывали треугольные уши с рысьими кисточками на концах и поворачивались на каждый посторонний звук.

Когда оцепенение от неожиданности и испуга прошло, Михаил подобрал котелок, тяжело сел прямо на сырую траву и произнес:

– Ты... кто?

Это было первое, что пришло ему в голову. Малыш не ответил, проворно выудил из-за спины лук со стрелой, натянул тетиву и прицелился Михаилу прямо в переносицу. Михаил почувствовал, как сильно зачесалась кожа на носу, и мгновенно облился холодным потом.

– Боишься, – разочарованно сказал малыш тонким детским голоском, вздохнул, положил лук на землю, а кончиком стрелы стал скучающе царапать землю.

Михаил успокоился и спросил:

– Откуда ты?

– Откуда, откуда! – раздраженно передразнил малыш и размашисто сунул стрелу обратно в колчан, где торчали белые хвосты оперений. – Вечно вы: кто, откуда, лезете со своими дурацкими вопросами.

– А что я должен, по-твоему, спрашивать?

– Спроси, как меня зовут и из какого я рода?

– Как тебя зовут и из какого ты рода? – терпеливо повторил Михаил.

– Наконец-то! Хоть один стоящий вопрос за последние пять лет! – Малыш повеселел, сел, скрестив ноги, и придвинулся поближе к Михаилу. – Меня зовут Октар, что в переводе означает «первенец». А из рода я Просветителей. Впрочем, тебе это не интересно, я же вижу, – обиженно добавил он.

Его речь странно сочетала в себе взрослого рассудительного мужчину и наивного ребенка. Откуда он взялся? Авария? Потерялся? Или абориген? Михаилом вдруг овладело внезапное чувство апатии и безразличия, и малыш показался ему чем-то обычным, тысячу раз увиденным и осточертевшим. Почему-то захотелось бросить все и сидеть вот так, на сырой траве, до скончания века. Говор малыша сыпался на него откуда-то сверху, висел в мозгу гулким однообразным туманом звуков, а глаза стали слипаться, Михаил испугался по-настоящему. Да что же это за дьявольщина! Ведь срывается контакт... Контакт... Какой контакт? Я и не думал ни о каком контакте. Елки зеленые, спать-то как хочется! Малыш... Откуда он здесь... Да, учитель Тарковский, это тебе не Рейнгольда... Какая Рейнгольда? При чем здесь... Ах да, про контакт... Биополе... Поле!!!

Михаил очнулся. Мир перед глазами все еще плавал в голубоватой дымке. Щелкали, раскачиваясь верхушками, немислимой высоты древние вязаы, папоротники, мохнатые сосны, разросшиеся до неузнаваемости. В траве кишела разнотравная мерзость. Мальчик стоял перед глазами странно размытый, зыбкий, без четких очертаний, словно на глаза набежала слеза. Потом видимость улучшилась, словно кто-то повернул барабан резкости на видеокамере. Все было в порядке.

При первых контактах с рейнгольдянами среди многих контактеров наблюдались кратковременные физические отклонения: обмороки, потери зрения и речи. Вот тогда-то и был введен термин «полярное наложение информации», ПНИ-феномен. Биологическая цивилизация рейнгольдян выработала в самой себе способность накладывать инфо-поле на органическую жизнь как защитную реакцию от хищников, которых на Рейнгольде пруд пруди. Вроде мимикрии марсианских ртутников. Иногда феномен происходил подсознательно, неуправляемо, и аборигены были ужасно опечалены, «что все так плохо получалось». Ввиду первых ласточек теоретической новой гипнотической эпидемии, Парламент предложил мировому Совету на рассмотрение проект о повальном обучении всех звездолетчиков (особенно «дальнобойщиков») приемам инфо-отражения чужеродного (то есть нечеловеческого) биополя. Многие были этим недовольны, потому что занятие инфо-отражением отнимало по четыре часа в день и требовало невероятной концентрации. Обязательность И-отражения отклонили. Серьезно этим делом занимались единицы: у них в группе, например, только Тарковский, который был тогда учителем, и его любимый ученик Антон Лебедев. Сначала с ними вместе увлекался Нортон, но потом он предпочел ее индийской йоге. Михаил был от природы немного ленив и неспособен к усидчивости.

Октар тем временем пространно рассуждал о назначении человека, уходя в непроходимые дебри, потом запутался, устал, опять достал стрелу и попробовал тетиву.

– Тянет, – одобрительно сказал он, опять оттянул ее и стал вертеться в поисках подходящей мишени. Раза два готовая сорваться стрела промелькнула совсем рядом с Михайловым лицом, и каждый раз Михаил неприязненно и произвольно отталкивался пятками.

– Отдай, – потребовал он и схватил кончик лука.

– А зачем тебе? – спросил Октар, отобрал у него лук и хитро прищурился.

– Это не игрушка.

– Естественно. Если ты думаешь, что я пришел сюда просто играть, то глубоко ошибаешься. Просто здесь спокойнее. Мало света, много еды и никто не колотит по спине палками.

– А кто тебя колотил?

– Да есть тут кому... – злорадно сказал мальчик, остановился, задержал дыхание и выстрелил. Стрела шикнула мимо Михаила, с хрустом отсекла от дерева пласт коры и рухнула в траву. Михаил обернулся. Посередине стрелы, пробитый насквозь, страшно бился в агонии зеленый жирный червяк.

– Здорово, – изумленно похвалил Михаил. Он был почему-то уверен, что мальчик промахнется. – Как ты его увидел?

– Я его услышал. А ты неужели не слышишь?

– Ну конечно, Михаил ничего не мог услышать. Он был абсолютно безграмотным, не умел читать следы, не умел стрелять из лука и вообще не был приспособлен к жизни в лесу без своих непонятных электронных штучек. Михаил подумал, что больше он узнает, если отведет его к ним в Дупло.

– Вот что, – решил он. – Пойдем-ка со мной.

– Куда это? – недоверчиво спросил Октар и сел на корточках, готовый в любую минуту задать стрекача. На ногах и руках под смуглой кожей напряглись и расслабились мышцы.

– Туда. Мы там с Яраном на дереве устроились.

– Если на дереве, тогда пошли,

Октар встал, поднял стрелу, стащил и выбросил червяка и первым двинулся по тропинке. Он едва доставал Михаилу до пояса, метр без кепки, однако шел уверенно, крепко ступая голыми ногами по утрамбованной земле. Издалека он выглядел очень загорелым, под темно-коричневой кожей рук выступали полосы вен. Где он мог загореть, непонятно, тем более что света здесь явно недостаточно. Потом Михаил сообразил, что это обыкновенная грязь. Но она Октару не мешала. Не мешал и полотняный колчан, тяжело хлопающий по спине, большой, сшитый по взрослой мерке и казавшийся очень неудобным.

По дороге Михаил набрал из ручья котелок воды. Они остановились около дерева, где было дупло. Тут у Михаила возникли затруднения. Он не без труда спускался вниз, когда котелок был пустым, теперь же было еще сложнее. Михаил поставил котелок на землю и озадаченно почесал затылок.

– Что случилось? – осведомился Октар.

– Видишь ли, с котелком не знаю как залезть. Не привык я по деревьям бегать.

– Давай я залезу?

– А ты сможешь?

Октар сделал оскорбленное лицо, взял котелок и моментально забрался на нужный ярус. Казалось, будто он, совершенно не касаясь ногами, взбежал как по лестнице. Ловко! Михаил приноровился и медленно стал подниматься, нещадно ругая про себя проклятый скользкий лишайник.

Яран занимался чисткой чешуек на руке, когда Михаил и Октар вошли внутрь пещерки дупла. Малыш радостно оббежал вокруг костра, по-турецки сел и повернул к огню свои маленькие детские ладошки.

– Вот, – сказал Михаил, обращаясь к Ярану. – Принимай гостя.

Гость быстро освоился, заметил в углу согнутую тушу рюкзака и бросился к ней, наступив по пути на руку и ногу Ярана. Яран сказал: «Однако...» и посмотрел на обоих. Он был недоволен.

Октар присел около рюкзака, засунул руки глубоко внутрь и стал одну за другой вытаскивать разные вещи и раскладывать их вокруг себя. Ему сильно мешал лук – он снял лук вместе с колчаном и бросил на пол. Его сильно заинтересовали спектрокопии и он отложил их в сторону, отдельно от вещей.

Яран долго смотрел на Октара, переваривая информацию, потом, переварив, обратился к Михаилу:

– Миша, где ты его нашел?

– Он меня нашел! – сардонически произнес из глубины малыш, не оборачиваясь. – Это я его нашел. Я, если хотите знать, вас еще у озера заметил, всю дорогу следил.

– Послушай, Октар, – спросил Михаил. – А ты давно здесь, в лесу?

– Станный вопрос, – недоуменно проговорил мальчик и удивленно хмыкнул, пожал плечами и уставился в стенку напротив. – Я здесь живу. – Он вдруг страшно чем-то заинтересовался и стал шуметь. – Какая симпатичная вещица!

Он вертел в руках плоскую пластмассовую коробочку стандартного анализатора, нажимал на кнопки, щелкал рычажками и ему сильно нравились переливы огней и цветная графика на оконце экрана. В блестящих глазах живо светились красные огни отражений. Потом он бросил прибор по-

верх свернутых карт и с голодной жадностью набросился на внутренности рюкзака, чуть не забираясь туда с головой.

– Откуда ты его взял? – шепотом спросил Яран у Михаила. Шепот его был похож на гортанное клокотание.

– Нашел, – прошептал Михаил. – Пока за водой ходил, наткнулся совершенно случайно.

– Он человек?

– По-моему нет. Посмотри, какие у него уши. Однако отрицать, конечно, нельзя.

– Твоя версия?

– Корабль с Земли потерпел аварию. Ребенок, очень любопытный, забрел в лес и потерялся. Или как-то уцелел после катастрофы. Он еще говорит про каких-то Просветителей. В это я, конечно, не верю, но... Черт его знает.

– Может быть. Странное существо.

Малыш сидел на заду лицом к ним и внимательно рассматривал каждую вещь, перебирал в руках, разглядывал со всех сторон, что-то бормотал, бросал ее в общую кучу барахла, брал следующую. Он перетряс, наверное, весь рюкзак. Иногда доносились его тихие восклицания, порой совершенно неожиданные: «Занятная коробочка... Как тут включается? Ага! Кремниевые кристаллы, электроцепь с аккумулятором. Кристаллы (он вздохнул)... Какие к черту кристаллы!». Михаил спросил:

– Октар, а ты откуда? В смысле, где ты родился? И кто твои родители?

Октар медленно поднял голову и беспомощно уставился на него с видом ребенка, которого собираются наказывать.

– Ну? – грозно потребовал Михаил. Ему это уже начинало надоедать.

Малыш вздрогнул и съежился.

– Нет, так дело не пойдет, – с уверенностью заявил Яран и пересел поближе к Октару. Мальчик оттолкнулся пятками и отъехал назад. Яран сделал на лице страшную маску – видимо, улыбнулся и довольно миролюбиво спросил: – Ну, малыш, что ты тут выбрал?

– Я не малыш, – буркнул мальчик, не шелохнувшись. Маленькая рука быстро ухватила за спиной увесистый анализатор.

– Октар! – назвал он его по имени и кивнул на электронный хлам. – Нравится?

– Кое-что нравится, кое-что нет, – рассудительно заметил Октар и мотнул головой, убирая упавшие на глаза длинные черные лохмы.

– Неплохая вещь, правда? – Яран, улыбаясь и ласково отцепляя от прибора его пальцы, взял в руки анализатор, повернул ручку и сделал на экране красивую заставку. Правый верхний угол картиннки подергивался рябью.

– Неплохо, – согласился Октар, забрал у Ярана прибор, пощелкал ручками. – Только стекло маленькое. – И неожиданно добавил: – И конденсатор окислился. Вон тот, толстый, как пиявка.

– А у вас все такие, как ты? – спросил Яран таким тоном, будто все про всех знал.

– Все... – ядовито сказал Октар. – Я один остался. А раньше нас было много. Просветителей очень уважали. Как тебя зовут?

– Яран, – весело ответил Яран. – А его Михаилом.

– Или просто Мишей, – добавил Михаил.

– Ми-ша, – по слогам произнес мальчик и уверенно общил: – Странные имена. Яран, я заберу это? И это?

– Бери, – великодушно разрешил Яран.

Михаил разлегся на полу ногами к огню, положив под голову валик одеяла. Пол был теплый и очень уютно грел спину. Над костром сипел котелок, в котором булькало и клокотало. Яран бросал туда какие-то кусочки и время от времени помешивал деревянной палочкой. Малыш ковырялся в электронике.

«Почему-то никак не получается называть его Октаром, – подумал Михаил. – Не подходит к нему это имя. А почему, не знаю.» «А тебе не нужно знать, – возразил внутренний голос.» – «Почему? Мне ведь придется с ним общаться долгое время, жить рядом. А он совершенно не похож на мальчишку. Дело не в облике. Я просто не могу его воспринимать как ребенка, потому что он намного опытнее и мудрее своих земных сверстников. И не могу его воспринимать как взрослого, потому что возраст его мал. Как быть?» – «Не понимаешь, да?» – «Не понимаю, не могу понять.» – «А ты и не старайся, просто воспринимай его таким, какой он есть. Перенастрой свое мышление. Впрочем, это произойдет само.» – «Ты, хочешь сказать, что я должен привыкнуть?» – «Да, может быть и так.» – «А о каком тогда понимании может идти речь, если все попытки и хоть какие-то результаты сгложет привычка?» – «А ты так

устроен, уж тысячи лет так устроен, что существует либо взаимопонимание, либо привычка.» – «Подводишь ты меня, старик.» – «Время покажет.»

Октар собрал в охапку отобранные вещи и перебрался к Михаилу. Он снял с плеч накидку, расстелил мехом вверх, сел и стал рассматривать спектрокопии, поворачивая их так и эдак и пробуя щепоткой пальцев материал. Потом приподнял широкую «лапу» шкуры, засунул в нее по плечо руку и вытащил горсть предметов. Странные это были предметы: цветные осколки, через которые на окружающий мир очень любят смотреть дети, выточенные из камня фигурки с фантастическими формами, резная короткая трубка и куча страшных, начиненных ядом колючек.

Малыш аккуратно сложил на карту колючки, трубку, остальное высыпал обратно. Затем посмотрел в трубку, как в бинокль, и стал чистить пухлым мизинцем изнутри.

– Можно посмотреть? – Михаил показал на колючки, отливающие зеленым.

– Конечно можно, – сказал Октар и посмотрел на него. – Только будь осторожен. Там растительный яд.

Михаил с опаской взял одну, повертел в руках, стараясь, чтобы острый, как игла, шип не поцарапал руку. Оперение колючки переливалось, как павлинье перо. И Октар разгуливает с этим оружием по лесу! А ведь мог бы по случайности попасть в меня. И не только в меня... Михаил положил ее на место и спросил:

– Где ты их взял?

Октар оставил трубку и опять посмотрел на Михаила. Как показалось, недоуменно.

– Сделал.

– А кто тебя научил?

– Никто. Я просто знаю.

– А до того, когда ты научился?

– Я всю жизнь знал, как делать, с самого рождения.

Михаил ничего не понял, откинулся на одеяло, сцепил на макушке пальцы и посмотрел на работающего Октара. Спина у мальчика была почти черная, закопченная из-за слоя пыли и грязи и сумрака пещеры. А когда под кожей прокатывались туда-сюда лопатки, на спине были ясно видны темные зарубцевавшиеся следы. Кто-то жестоко и больно провел по спине длинными когтями, оставляя на всю жизнь рваные полосы шрамов. «Нелегко ему тут живется», – подумал он.

- Сколько тебе лет, малыш?
– Мне? – Малыш задумался. – А что такое «лет»?
– Ну... – Михаил смутился. – Твой возраст.
– Не знаю, – признался Октар.
По другую сторону от костра Яран позвал:
– Идите есть. Готово.

Они, радостно суетясь, сгрудились вокруг снятого с огня котелка, шумно и с наслаждением вдыхая мягкий пар от варева, необычайно вкусно пахнущий мясом, лиловыми грибами, мхом и травой. Яран сердито их отталкивал, но тоже был рад, с достоинством загребая ложкой и разливая по тарелкам зелено-коричневую кашу. Ложки и тарелки были самодельными, импровизированными – из полого внутри очень толстого тростника и половинок огромнейшего ореха, похожего на кокосовый. Малыш ужасно проголодался, как и все остальные, жадно, с хлюпаньем втягивал суп, жевал осколок грибной шляпки вместо хлеба и выглядел очень счастливым. Яран и Михаил ели медленно, степенно, благосклонно взирая на подвижного мальчика. Так и сидели втроем – усталые, голодные, хлебая жиденький и не очень питательный суп пополам с надеждой.

Октар мгновенно слопал всю порцию и потребовал добавки. Яран дал добавки. Октар это съел и попросил еще. Яран, зачерпывая третью порцию, заметил:

– А ты неплохо ешь, аппетит у тебя хороший.

– Не жалуюсь! – бодро отозвался Октар, принимая от Михаила грибную горбушку. – Что такое отдельный человек в тропическом лесу с пустым животом? Никто. Худая и слабая личность, хватай не хочю. Каждый готов сожрать, кому не лень.

Он, наконец, наелся, ладонью вытер губы и перешел на свое место – в глубине пещеры, на подстилке, рядом с рюкзаком. Затем небрежно повертел в руках анализатор, бросил его, лег на спину и сказал, обращаясь к Ярану:

– Хорошая у тебя еда. Вкусно. Только маловато.

«Ничего себе «маловато», – подумал Михаил. Полный котелок, литров шесть точно будет. Как он умудряется так много есть?» Тут ему в голову пришла неожиданная мысль.

– Октар, а ты можешь долго оставаться без еды?

На Земле их долго обучали, как правильно дышать при длительном голодании, как рационально расходовать свои силы и при этом не умереть от истощения. Михаил, один из

всей группы, однажды не ел больше месяца, чем запросто заткнул за пояс своих сокурсников. Правда, потом два дня пришлось жить на внутривенном питании.

– Могу, – быстро ответил Октар. – Минимум два месяца. Если питаться только одной травой.

Михаил, высунувшись из дупла, встал на прочную площадку перед входом из крепко сцепившихся веток, сорвал листок и почистил посуду. Потом вернулся, и они уселись около костра рядышком, прижимаясь боками, стали задумчиво смотреть на огонь. Октар, не отрываясь, попросил:

– Миша, расскажи про свой дом.

Он рассказал. Что живет на прекрасной планете Земля, очень древней и мудрой. Что на ней очень много хороших домов, городов, людей. Когда стал рассказывать о людях, Октар стал очень внимательным и осторожно вытянул в его сторону треугольное ухо, чтобы лучше слышать. Люди там разные, есть умные и всезнающие, есть завистники и лжецы, но большинство все-таки хорошие люди, они руководствуются гуманными принципами и обязательно во что-то верят. Пусть в Бога, в высшие космические силы. А еще верят в победу разума и, самое главное, в человека.

– Не понимаю, – задумчиво произнес Октар. – Все верят в человека. Но ведь это же упадок! Вера, напрочь лишенная реальной базы. Это ведь как человек, прыгающий по тонкому льду. Не выдержал лед – и ты утонул.

– А зачем прыгать? Зачем топтать ногами и сознательно тащить самого себя на дно? Я думаю, что если веришь в то, что считаешь идеалом, то наверное стремишься к тому, чтобы стать чем-то похожим.

– Глупости все это – вера в идеалы. Идеалы – утопия, а вера – бред. Все единоверцы похожи на слепцов, бредущих по дороге, которые не видят пути и даже не знают, куда идут.

– Это называется слепая вера. Сказали тебе – значит так оно и есть. А я тебе говорю совсем про другое.

– Не понимаю, для чего это нужно? И откуда она взялась?

– Милый, чтобы сказать тебе, откуда она взялась, мне надо тебе всю историю человеческую рассказывать. А она противоречива и утомительна.

– Тогда для чего эта твоя вера?

– Видимо, для того, чтобы... Ну... Даже не знаю, как тебе объяснить.

– Вот видишь. Ты даже сам не знаешь.

– Ты так ничего и не понял... – грустно вздохнул Михаил.

Он опять поймал себя на том, что смотрит на него, как на взрослого, и хочет разговаривать с ним, как со взрослым, спорить, доказывать. Ведь это же ребенок! Мелькающий источник постоянных хлопот и шума, которого распирает любопытство и нетерпение, который не может усидеть на месте и от него рябит в глазах. Или я сравниваю его с землянином?

Снаружи быстро темнело. Солнце, которого было здесь совсем мало, и вовсе исчезло. Ночной лес совершенно не походил на лес днем. Листья, широкие и тонкие, огромные и совсем коротышки, корчились в темноте, озарялись разноцветными огоньками светящихся насекомых и были очень похожи на горбатых многоногих уродов, выползших из душных каменных тисков подземных пещер, злых и голодных. То ли уроды казались злыми и голодными, то ли густые и непроходимые дебри подсознания разыгрались не на шутку и представили длинные круглые коридоры пещер. Пещеры располагались на огромной глубине. Ассоциации делали стенки пещер словно залитыми волнистой стекломассой, а с потолка свешивались корявые корни деревьев, и корни были похожи на ведьминские волосы.

Большая капля воды вернула Михаила в действительность. Наверху кто-то размашисто прыгал, ловко цепляясь конечностями, в кустах ползали твердые колючие призраки, совсем как в тренировочном зале на корабле.

Внизу кто-то громко рыкнул могучим горловым клокотанием, послышался звук ободранной коры и характерное царапанье когтей. Михаил с опаской выглянул вниз. В крошечной темноте ничего нельзя было разглядеть, но было ясно одно: кто-то большой и страшный медленно лез по дереву, легко обламывая ветки, лез на запах. Потом сильно хрустнул какой-то сучок, и животное, бесполезно держась когтями, полетело вниз, грузно шлепнулось и затихло.

Потом сверху свалился еще один зверь. Он сидел на корточках в десяти метрах от входа, по шерсти замкнутым светящимся контуром перебегало голубоватое мерцание, а вокруг глаз также переливались лиловые круги, сжимались в полоску и выпрямлялись, когда животное моргало. Михаил схватил карабин и выстрелил, пуля попала и скользнула по шерсти рикошетом, выбив искры, но не убила. В небе громыхнуло. Существо вздрогнуло и кануло в неизвестность, а по листьям

уже шлепали первые капли, набирая силу. Потом все на секунду остановилось, и начался ливень.

Октар схватил посуду, раздал всем и крикнул:

– Подставляйте!

Он выскочил под дождь и выставил перед собой ореховое полушарие. Михаил и Яран сделали то же самое. Когда вода набралась до краев, они, мокрые, потянулись к очагу греться и сушиться. Михаил спросил:

– Зачем нам дождевая вода?

– Пейте, пейте, – сказал Октар и отпил из чашки. – У нас старики говорили, что первый дождь сезона – священный, и тому, кто выпьет его, будет сопутствовать удача и сила. А они нам с вами ох как понадобятся.

У воды был сладковатый привкус. После нее стало клонить ко сну. Яран улегся в самом дальнем конце и быстро заснул. Михаил лежал, завернувшись в одеяло, и смотрел на тающие угли. Как тогда, около озера. Малыш все устраивался внутри спального мешка и никак не мог успокоиться. Потом вылез из него и объяснил:

– Очень неудобно.

Михаил взял в руки анализатор, внимательно посмотрел на экран. В правом верхнем углу яркая картинка заставки по-прежнему сгибалась и сильно дрожала. Михаил вытащил из гнезда аккумулятор, разобрал корпус и раскрыл, как книгу, дощечки плат. Октар оказался прав. Настрочный конденсатор действительно окислился и сочился черной расплавленной массой. Михаил повернулся к Октару, требуя объяснений, но тот уже спал, сжавшись в комок и крепко сжимая рукой туго натянутый лук. Михаил стащил с себя одеяло, заботливо укрыл мальчика, а сам накинул на себя куртку.

Глава пятая

Снова чье-то присутствие

Яран в последний раз ударил по замку, и замок, крошась, вылетел из гнезда. Михаил слабо и неуверенно толкнул дверь, потом сильнее, потом навалился плечом, и тяжелая, толстая клепаная дверь, ужасно визжа многолетними сгнившими креплениями, медленно раскрылась и тяжело грохнула о стену. Лязгающее эхо пробило насквозь застарелую тишину крепостных башен и затерялось в подвалах нижних этажей.

В комнате было светло. Желтый чердачный свет проникал сюда сквозь круглые окна, забранные толстыми решетками, и кругами лежал на сильно пыльном и замусоренном полу. Стена с окнами была кирпичной, ободранной и до того старой, что, казалось, толкни ее – и она развалится. Михаил подошел к окну, ухватился за решетку, потянул – решетка с неожиданной легкостью оказалась в руке. Посыпался мусор. Михаил заглянул в освободившийся проем. Снаружи был внутренний дворик крепости, круглая коническая башня с одним оконцем и унылая длинная стена с обломанными зубчиками, за которой просматривался огромный черный лес. Через окна противоположной башни влетали и вылетали большие черные птицы, похожие на ворон, с карканьем усаживались на прутья решетки и неровно кружили над острой верхушкой.

– Я никогда раньше такого не видел, – сказал Октар и с любопытством погладил стену. Видимо, он не знал, что такое кирпичи.

– А ведь она сродни деревьям, – предположил Михаил. – По возрасту, а?

– Не знаю, – задумчиво проговорил Яран. Он придирчиво рассматривал потолок, размеренно топорща и разглаживая на затылке гребень пластинок, как попугай. – Но пыли и грязи здесь хватает.

– Странная архитектура, – произнес Михаил, ведя рукой по оконному кольцу. Затем посмотрел на ладонь. Ладонь была вся в мокрой кирпичной пыли.

– Чего тут странного? – угрюмо осведомился Октар. Он сидел в углу на корточках, сосредоточенно массируя в пальцах «лапу» пятнистой накидки, и с паучьим злорадством: «Сейчас, будет вам архитектура...» разглядывал по очереди Ярана и Михаила.

– Все это очень похоже на средневековый замок. На Земле. Чересчур похоже. Я бы даже сказал, копия.

– Чего же тут странного? – повторил Октар.

– Это похоже на совпадение, Миша? – Яран копался возле глубокой черной трещины, мучительно пытаясь развести кирпичи дулом карабина.

«Чего он там возится?» – раздраженно подумал Михаил и ответил:

– Нет. И перестань ребячиться.

– Что такое «ребячиться»? – Яран удивленно воззрился на него, обтирая ладонями запачканный ствол.

В соседней комнате Они нашли глубокую квадратную шахту на полу. Яран уперся руками в края и осторожно свесился нижней половиной туловища в темноту. Оттуда доносились всплески, шум падающей воды и железное эхо душного тесного колодца.

– Здесь есть лестница, – сообщил он и первым начал спускаться.

– Может, не стоит, а? – спросил Октар, напряженно заглядывая в люк.

Михаил пожал плечами. Ему было все равно куда идти. А еще лучше было бы, если бы они двинули прямо из крепости домой. Он постоянно чувствовал, как кто-то смотрит и целится ему в спину. Странно, но в последнее время Михаил все чаще стал ощущать чей-то взгляд со спины. На корабле они частенько тренировались на предмет быстрой реакции. Например, было такое упражнение: в тренировочном зале из стереопанелей позади тебя мгновенно вырастала в воздухе очередная фантазия художников-голографистов и нужно было успеть вовремя увернуться. Дело в том, что изображение появлялось бесшумно, и надо было обладать натренированным чувством «зрения сзади», чтобы не проиграть. Приседая на край шахты, Михаилу послышалось, как сзади хрустнула штукатурка. Он, обмирая, обернулся. Это Октар ерзал пяткой по полу, сосредоточенно что-то выискивая.

Спускались они долго. Стены вокруг были сухие и шершавые от ржавчины, лестница, сваренная из пустых железных труб, гулко стучала под ногами. Вдобавок было темно, не помогала даже палка, которую Октар старательно обмазал светящейся самодельной пастой. Яран вдруг остановился. Михаил тоже остановился, и ему на голову сразу сел Октар.

– В чем дело? – неприятливо осведомился Михаил.

– Да так, ничего, – пробормотал Яран и вдруг, тихо вскрикнув, исчез. В колодце загудело, как в метро, послышался сильный всплеск. Михаил сначала ничего не понял, автоматически спустился на одну ступень и, потеряв под ногами опору, полетел вниз.

Падение было недолгим. Михаил размашисто упал в холодную воду, порядочно нахлебался маслянистой и мерзкой на вкус воды и поплыл к насыпи, на которой сидел Яран и нюхал воду, зачерпывая горстью. Михаил выбрался на берег, придирчиво оглядел мокрую одежду и посмотрел по сторонам. Это был длинный полузатопленный тоннель. Под свод-

чатым потолком тускло горели желтые электрические лампы с круглыми плафонами, обросшими коркой плесени. Плесень цвела на стенах, плесень поднималась к потолку и распускалась в углах бетонных колец грязно-зелеными мшистыми пятнами. На свободных участках проглядывал древний кирпич и толстый слой штукатурки. Песчаная насыпь шла около стены вдоль всего тоннеля и синхронно с тоннелем сворачивала в сторону.

Из квадратной черной дыры на потолке донесся далекий детский крик:

– Э-эй, где вы-ы?

– Прыгай вниз! – закричал Михаил. – Тут вода!

Послышался тихий свист, из зева шахты выскочило мальчишеское тело и врезалось в воду. Октар тут же вынырнул и стал молотить руками и ногами по поверхности, поднимая тучи брызг и что-то нечленораздельно крича. Михаил и Яран бросились его спасти. Они вытащили его на берег, и Яран удивленно воззрился на малыша:

– Я думал, ты умеешь плавать.

– Плавать, плавать... – ворчливо передразнил Октар. – Кто тебе сказал, что я умею плавать? В жизни ни разу не плавал.

– А почему ты тогда мне не сказал?

– А почему ты меня не спросил?

Октар съехал к краю насыпи и упал на колени. Затем сунул в воду голову, расправляя волосы, помотал и резко запрокинул ее обратно. Черная длинная коса мокро шлепнула по голой спине.

– Где твоя накидка? – спросил Михаил, разомкнул магнит застёжки и снял ботинок. Из ботинка вылилась ледяная струя.

– Я ее оставил в дупле, – ответил Октар и пошел вперед по насыпи, потом нетерпеливо обернулся: – Ну чего вы расселись? Пошли!

Туннель казался нескончаемым, спереди и сзади была одинаковая черная неясность, туннель выходил из дыры неосвещенного пространства и гигантским хоботом пропадал в ней. Один раз они увидели, как из воды высунулся волосатый выпуклый глаз, сменившийся кольцом змеиного гладкокожего тела, и им стало очень неудобно. Михаил торопился и все подгонял товарищей, часто оглядываясь назад. Потом остановился и громко спросил:

– Меня интересует один вопрос: как мы будем выбирать-ся?

– Туннель нас куда-нибудь да выведет, – уверенно произнес Октар.

– Только вопрос: куда?

– А ведь мы с вами глубоко под землей, – заметил Яран.

– Ну и что?

– Мне не нравится потолок.

Михаил посмотрел наверх. Каменный свод прогнулся, чернея огромной трещиной, а бетонное кольцо было расколото и в воде лежал тяжелый обломок, тускло блестя рваными краями.

Они прошли еще сотню метров и Яран остановился.

– Вот это да!

Все смотрели теперь вперед, где из воды косо вверх в абсолютной тишине поднимался маленький состав ползатонувших вагонеток. Вагонетки были доверху наполнены черными блестящими камнями, и когда Яран подплыл к ним, выяснилось, что это обыкновенный уголь. Яран попробовал столкнуть вагонетки с места, но они, видно, намертво приржавели под водой к рельсам и не шелохнулись. Яран вылез из воды и сказал:

– Ничего не понимаю. Откуда здесь вагонетки?

– Да еще с углем, – добавил Михаил.

– Может, там дальше есть заброшенные копи? – предположил Октар. – Посмотрим?

– Можно посмотреть, – вяло и неохотно сказал Михаил. – Но мне не нравится эта рухлядь, не нравится туннель и вся крепость. И вообще у меня нехорошее предчувствие, что впереди нас ждет тупик.

– А что тебе вообще нравится? – раздраженно спросил Октар и посмотрел на него.

– Ладно, пошли, – сказал Яран, и тройка стала продвигаться дальше.

После еще одного поворота Октар что-то услышал и замер в напряженной позе. Михаил тоже прислушался и различил вдалеке металлический лязг и перезвон, как будто кто-то раскачивал гигантские чугунные цепи. Впереди неуверенно светили лампы и маячили острые тени.

– Может не ходить? – осведомился Октар. – Я лично за себя ручаюсь. А как вы – не знаю.

– Что значит «не ходить»? – сказал Яран. – Там выход. Да, там могут быть... – В поисках подходящего слова он повернулся к Михаилу.

– Аборигены? – подсказал тот, посмотрел на Октара и смутился. – В общем, гуманоиды, так?

Октар достал длинную стрелу, приложил к тетиве, оттянул двумя пальцами и выстрелил в желтое пятно света справа. Стрела, ломко стуча, ударилась далеко впереди о стены и шлепнулась в воду. Донесся короткий всплеск.

– Пусто. Никаких там гуманоидов нет, вот что, – вдруг с уверенностью заявил мальчик и повесил лук на плечо. – Если бы там были живые существа, я бы их чувствовал. И видел.

– Каким это образом? – ехидно осведомился Михаил.

– Тепловое излучение, – странно ответил малыш и заторопился вперед.

Они молча приблизились к полукруглой бетонной арке справа, осторожно заглянули внутрь и увидели искусственно освещенную пещеру, похожую на громадный кокосовый орех, намертво обросший изнутри черным кораллом, с глянцевыми угольными стенами и неровным выщербленным полом. Посередине на разбитых и рыжих от ржавчины шпалах лежали длинные дряхлые рельсы, изъеденные коррозией. На рельсах, упираясь в разобранные пути, стоял составчик доверху нагруженных вагонеток. Между шпалами блестели лужицы черной воды. А под выгнутым чашей потолком громыхал железный механизм, похожий на часы, стучал, дергался и гнусно скрипел.

Михаил вошел в пещеру, огляделся и крикнул:

– Все в порядке!

Октар и Яран разошлись по пещере. После долгих блужданий и осматриваний они уселись около перевернутой вверх колесами вагонетки. Яран достал из плетеной тростниковой сумки снедь, завернутую в листья, и они принялись за дело. Михаил весело жевал прокаленный на огне мох и подмигивал Октару. Октар ел быстро, по привычке быстро оглядываясь и приседая при каждом громыхании на потолке. Михаил оставил мох в покое, перешел на жареное мясо. Внутри медленно, потягиваясь и зевая, просыпался домашний уют, растекался по всему телу, выметая прочь остатки пессимизма и неопределенности. Настроение улучшалось с каждой минутой, и Михаил точно знал, что они сейчас подкрепятся и сразу же выйдут из крепости, и не будет лишних нервов и волнений. Великая вещь в подобной ситуации – еда!

Яран сказал:

– Надо еще посмотреть в северной башне.

– Зачем? – беспечно спросил Михаил.

Яран не ответил и повернулся к Октару:

– Октар, а ты когда-нибудь был в крепости?

Октар ответил не сразу. Запахнув в рот большущую горбушку гриба, он с трудом с ней расправился, сильно наклоня и качая голову, потом сказал:

– Нет.

– А почему?

– Мне этого не надо, – сказал Октар со странным выражением. Видимо, ему очень не хотелось об этом говорить, но Яран ничего не видел и не чувствовал.

– Ты ведь такой любознательный, всезнающий, а про крепость даже и не слышал. Как же так?

– Не слышал, не слышал... – сварливо передразнил Октар и до того тоскливо вздохнул, что Михаил перестал есть и серьезно посмотрел на него.

– Малыш, ты что-то от нас скрываешь.

– Да что тут скрывать! – уныло протянул он, помолчал и сказал нерешительно: – Вы не знаете ничего про эту крепость. Зачем вы сюда пришли? Зачем меня забрали? Что за идиотское любопытство?

Октар всхлипнул. Михаил присел возле него, схватил за острые тонкие плечи и слабо встряхнул мальчика.

– Что случилось, малыш? Объясни толком.

Октар устало сел прямо на пол, собрался с мыслями и стал рассказывать. Рассказ был длинным, гладко и хорошо сложенным и не то чтобы печальным и грустным, просто от всего этого мир стал немного серым, плоским, проржавелым, как эти груженные углем вагонетки, и не хотелось смотреть друг другу в глаза. Крепость эту строили пещерные люди, это была даже не крепость, а просто хорошо защищенное от внешнего мира жилище. Пещерные люди до этого жили на границе тысячекилометровой котловины, на дне которой был лес, постоянно кочевали по горным хребтам, постоянно воевали с горцами и мечтали где-нибудь осесть. Потом они спустились вниз, и в лесу нашли эту крепость, дряхлую, разбитую, один фундамент и останки кирпичных построек. Они воспрянули духом, восстановили жилище и обосновались в нем, как тогда казалось, на всю жизнь. Три столетия спустя на планету пришли пришельцы, несомненно гуманные и с добрыми намерениями. Народ испугался. А после исчезновения чужаков в подвалах появились машины, абсолютно бесшумные и казав-

шиеся чрезвычайно полезными, но люди стали покидать крепость. Машины продолжали размеренно штамповать вагонетки, грузить их углем и отправлять наверх. Крепость скоро опустела, стала заброшенной, в ней поселились крылатые ночные невидимки, липучки и прочая животная нечисть. Ушли все, все до одного, бросив годами нажитое добро, сделанное своими руками, бросив то, что почти стало родным домом и сбывшейся мечтой. Михаил этого не понимал, а когда попытался разобраться и спросил Октара: «Почему?..», Октар обозвал его бесчувственной дубиной.

Вот, значит, что. Теперь ясно было, почему исчез мешок с консервированными запасами, когда он остался один и его корабль улетел. Теперь объяснялись многие загадки. Все ясно. Какой-нибудь землянин, искавший случая отличиться, молодой и полный энергии вместе с группой других остолопов прилетел к этой звезде, отыскал землеподобную планету, покрутился вокруг и умудрился разглядеть аборигенов. Естественно возник зуд кипучей деятельности, он приземлился, отыскал крепость и бросился выручать людей из доморощенности и дикости. А потом оставил все как есть и довольный помчался на Землю сообщить радостную новость, что он-де, с небольшой группой других помощников, повысил уровень цивилизации почти вдвое. Михаил не знал такого случая, по крайней мере Информаторий таких сведений не давал. Михаил разозлился. Вот взять бы сейчас этого энтузиаста, притащить за шиворот, схватить за загривок и ткнуть носом. Что бы он тогда подумал, вершитель истории, бездарный творец? Стал бы раскаиваться? Бить себя в грудь? Или смущенно тереть землю носками ботинок?

А может, это не землянин. Может, Яранов соотечественник. Все равно глупо. Глупо, не разумно и жестоко. Для чего лезть в чужую историю и тем более пытаться что-либо изменить, ритмично распыляя среди населения машины, антигравы, жидкопластовые дома с оптикой и электроникой? Зачем стоять посреди высохшего русла, раскинув руки и пытаться остановить тонны несущейся воды? Зачем вообще пытаться что-то остановить? Для чего лишать людей своей истории?

Михаил вспомнил, как обстояли дела с рейнгольдынями. Мы им выращивали дома, а они забивали их травой и гигантскими толчеными поганками. Они не переменялись даже после того, когда произошло извержение, половину деревни сожгла лава, а жители стояли под проливным дождем жалкими

островками и смотрели на невиданные теплые дома, в которых горел свет, во всю работала кухня и шло стереокино, а они стояли смотрели... А потом земляне долго объясняли, показывали, убеждали, а дождь все лил и лил, аборигены по-прежнему стояли группками, пряча в середину детей, а потом они выпихнули из толпы немощного полуслепшего старика, которому все равно терять было нечего и который едва слышно попросил их уйти. Их прогоняли. Михаил изнемогал, показывая на экранах самые лучшие и красивые места Земли, картины, памятники, потом обернулся и увидел множество глаз, устремленных на него, в которых была тоска и отчаяние. Захотелось крикнуть друзьям: «Да что же вы делаете?!», но Александр Сергеевич уже велел убирать дома и отправляться на корабль. Один дом решили оставить, потому что была надежда, может быть, привыкнут... Не знаю. На следующий день дом исчез, и они вздохнули было с облегчением, а потом Нортон нашел в лесу несколько обгоревших ключев пластика, и они это дело бросили.

– Нельзя сюда ходить, – закончил Октар. – Старики говорили, не к добру.

Он взял лист, на котором лежала еда, стряхнул в ладонь сизые крошки и швырнул в рот. Яран поднялся.

– Идем? – спросил он.

– Идем, – быстро сказал Михаил, расстегнул куртку и потрогал серебристую ковбойку. Вода давным-давно испарилась.

Они втроем вышли по темному, с круглыми стенами коридорчику в новый туннель, тоже залитый водой. Здесь рельсы дугообразным виадуком выступали над поверхностью и держались вообще неизвестно как. Под ними в воде, выставив шестереночные днища, колеса и развороченные двигатели, лежали машины, развалившиеся от старости и ржавчины, и Михаила поразило обилие устаревшей и неуместной техники. Затейник-землянин, однако, здорово знал историю и был немного чудаковатым, потому что все эти модели устарели лет тридцать назад. Между ними в масляных разноцветных кругах плавали обломанные бревна, щепки, и вонючая желтая пена. Насыпи по бокам туннеля не было.

– Куда дальше? — осведомился Яран.

Машины лежали в воде на небольшом расстоянии друг от друга, и можно было продвинуться дальше, прыгая с островка на островок. Михаил осторожно ступил ногой на гладкобокую

утонувшую тушу. Она немедленно просела вниз, но не утонула, только мягко ткнулась в илистое дно, и они стали по очереди перешагивать и перепрыгивать, вскрикивая и охая, когда опора резко уходила вниз и так же резко замирала. Один раз Михаил поскользнулся и полетел в воду. Октар забрался к высокому потолку и нашел там несколько проводов, ужасно грязных и лопнувших. Он оторвал один, подпрыгнул и, как мятник, перелетел на другой конец тоннеля.

– Ловко ты, – заметил Михаил, вытряхивая из уха набравшую воду и сильно морщась. Вода была горькая и мерзкая на вкус. Пахло нефтью.

– Так гораздо удобнее, чем пешком, – сообщил Октар, глядя на него большими голубыми глазами. – И на деревьях тоже.

– Однако какой отвратительный запах, – сказал Яран, озираясь.

Михаил заглянул в проем соседней комнаты и увидел странные полупрозрачные стены какого-то огромного лабиринта. Было довольно хорошо видно повороты, комнаты, тупики сквозь друг друга и вместе с тем перекрытия казались твердыми и непроницаемыми. «Да, не обошлось здесь без пришельцев», – подумал Михаил все больше в этом убеждаясь и все больше не веря.

– Идите сюда, – позвал он товарищей и вышел из туннеля.

На ощупь стены были шероховатые, матово-голубые, толстые, словно стеклянные, пружинили под нажимом, и в точке прикосновения каждый раз возникало размытое пятно, похожее на вспухший синяк. Михаилу удалось различить сквозь их мутную толщину сеть параллельных золотистых жилок, похожих на провода, которые смыкались в красных, как яблоко, шариках и равномерно пульсировали. Михаил сразу же почувствовал давешнее ощущение, как будто за ним кто-то следил. Особенно это чувствовалось в тесных и неудобных тупиках, когда вокруг были однообразные мутные плоскости и золотое мерцание, как на печатных схемах.

– Цивилизация, – без энтузиазма произнес Октар.

Яран задумчиво разглядывал золотые паутины в стенах, как рыб в аквариуме, и пытался проткнуть когтем поверхность. Октар резко проводил по ней пальцем, рисуя большую дугу, отходил назад и с любопытством, теребя нижнюю губу, глядел, как толстая дуга бледнеет, теряя и без того зыбкие очертания, становится все тоньше и исчезает совсем.

– Может, не будем здесь останавливаться? – предложил Яран. – Я имею в виду время. У нас очень мало времени.

– Да, пожалуй, ты прав, – кивнул головой Октар, поправил колчан и негромко добавил: – Ничего здесь интересного нет.

Тройка молча миновала лабиринт, молча поднялась по длинной винтовой лестнице и очутилась внутри той самой башни с единственным окном. Было темно и прохладно. Наверху темнели редкие и прогнутые потолочные балки, готовые вот-вот сорваться вниз, а еще выше, в тюремной тишине чердака свистел и вольно гулял ветер, теребя клочья растрепанной соломы.

Октар подпрыгнул на месте, надеясь что-нибудь увидеть через решетку окна, но у него был слишком маленький рост. Тогда он подошел к окну, прыгнул изо всей силы, ухватился за толстые железные прутья руками и стал медленно подтягиваться, помогая ногами и обдирая колени. Михаил увидел, как сильно и резко напряглись упругие мышцы и вздулась зеленоватая ветвь жил на руках. Мальчик вскарабкался, торопливо повертел головой, стараясь увидеть все сразу, и тяжело спрыгнул на пол.

– Ничего, – разочарованно сказал он. – Совсем ничего.

– Ты про что? – осведомился Яран.

– Да так... – замялся Октар. – В общем, потом расскажу.

Вдруг он резко присел и напряженно замер. Михаил с удивлением и страхом увидел, как точно и быстро задвигались его руки, вытаскивая из колчана стрелу, как напряглись и расслабились мускулы, а особенно поразили его глаза – прежде прозрачные и грустные, а теперь злобные и решительные.

– Что с тобой, малыш? – с фальшивой веселостью спросил Михаил и наклонился, чтобы потрепать его по плечу, но Октар ловко сделал ногой Подсечку, свалил его и прямо в лицо страшно прошипел, хватаясь за ворот куртки:

– Ти-хо!

Яран тоже пригнулся и сел рядом с ними. Октар не шевелился и внимательно смотрел в темное отверстие длинного коридора. Михаил, сколько ни старался, ничего не мог там разглядеть. Он осторожно спросил:

– Что там?

– Там кто-то из пещерников, – изменившимся голосом прошептал мальчик, медленно поднял лук и отпустил стрелу. «Щ-щ-и-х-х!» – сказала стрела, куда-то твердо со стуком во-

ткнулась, и из коридора вылетел отчаянный человеческий крик. Такой же, как там, на перевале.

Октар метнулся вперед, Михаил и Яран за ним. Впереди была тьма египетская, первые секунды Михаил видел перед собой мелькающие выпуклые пятки Октара, и слепящие пятна от яркого света в темноте. Он остановился и сзади на него налетел Яран.

– Тише, – пробормотал Михаил и предостерегающе поднял руку, прислушиваясь. Вдалеке звонко стучали босые мальчишеские ступни.

– Убежал, – сказал Михаил.

Яран не ответил.

– Яран ты здесь? Яран!

– Не кричи, я тут, возле стены, – сказал знакомый воркующий голос.

– А-а... А я думал, ты за ним побежал.

– Куда он делся?

– Понятия не имею.

Михаил оглянулся и заметил невдалеке желтые фосфоресцирующие пятна. Он подошел и нагнулся. Это была кровь, чья-то знакомая кровь. Михаил вспомнил чья, и позвал Ярана. Яран, оказывается, давно уже был здесь и шумно шарил по карманам. Потом выудил из темноты тонкий светящийся цилиндрок света и заговорил, взмахивая им каждый раз:

– Это пробирка с кровью, которую нашли на перевале. Я хочу сравнить.

Впереди затопали. Михаил стащил с плеча карабин, щелкнул предохранителем и выставил на топот, но Яран схватил дуло и дернул на себя:

– Это Октар. – И громко: – Это ты, Октар?

– Я, – разочарованно произнес мальчик. – Эх вы! Почему за мной не побежали?

Михаил повесил карабин и, разозлившись, сказал:

– Мы не бегать сюда пришли.

– А что же вы пришли сюда делать? – немедленно взвился Октар. Было слышно, как он сел. – На ржавые железки смотреть? Тоже мне, гуманисты нашлись.

– Так со старшими не разговаривают, – машинально сказал Михаил первую глупость, заранее чувствуя сильные и точные, иногда саркастические и ехидные вопросы мальчика. Никогда он так не боялся его, как сейчас.

– А как мне с тобой разговаривать? Конечно, ведь ты же у нас покоритель великого Космоса, гигант, царь природы и все такое прочее. Где уж нам!

– Не ехидствуй, – посоветовал Михаил.

– А ты не лезь, – посоветовал Октар. – Зачем ты вообще сюда прилетел? Не просто на чужие камешки посмотреть. Ведь надеялся в душе, что найдешь братьев по разуму?

– Ну, надеялся... Каждый Искатель надеется... В конце концов мы же люди... А чего это ты вдруг?

Мальчик говорил очень громко, и это непонятно пугало Михаила. При любом другом случае он бы, наверное, не обратил на это никакого внимания, но сейчас Октар поражал чем-то другим. Он гневно выкрикивал слова и ощущение было такое, словно злая реальная ведьма пророчит тебе реальную смерть на фоне реальной страшной бури и кроваво-черного неба, а над тобой реет чувство безысходности и отчаяния, и хочется проснуться от этого кошмара...

– Чего?! Разве я тебя звал? Или, может быть, твой Яран?

– У меня такая профессия. Я собираю информацию, и ее потом используют колонисты. И, естественно, мы ищем жизнь, разумную жизнь.

– А зачем?! – с победоносным злорадством крикнул Октар. – Зачем глушить себя никчемными надеждами, если заранее знаешь, что ничего хорошего из этого не выйдет?

– Почему?

– Да потому, – проникновенно заговорил он, – что аборигенам, если вы их найдете, лучше от этого не становится! Как не стало лучше и пещерным людям. Прилетел некто, насовал им в руки трактора, вездеходы, эти дурацкие дома, которые надуваются прямо из сумки – все во имя прогресса. Самое главное, дал им оружие, ведь луки стареют, ломаются, а секреты лака теряются, а они, с твоим оружием, против своих же, против горцев, всех горцев выбили.

Октар замолчал и всхлипнул. Михаил устало соображал, пытаясь найти хоть мало-мальски оправдывающий ответ. Потом неуверенно заметил:

– Но ведь это единичные случаи. Да, попадаются глупцы...

Но малыш его перебил:

– А раз так, то нечего вообще разрешать лезть в чью-то жизнь.

Наступило неловкое молчание. Михаил мысленно (или бессмысленно) обругал себя дураком. Разговор получился

странным, и не то чтобы странным, а просто нелепым, неестественным, но закономерным, логичным продолжением их сегодняшней прогулки. Наверное он ожидал медленного, постепенного перехода, даже незаметного, но мальчик в который раз поражал своей быстротой и непредсказуемостью. Может быть, следовало больше молчать и слушать? Что за сомнения, соберись, Михаил, опять ты расклеился, черт возьми, соберись! И сделай выводы, ведь иначе нельзя, обязательно нужно делать выводы. Правильные.

– Ладно, хватит, – сказал, наконец, Октар. – Поможете мне его поймать или нет?

– Зачем?

– Надо выяснить месторасположение стоянки пещерников. Может, кто-нибудь из Просветителей еще жив.

Михаил отошел в сторону и больно ударился правым виском о твердый пластмассовый шарик. Нащупав, он дернул его вверх, и ослеп от нестерпимо яркого света. В судорожной темноте прикрытых век поплыли пятна. Когда он немного прозрел, то увидел на потолке сплошную полосу длинных ламп, плотно пригнанных друг к другу. Справа чернел здоровенный рубильник, похожий на трость с набалдашником, а от него вдоль стены тянулись коробчатые кожухи с мигающими лампочками, как в радиорубке. Яран закрывался от света ладонями, а Октар смотрел открыто и не мигая.

Когда все протерли глаза и привыкли, Яран спросил:

– А зачем пещерники держат Просветителей?

– Старики говорили, что Просветители приносят удачу.

Октар вдруг снова присел и приготовил лук. За ближайшим углом послышался шорох, из-за него высунулась короткая тонкая рука, держа точно такой же, как у Михаила карабин. Оружие было, видно очень тяжелым, потому что рука не могла твердо держать его на весу, и дуло моталось из стороны в сторону.

Послышался щелчок, вспыхнул и громыхнул выстрел, над головой Михаила с жестким визгом пронеслась пуля и пробила насквозь кожух с рубильником. Полетели искры, остро запахло горелыми проводами и озоном, и свет стал медленно гаснуть. Прежде, чем лампы погасли полностью, Октар выстрелил в ответ, и было видно, как стрела пробила насквозь узкую руку вместе с толстым рукавом, как эта рука выронила карабин, и он, лязгая, свалился на пол. На рукаве из под стре-

лы стала сочиться фосфоресцирующая желтая струйка, и рука с визгом исчезла.

Октар, крикнув, побежал туда, откуда стреляли, Михаил мигом очутился около поворота, споткнулся о чужой карабин, нагнулся, отдал его Ярану и задохнулся. А секунду спустя они мчались не разбирая дороги, и Михаил все боялся отстать, не потому, что болела косточка в ноге, а просто ужасно хотелось принимать участие в этой бешеной гонке и чем-то отличиться, хотя бы бегом. А бегал он прекрасно.

Впереди был слышен чужой надсадный хрип, на полу светился пунктир кровавых капель. Взвизгнуло и грохнуло железо. Михаил, не чувствуя ступеней, слетел по лестнице. На железном полу выступало кольцо люка с врезанной тяжелой крышкой. Он ухватился за скобу и попытался поднять, но люк закрывался изнутри, как на старинных подводных лодках. Под крышкой кто-то гулко хрипел и с лязганьем заворачивал колесо. Сзади тяжело задышали Октар и Яран. Октар бесцеремонно оттолкнул Михаила, дернул за скобу, прижался к крышке ухом, ударил по ней кулаком, сел на нее и с досадой сказал:

– Упустили!

У него был жалкий вид и вообще он выглядел измотанным до крайности. Михаил сел рядом с ним, левой рукой обхватил его острые плечи и слабо встряхнул. Октар отстранился, потом придвинулся к нему поближе и тихо проговорил:

– Это была последняя зацепка. Что за невезение! Невезучий день.

Он поднялся с холодной крышки, прошелся по лестничной площадке, остановился и, облокотившись на перила, стал смотреть в черный, уходящий на большую глубину промежуток, стиснутый одинаковыми решетчатыми лестницами.

Михаил поставил локти на колени, положил ладони на лицо и сквозь щелки стал смотреть на Ярана. Яран молча вертел в руках карабин, заглядывал в дуло, бесцельно возил когтем по резным линиям на черном матовом корпусе. Потом сел рядом с Михаилом и вслух подумал:

– Откуда у них оружие? Странно. Ведь они кидали камнями...

– Они? – переспросил Михаил.

– Я в этом уверен. Кому же еще?

– Есть еще... Как их Октар называл? Горцы! Малыш, а горцы существуют сейчас?

– Должны быть – равнодушно заметил Октар. – Но их ужасно мало осталось. Я ведь уже рассказывал.

– Да, рассказывал. Вооруженные техникой землян пещерники превратились в террористов. Значит, все-таки земляне... Обидно, конечно. Михаил разозлился. Из-за какого-то человека ставится под угрозу вся хорошая репутация остальных пятнадцати миллиардов как неперемненных гуманистов. Жалко, что существуют пока единицы таких, как Октар. Они все прекрасно понимают, разбираются, знают, на то они и Просветители. Они еще могут сказать, что это плохо, неважно, чуть-чуть не так, никуда не годно. Они просто дают возможность увидеть самих себя со стороны. И если прислушаться, не махнуть рукой или отнестись благосклонно (как к менее цивилизованной расе), а по-настоящему понять... Если человеку почаще говорить, что далеко ему до совершенства, привести примеры и помочь разобраться, может тогда он станет делать меньше глупостей. А ведь иногда из-за них страдают другие. Когда мы, наконец, научимся думать, не «варить котелком», «не чесать репу», а думать и принимать решения, и сначала думать, а потом принимать решения, думать мудро и поступать мудро, чтобы не мучиться из-за собственной глупости? Когда мы, наконец, поймем, что думать – это действительно не развлечение, а обязанность, и обязанность в первую очередь твоя, а потом уже чья-то еще?

Октар повернулся и сказал:

– Может, пойдем домой? Холодно.

Михаил только сейчас заметил, что мальчик стоит босиком на голом холодном полу, завернутый в свою темную набедренную повязку, усталый Октар, наверное голодный, когда сам Михаил в стереоволокнистой теплой одежде и намного старше его. Чувствуя грызущую кошку совести, он торопливо произнес:

– Да-да, конечно. Пойдем, Октар.

Обратно идти было легко, гораздо легче, чем в первый раз. Михаил уже не шарахался испуганно от внезапно налетающих из темноты кожухов, проводов, похожих на чьи-то пальцы, а только презрительно отодвигал их от лица и слышал впереди уверенное шлепанье босых ног и шорох матерчатого колчана. Сзади мерно шагал Яран, воркующе дышал, и было слышно, как шумно царапаются наросты о голые стены. Промелькнул лабиринт, полупрозрачный и непонятный, сверкающий золотом схем. Потом появился залитый водой тун-

нель, но влево; оказывается, уходил еще один неизведанный коридор, и из него обнадеживающе тянуло холодком. Тройка повернула налево и скоро оказалась за пределами крепости.

Со стороны крепость выглядела абсолютно пустой и ужасно дряхлой, похожей на расшатанный от времени гнилой зуб. Шесть круглых остроконечных башен были соединены зубчатыми кирпичными стенами и неуверенно высились посреди полянки, окруженной рвом. Ров должен был выглядеть устрашающим, с черной водой, но время затопило все зеленью, и ров превратился в болото. Одиноко и неприкаянно висел над ним единственный мост, покрытый сгнившим деревянным настилом. Странно и непонятно было видеть здесь эту крепость. Никак она не вписывалась в сказочный лесной образ. Все равно, что черный обугленный танк в поле пшеницы.

«Хватит тут работы археологам, – подумал Михаил. – Такая находка для них! Если, конечно, кто-нибудь сюда прилетит. А могут и не прилететь. Э-эх...»

Они поднялись к подножию леса, вошли в него и сразу же свет вокруг померк, не в силах пробить мощные листья, множество самых разнообразных запахов и звуков. Сверху тут же прилетел, чуть не по голове, здоровенный волосатый орех, и послышался издевательский наглый хохот. Впереди покоилось озеро. Как и раньше, над ним курился голубоватый туман, дряхлые деревья были готовы вот-вот рухнуть, а лиственный массив на другом конце озера по-прежнему был похож на отвесную стену пещеры.

Михаил присел в стороне от тропинки, чтобы застегнуть отскочивший клапан ботинка, застегнул и посмотрел на товарищей. Яран и Октар ушли довольно далеко, но тропинка круто сворачивала в сторону, и Михаил решил срезать угол. Первые десять шагов он пробежал нормально, но потом земля под ним неожиданно прогнулась, и он с размаху ушел по грудь в вязкую темную жижу. Вниз тянуло со страшной силой, Михаил не мог даже крикнуть, и в самый последний момент, ничего не видя, он почувствовал, как за кисть ухватила узкая и цепка рука.

Глава шестая

Рук мощь зла

Было светло. Свет свободно проникал сквозь толстую соломенную крышу, и зайчики неровно дрожали на земляном,

сильно утрамбованном полу. Сквозь толстую шкуру утоптанной земли слабо пробивались нежные зеленые ростки и пучки молодой травки. Снаружи доносились лающие приказания, сглушенные толстыми стенами из тростника, листьев и глины.

Хижина была очень тесной, четыре на три метра, и выглядела ужасно убогой. Даже окон нет, только непонятная дыра на потолке. Наверняка это самое неудобное жилище у них. Зато хоть крыша над головой есть. Михаил взбил под собой солому, лег лицом к двери (даже непонятно, где у них тут дверь) и подложил руки под голову. Он привык подкладывать свернутую валиком куртку, но ее отобрали в первый же день. Приходилось лежать так, по-спартански.

В противоположном углу, хрустя соломой, зашевелился старик, приподнялся и посмотрел на Михаила. Ну и старик! Таких стариков Михаил никогда еще ни видывал. Высохшая сгорбленная фигура, плешивая голова с пучком седых волос, тонкая цыплячья шея и неожиданно могучий кадык с пучком волос. И одежда: черное, покрытое пылью рубище, будто старик долго и усердно валялся на дороге, и плетеные, продранные на месте больших пальцев башмаки.

Старик зыркнул на него белками глаз, поводит зрачком по хижине и остановил свой взгляд на глиняном кувшине. Он сполз с соломенной кучи, схватил кувшин и резко задрал кверху доньшком, разинув беззубый запавший рот. Воды не было. Старик обиженно отшвырнул кувшин в сторону, вскарабкался на солому и, поджав ноги, простонал:

– Опять вода кончилась! – Голос был визгливый и неприятный, как пенопласт.

Михаил промолчал. Остатки воды выпил не он.

– И еда, – добавил старик и пожевал челюстями, морща лицо, как будто сожрал целиком лимон. – Есть хочется. С утра ничего не ел. – Он посмотрел на Михаила, ожидая поддержки, но не услышал в ответ ничего и рассерженно полез на солому.

– Мне ведь каждые два часа есть надо. Я так привык, – слезно говорил старик, карабкаясь на четвереньках. Он сел, уставясь в одну точку, потом вдруг резко повернулся, так, что взлетела солома, ударил кулаком по стене и злобно крикнул: – Изверги! Душегубы! Кровопийцы!

Соломенная дверь со скрипом отворилась, и в хижину просунулась огромная голова охранника, покрытая черным спутанным волосом и мусором, медленно поднялась, показывая зверскую грубую физиономию и посмотрела в сторону

старика. Старик уже лежал, свернувшись калачиком, и притворялся спящим. Охранник громко сказал: «М-н-да!», неразборчиво забормотал и закрыл дверь. Старик сразу же сел лицом к Михаилу и стал тупо смотреть в пол.

За стеной продолжали однообразно гаркать приказы, слышались тележные скрипы, дребезг разбившейся посуды, звонкие хлесткие удары. Михаил снова посмотрел на старика. Тот уже не сидел, уставясь в одну точку. Он задрал край изодранного халата и стал рассматривать свои ноги. Узловатые костлявые ноги у него были в страшных коростах и язвах, особенно одно засохшее пятно на огромной острой коленке. Он равнодушно почесал голень, зевнул, разлегся и захрапел.

Новый жилец появился в хижине недавно, дня два назад. Михаил умирал от тоски и одиночества, когда дверь внезапно распахнулась и из прямоугольника яркого белого света влетел этот старик от страшного пинка, врезался лысой головой в стенку. У входа послышался громкий гогот, один из охранников стал малиновым от смеха и забухал подкованными сапожищами, поднимая пыль. Старик вскочил и принялся безобразно ругаться, махая кулаками, но дверь уже закрыли, и он полез спать на солому. Странный это был старец. Временами, как сейчас, впадал в старческий маразм, никого не узнавал, яростно требовал еды и ругался. Чаще всего Михаилу удавалось перекинуться парой ничего не значащих фраз и только. Остальное время дед спал. Спал он с аппетитом, сладко, не стесняясь, здорово храпел и иногда что-то напевал во сне. Михаил знал про него ужасно мало, точнее, ничего, а сам старик ничего не рассказывал. Эта неизвестность, скверные стариковские привычки и ругань уже порядком надоели Михаилу и он своего соседа недолюбливал.

Снова завизжала и отворилась дверь. Вошел охранник – здоровенная двухметровая дубина с куском шкуры вокруг бедер и самым современным карабином за спиной, неуверенно потоптался, стараясь двигаться так, чтобы хижина невзначай не развалилась. В руках у него была зажата большая сизая грибная шляпка и бочонок с выбитым верхом, в котором что-то плескалось. Охранник встал на коленки, положил шляпку рядом и стал осторожно переливать из бочонка в кувшин розовую воду. Михаил украдкой наблюдал за ним. Да, подумал он, с таким никакого контакта не получится. Разве что усыпить и нейроскопировать мозг... Ага, как же, так он и дастся

вам с голыми руками. На-те, берите. Как замечал когда-то Валька Грачев: «Щ-щас!».

А ведь по сути дела от него много и не требуется. Просто одеть на голову нейротранслятор... В мозгу всплыл давнишний эпизод, как с одним таким громилой молодые необстрелянные практиканты с факультета нейропсихологии пытались наладить контакт. Контакта не вышло, абориген сбежал из лаборатории и заперся на продовольственном складе. Было очень интересно наблюдать за студентами по каналу внутренней телесвязи, когда они прорвались на склад и до смерти перепугались, увидев, как абориген с грохотом отдирает крышки от ящиков, рвет пластмассу консервов и принимается страшно жрать содержимое, брызгая соусом. Какие контакты, ну какие тут могут быть контакты!

Охранник тем временем наполнил кувшин, встал и, что-то бурча пропитым басом, вышел из хижины. Старик шумно и отрывисто задышал носом, приняв хиваясь, увидел еду, кинулся перед кувшином на колени и впился редкими зубами в сочную мякоть гриба. Михаил неохотно сел рядом.

– Ешьте, ешьте, молодой человек, – сказал старик, быстро жуя. – Нам с вами еще понадобятся силы.

Михаил отстегнул от пояса круглую коробочку, развернул ее, как подзорную трубу, и в образовавшийся стаканчик налил немного воды.

– Что это за вода? – спросил он, разглядывая стакан как пробирку.

– А, это? – Старик прижался губами к кувшину и сделал несколько глотков. Михаил брезгливо сморщился. – М-м! – радостно замычал старец. – «Розовая кровь»! Правда, немного разбавленная... Вы пейте, молодой человек, это кровь Розовой скалы, она необычайно питательна. Раз уж нас с вами балуют этим, значит кто-то скоро приедет, кто-то из главных, этот их, как его, дьявола, склероз проклятый, все позабыл, башка крупноячеистая...

– Какие главные? Кто приедет?

– Вы, молодой челове...

– Михаил...

– Да-да, Михаил. Вы еще новенький здесь, так сказать, вы еще многого не понимаете. Пещерники – весьма удивительный народ. Правда, сейчас все переменялось...

Прожевав, он продолжил:

– Столько лет просветителей уважали и ценили, а тут такое свинское отношение. Кормят какой-то дрянью, не сегодня, правда, но все равно. Эти наемники... Эта грубая бессмысленная сила... Все ведь сказывается. И главное, столько лет... Мне ведь уже сто двадцать восемь лет, я могу уже поглядеть на жизнь со стороны, и скажу вам честно, жизнь – самая жуткая вещь на свете. Вот взять хотя бы меня. Родился, вырос, женился, голова полысела, пережил детей и внуков... Это обычная жизнь, простое бытие, скажем... да вот того же пещерника! – с подъемом произнес старик. Глаза его слегка осоловели. – Что ему нужно? Да ничего! Ему сказали, он делает и ни за что не отвечает. Здорово, правда? Ни за что не отвечает! А я всю жизнь мыкался по пещерам, не с ними, конечно, жил впроголодь, я ведь привык часто есть, нас ведь, Просветителей, уважали, добрая тогда еда была... – Он помолчал, мечтательно уставившись в потолок. – Мы ведь на то и Просветители, чтобы просвещать.

– Так вы Просветитель?

– Был! – с горечью воскликнул старик так, что задрожала седая клиновидная борода. – Был, – повторил он и замолчал.

«Странно все это, – думал Михаил, жуя пахучую, отдающую сыром мягкость. – Дико. Нелепо. Первый раз в жизни столкнулся с разумной расой и даже не знаю, что предпринять. Откуда здесь взялся Просветитель? Правда, Октар рассказывал, что они еще могут оставаться среди пещерников. Но все равно, откуда эти охранники? Откуда у них земное оружие? Неужели Октар говорил правду? Елки-палки!»

Сзади послышался скрип и шорох. В дверном проеме стоял, упираясь рогатым шлемом в потолок, охранник, хмуро глядел на обоих, ковыряясь пальцем в зубах, и что-то невнятно говорил. Потом его бесцеремонно оттолкнули, и в хижину вбежало еще несколько аборигенов. Они были маленькие, в метр ростом, похожие на высохших черных мумий, втиснутых в грубые выгоревшие балахоны. Из под треугольных, низко надвинутых клобуков сквозь черное, как уголь, лицо злобно и немигающе смотрели зеленые светящиеся глаза. Это были пещерники.

Подгоняя зазубренными пиками, они выгнали старика и Михаила на улицу. Рядом, покрытая горячей пылью, проходила желтая нагретая дорога с круглыми и большими следами, как будто здесь недавно прошел слон, и узкими отпечатками деревянных тележных колес. Вдали пылила открытая повозка,

доносились крики, понукания, шелканье бича и обиженный густой рев. По краям улочки, прячась от яркого солнечного света, как-то жалко, словно больные, стояли домики, сложенные из черных квадратных бревен, мертво смотрели пустыми глазницами окон.

– Идите, – сказал исковерканный гортанным хрипом голос, и Михаил почувствовал болезненный укол в спину.

Их вели по направлению к двухэтажному застекленному зданию, которое резко выделялось среди полуразвалившихся домиков. Михаил без труда узнал павильон метеостанции, выстроенный совсем недавно. Возле стеклянных дверей стояла толпа пещерников, из которых выделялось несколько мордастых увальнойей с карабинами за спиной. Простых жителей Михаил не видел совсем. Один раз из двери домика выбежал пятилетний мальчик, чтобы посмотреть на них, но его тут же втащили обратно. Послышался плачь.

Их ввели в гулкий просторный вестибюль. Здесь было темно и прохладно, Михаил с радостью ощутил свежий воздух кондиционеров после уличной жары. Здесь никого не было, абсолютно пустое пространство, только вдоль стен стояли вереницы голубых гладких кресел.

Они поднялись на второй этаж. Здесь, как и ожидал Михаил, стояла сложная метеоаппаратура и огромный, упирающийся в щель раздвинутой крыши телескоп. Тут же было огромное цельное кресло, отлитое из черного блестящего пластика, повернутое к ним гладкой, почти зеркальной спинкой. Кто-то в нем сидел и медленно вращал руками окуляры.

– Они здесь, – прохрипел пещерник сзади.

Кресло медленно повернулось вокруг своей оси, многократно отражая солнечные блики, и Михаил увидел сгорбленный черный матовый плащ с рукавами на подлокотниках с клубуком под длинным и толстым козырьком прямо из спинки кресла. Неприятное ощущение, как будто увидел одетого уэллсовского невидимку. Медленно поднялся капюшон, распрямляя складки воротника, и устался на них горящими точками глаз.

Все враз упали на колени, даже толстые и неповоротливые охранники, Михаил почувствовал сзади хлесткий удар пикой под колени, и ноги автоматически подломились.

Старик вдруг закричал тонким срывающимся голосом:

– Я не виноват! Я ни в чем не виноват! Я не виноват, что я родился! Я...

Черный халат едва заметно отрицательно покачал головой. Тотчас сзади прилетел гладкий булыжник и с хрустом вломился в стариковский затылок. Старика в бессознательном состоянии подхватили под мышки и поволокли вон из зала.

Кресло медленно повернулось на разлапистой опоре к окулярам, и оттуда донеслось:

– Все выйдете вон. Второго оставьте.

Михаил оглянулся. Все карабкались на коленях к выходу. Было слышно, как шуршат балахоны и бряцают карабины. С грохотом покатился слетевший рогатый шлем. Охранник, что-то бормоча сквозь черную бороду веником, подобрал шлем и спрятался за дверь, где его принялись пинать карлики, похожие на одетых мумий. Они негромко хакали и топтали его узкими плетеными башмаками, кто-то взял суковатую дубину, а охранник стоял коленями на полу, обхватив руками голову, упирался лбом в порог и что-то мычал жалобно. Михаил ничего не понимал. Кресло развернулось, и оттуда недовольно осведомились:

– Ну что там еще?

Пещерники перестали шуметь. Кто-то осторожно положил дубину у порога, они схватили стонущего верзилу за толстые волосатые ноги и потащили вниз по лестнице. Было слышно, как бессильно повисшая голова считает подбородком ступени и лязгает челюстями.

– Можешь встать, – разрешил призрак и, как показалось Михаилу, усмехнулся.

Михаил поднялся и почистил ладонью колени. Его переполняли вопросы и сомнения. Теперь было ясно, что здесь был кто-то из землян. Но что все-таки произошло? Аборигены сорвали контакт и набросились на корабль? И пещерников он представлял совершенно другими. И охранники... Они-то здесь откуда?

– Я вижу, у тебя много вопросов, – произнесли из кресла.
– Но для начала...

Капюшон тяжело свалился на плечи. Потом руки исчезли за затылком, и медленно, демонстративно, чтобы это производило впечатление, стали стягивать черную, как у пещерников, кожу с абсолютно лысого черепа. Трещала и рвалась пластическая маска, потом последним рывком ее сдернули с лица, и Михаил увидел человеческое лицо мужчины: бледное, озабоченное, морщины задумчивости на выпуклом лбу и особенно его глаза – тоскливые и печальные.

Мужчина, улыбаясь, подошел к обалдевшему Михаилу, взял его за плечи широкими костистыми руками, уже без черной «кожи», встряхнул и с чувством сказал:

– Ну, здравствуй, друг-землянин.

Михаил слабо пожал протянутую руку.

– Я давно не пользуюсь земным именем, здешние жители называли меня Гаан. Что ж, я не против. Да очнись же ты наконец!

– Ка... Каким образом?

Михаил уже полгода не видел человеческого лица. Ему казалось, что если он увидит хоть одного человека, то заплачет от счастья, примется радостно пожимать руку, все расспрашивать и не давать возможности ответить. Одиночество старательно жевало его все это время и, казалось, пришла минута как-то разрядиться, вывернуться из цепких лап и поговорить с человеком. Но ничего такого он не испытывал. Какое-то странное оцепенение овладело им, не от неожиданности, нет, просто стало ужасно пусто в душе. Он словно раздвоился: одна половина настойчиво говорила: «Это человек! Ты искал его!», а другая нагло науськивала их друг на друга и злобно хохотала.

– Сейчас все расскажу, все, – радостно говорил Гаан, увлекая за локоть Михаила в глубину зала, где слабо гудела и щелкала автоматика. – Вот только надо закрыться как следует... – Он замкнул выход и затемнил все стекла. Плавно зажглись длинные лампы. – Чтобы не подслушивали, – объяснил он. – Садись. Что тебе налить? Фруктовый сок, «Фламинго»? Очень рекомендую «фламинго», прекрасно успокаивает.

Гаан усадил его в голубое роскошное кресло рядом со столом, подошел к большой широкой будке, набрал на клавиатуре шифр и достал из ниши два длинных хрустальных бокала, наполненных холодной розовой жидкостью с шапкой пены. Вернувшись с напитком, он отдал бокал Михаилу, сел в кресло напротив и, сделав глоток, сказал:

– Ты пей, пей, это очень вкусно. Кстати, тебя как зовут? Михаил? Столько времени здесь, и родное человеческое лицо! Мне ведь тридцать лет, заметь, за два года я столько здесь передумал!

– Как ты здесь оказался? – спросил Михаил. Он теперь почти успокоился, но все еще где-то внутри прыгал мелкий неясный испуг.

– Долгая история, – начал Гаан. – Я раньше работал Искателем, пока не попал на эту планету. Нейропсихологи обрадовались, ведь тут такие возможности! Нас приняли добродушно, приветливо. Нас чуть ли не на руках носили. Боготворили. Но почему-то отвергали технику и идеи. Мы попытались внедрить новую технологию, помочь им при добыче угля, а они покинули крепость. Что-то мы не то делали. Надо было по-другому. Но никто не знал как. А ведь пещерникам приходилось не сладко. Постоянные войны с горцами, на каждую обычную большую охоту уходило человек десять, а возвращалась половина. Нужно было им помочь...

– И ты дал им оружие, – медленно проговорил Михаил.

– Да. Вернулся сюда один, и при помощи карабинов они снабдили едой весь поселок, не потеряв при этом ни одного человека. Тогда они предложили мне стать во главе племени. Я согласился, потому что надо было вытаскивать их из нищеты и голода. Мне было жалко их, понимаешь, жалко.

Михаил не мигая смотрел на Гаана. Его распирала злость. «Вот он, значит, какой, этот борец за справедливость. Вот, значит, как все получилось. И не надо тащить его и тыкать носом. Он ведь ничего не видит. Это же слепец, отгородившийся от мира металлическим фотостеклом и маской и считающий, что то, что он сделал, идет во благо всей расы. Он знал подспудно, что что-то будет не так, и хотя считает себя вершиной пирамиды, а научился говорить как они, выглядеть как они, существовать как они, только все еще руководствуясь гуманными принципами.»

– Я решил порвать со своим прошлым. Начал я с того, что уничтожил корабль. Правда, несколько вещей я все-таки перенес сюда, потому что... Ну просто привык к ним, понимаешь?

В голосе его сквозило отчаяние, а Михаил видел ужасную картину: перепуганные жители жмутся к середине кольца пещерников, которые лениво переминаются с ноги на ногу, положив на согнутый локоть ствол карабина, а маленький пещерник хрипло гаркает на толпу, но толпа молчит и боится, и тогда аборигены, похожие на немых черных кукол, подходят к жителям и выводят, заламывая руки за спину, самых сильных мужчин, дают им оружие, и эти несчастные медленно тупеют прямо на глазах, обрастают шерстью, ковыряются в зубах, что-то бормоча, и наводят на толпу короткие резные стволы... Страшно. Ведь они же скоро возьмутся друг за друга, еще

немного, и жизнь превратится в сплошной кошмар. А Гаан этот – безумец, его надо срочно увезти на Землю, забрать всю технику, а у аборигенов заменить эту часть памяти, чтобы ничего они из этого не помнили...

Но у него ничего не было. Не было возможности увезти его на Землю, не было никакой техники, чтобы воздействовать на пещерников, да и он сам находился в положении пленника. Мда-а...

– Ничего я не одобряю, – сказал Михаил. – Кстати, откуда взялись эти охранники?

– Это пленные горцы, – пояснил Гаан и отпил из стакана.

– Пленные? Они такие здоровые, а пещерники...

– Пещерники отлично владеют пращами, – возразил Гаан. – Кстати, о тебе я услышал от них. Они рассказывали, что видели тебя на перевале. Я сначала не поверил, конечно, но теперь...

– А Просветители? Почему к ним такое отношение?

– Я не знаю, – сказал Гаан. – Это психология самих аборигенов. Это их дело.

– Нет, это не их дело, – сказал Михаил. – Вернее, и их тоже. Но ты должен был разобраться.

Гаан молча крутил в пальцах полупустой бокал.

– Тебе надо на Землю, – осторожно произнес Михаил.

– Не говори мне про это! – вдруг закричал Гаан так, что расплескал «фламинго». – Черт, – сказал он, стряхивая капли с халата. – Мантию вот забрызгал. И не говори мне!

– Не кричи...

– Я закончил со своим прошлым. Там я был никому не нужен. Никому! А здесь я нужен сразу всем. А что, если нам остаться вдвоем, а? – Он искательно посмотрел Михаилу в глаза. – Будем вместе, а?

Михаил вздохнул. Сначала мелькнула было дикая мысль: «А может правда, а? Пожить, ни на что не жалуясь...», но он поспешно ее раздавил и только покачал головой:

– Нет, Гаан. Не для меня это. Ты просто ожесточился и хочешь что-то кому-то доказать.

– А может и хочу!

– Кому?! Мне? Пещерникам? Твоим вооруженным дубинам?

Гаан выглядел очень несчастным и разбитым. Он сразу как-то постарел, осунулся, и Михаилу стало жалко его. Может он был слишком жесток, но как-то надо было это сказать. Ну,

резковато получилось. В конце концов Гаан сам вынудил его. Гаан поставил стакан на стол, встал с кресла и, шаркая ногами, подошел к своему черному креслу. Взявшись за подлокотник с кнопками, он сказал:

– А ведь телескоп настроен на Солнечную систему...

Сгорбившись, он отвернулся и выкрикнул:

– Уходи!

Михаил поставил на стол бокал и подошел к нему:

– Гаан...

– Уходи!

Михаил повернулся и направился к дверям. Гаан снова сделал стекла метеостанции прозрачными. Стеклопанные двери из темных и матовых пластин стали снова обретать свою прежнюю бездонную прозрачность, и Михаил увидел пещерников, которые жадно плющили длинные черные уши на фотостекле, подслушивая и переговариваясь. Двери с шелестом разъехались в стороны, и Михаил услышал дробный стук и голое шлепанье ног по лестнице. Он обернулся. Гаан натянул новую маску, сел в кресло, и развернулся к телескопу.

За дверьми Михаила крепко взяли за локти и на незнакомом наречии что-то спросили, вздыхая и с липким горловым клочкотанием. Из-за кресла вылетел резкий ответ. Михаила небрежно потащили к выходу. Это были здоровые, видавшие виды экземпляры, на волосатой груди змеистые татуировки, у каждого по карабину, на голове по шлему из тускло блестящей меди и натуральных кривых рогов. Да, и среди таких вот дикарей ему приходится жить. Ну и жизнь! Михаил посмотрел на горца. Такого бы в международный музей «Зоотроник», в стеклянную будку, начиненную местной растительностью, с водным распылителем и искусственным светом в потолке... Охранник одной рукой держал его локоть как палку, другой ковырялся в бородище и что-то мычал, разевая черную глубокую пасть и зевая.

Его вывели из метеостанции и потащили сквозь толпу любопытных, осторожно отталкивая пещерников, чтобы ненароком как-нибудь не раздавить. Это только с пленными горцы были такие страшные, свирепые и наглые. Пещерных людей они боялись, несмотря на резкий контраст в росте и силе. Михаил с определенной долей злорадства наблюдал, как охранников толкали, пинали по ногам и кричали что-то обидное, и как те жмутся и тихонько отталкивают звонкоголосых ребяташек. Вот так, так, а вот этого верзилу по ногам, да не

стесняйся, малыш, бей эту мразь, можно даже палкой... Дикость это конечно. Надо бы их урезонить. Урезонишь их! Самого затопчут.

Они вышли на дорогу. Солнце поднялось еще выше, раскаленное желтое марево било с высоты в истоптанный песок, и вверх поднималась желтая многострадальная пыль. Навстречу катила повозка, тучное рогатое животное, похожее на огромного броненосца, с равнодушным стуком вбивало в песок огромные круглые копыта и жевало траву. Громко скрипели колеса, маленький толстый пещерник тупо смотрел на ребристые бока животного и время от времени шлепал кнутом по его широкой спине.

За ними сразу же увязался хвост зевак. Михаилу показалось, что тут собралась вся деревня. На охранников пронзительно кричали и швыряли песочными комьями, но Михаила боялись и жались поближе к домам. Он навсегда запомнил их глаза – желтые, выпуклые и настороженные.

Глава седьмая

Террористы

Его грубо втокнули в темноту и закрыли дверь. Михаил запнулся обо что-то, стукнулся головой о шершавое бревно и упал на охапку сена. Это было совсем другое жилище. Никаких легких стен, обмазанных глиной, никаких дырявых потолков. Это был мощный деревянный сруб, почти непроницаемый, только между квадратных бревен голубовато светились тонкие щели. И запах был другой: сена, сосны и мокрой зелени.

Михаил посидел немного, прислушиваясь к голосам за стеной, потом осторожно приподнялся и пошарил руками. Под ногами был утрамбованный чернозем с реденькой травкой, маленькая глубокая ямка, кучка каких-то сучьев. Ладонь поползла дальше. Ворох щепок и занозистая впадина надгрызанных нижних бревен, словно объеденная бобрами. Та-ак, а это что? Кость? Откуда здесь кость?

Михаил поднялся с корточек и уверенно направился в другой конец сруба, но тут же ударился о высокую и тонкую металлическую трубу с расплюснутым концом, крепко вбитую в землю. Упав на землю, он потрогал ее, нащупал массивное кольцо, ржавую звенящую цепь, а дальше – странный предмет, похожий на дырявый волосатый орех. Приглядев-

шись, он увидел, что другой конец цепи прикован к блестящей металлической полосе, свернутой в браслет, а внутри браслета хребет сидящего скелета со злобной намекающей улыбкой. Скелет был маленький, с давно сгнившими костями и вытянутым черепом, покрытым жесткой щетиной. Что-то здесь попадает средневековьем, палачей тут хватает, как я погляжу. Ну и ну!

Михаил отполз подальше от столба, вжался в угол и вцепился в несчастную солому. «Ой худо мне будет, – подумал он, – чует мое сердце, не к добру это.»

Что-то безжалостно и быстро кольнуло его в щеку. Михаил остервенело врезал ладонью по щеке, под пальцами хрустнуло и брызнуло крупное насекомое. «Понаташили тут всякой гадости», – подумал он с ненавистью и вытер пальцы о штаны.

На ржавых петлях повернулась дверь, раскрывая щель света, вбежал пещерник, сильно косолапая. Обхватив кувшин, как бочку, он поставил его на землю. Там что-то с заманчивым всплеском булькнуло, и Михаилу сразу же захотелось пить. Пещерник выбежал на секунду, вернулся с копьём, разбежался и с натугой ударил тупым концом в стену. Михаил вздрогнул. Деревянная пробка выскочила, и через квадратную дыру хлынул, сметая сквозняком пыль, голубой сильный свет. Михаил зажмурился. Ему бросили его куртку, уже отдающую псиной и мерянную не один раз. Потом дверь закрыли и набросили снаружи тяжелый засов.

Михаил выпил немного и прижался к окну. Прямо перед ним через широкую поляну стоял домик, вбитый временем в землю по самые окна, справа росла стена зелени и коричневых стволов, а левее соседнего домика лежало полотно дороги. Ужасно скучный и унылый пейзаж. Михаил вернулся на свое место и лег, оставшись наедине со своими мыслями.

Прежде всего он подумал о маме. Каково ей сейчас там! Да и отцу тоже не сладко. Он представил скорбные лица родителей, друзей, просто знакомых... Попытался представить лицо Анки и не смог. Стыдно сознаться, но он ее почти забыл. Где-то была фотография...

Искатели, да и вообще все звездолетчики всегда брали с собой фотографии самых дорогих сердцу людей. Это всегда помогало от одиночества. Бывало, смотришь на знакомое, милое лицо, знаешь его до деталей, и уже кажется, что ты не

один, и исчезает куда-то тоска вместе с тупой иглой, засевшей в сердце. Хороший и мудрый обычай.

Михаил порылся в карманах. Где-то здесь... Ага, вот. Он достал из потайного кармана куртки теплый и гладкий кусочек пластика, повернул к свету и взгляделся в изображение. Там было лицо девушки, светлое, спокойное, темные длинные волосы до плеч, знакомо повернута голова, чуть-чуть вправо и набок. Снимок был настоящий, без этого стереоэффекта, намекающего на пространственное восприятие, как будто смотришь на отдаленного человека через окно. Что-то стукнулось у него над головой, обдав земляной крошкой, и он торопливо спрятал фотографию.

Стук повторился. Кто-то швырялся через окно кусками глины. Михаил осторожно приблизился к окну и выглянул наружу.

Напротив окна стояли несколько малышей пещерников – большеголовые уменьшенные копии своих родителей. Теребя края грубой мешковины, накинутой на тощее тельце, они во все глаза смотрели на угрюмого чужака, нетерпеливо притоптывали узкими ступнями, грызли ногти, а один парнишка (а может и нет, они все такие одинаковые) мял в ладонях шарики глины и бросал в окно.

Увидев Михаила, злого, небритого и какого-то закопченного, они брызнули в разные стороны, попрятались по кустам и стали зорко следить блестящими глазами, сгорая от нетерпения и любопытства. «Ох уж эти дети, – подумал Михаил, польщенный, однако, вниманием. – Забавно. Что они еще вытворяют?»

Кусты не шевелились. Михаил устал смотреть на яркий свет, сполз на дно домика и стал скучающе играть цепью. Привлеченные звоном, ребята встали около стены и оживленно загомонили, причем Михаил выделил из быстрого говора два слова: «надо» и «еда».

Снова увесистый комок шлепнулся в бревно. Михаил не отреагировал. Тогда в стенку еле слышно постучали и похлопали по краю дыры узловатым сучком. Михаил поднялся и тут же отпрянул, потому что в окно быстро просунулась гибкая ветка, на конце которой были нанизаны грубые грибные лепешки. Михаил сразу почувствовал, как внутри что-то перекатилось, гулко ударилось и протяжно запело. Еще бы! Целые сутки на одной воде!

Он втащил ветку и выглянул в окно. Маленький пещерник стоял напротив, молчал и со страхом и любопытством смотрел на него, его друзья, скрытые пышной травой оживленно обменивались репликами, было видно, как блестят на солнце их большие прозрачные глаза. Михаил стал судорожно хлопать себя по карманам, выворачивать их наизнанку. Какую-нибудь ерунду, мелочь... Он отыскал небольшой осколок зеркала, случайно застрявший в подкладке, и протянул его малышу. Малыш боком, боком осторожно подошел поближе, схватил подарок и опрометью бросился к кустам. Оттуда тут же вылетел оживленный говор, удивленное быстрое бормотание, радостные посвисты и ослепительный отраженный зайчик.

Михаил сел на солому, подтянул к себе кувшин и принялся за работу. Вмиг лепешки исчезли, словно их не было. Он прислушался к своим ощущениям. Ладно, сойдет. В конце концов он же пленник. Но вот что удивительно! Неужели среди этого стада животных, среди бессмысленных дикарей еще существует хоть что-то, которое может испытать жалость, просто нормально относиться к чужому? Страшно подумать, что из них в скором времени могут вырасти такие же скрыченные фигуры в балахонах, методично топчущие каждого охранника-горца? Ведь те тоже когда-то были детьми.

Внутри что-то возразило ему, что он, Михаил, никогда не поймет этих пещерников, потому что между ними гигантская разница в развитии и мышлении. Ведь это же аборигены, да, они дикари, что с них можно взять! Вспомни свое прошлое, Михаил, свою историю, свое начало.

Да, я знаю, что ты хочешь сказать. Что это первобытно-общинный строй, и все отсюда вытекающие последствия. Но я не согласен.

Ты этого не поймешь. Вы никогда не поймете друг друга.

Что же мне делать?

Воспринимай все так, как есть, и не мучай себя вопросами, на которые нет ответа.

Но я не могу так! Вот, передо мной окно. Загляни туда. Что ты сможешь увидеть?

Зачем эта злость? Тебе еще повезло. Тебя могли убить и выбросить в Великую Трясину на съедение брюхоногам. Но тут появился Гаан, и ты остался жив.

Что же мне, Гаана благодарить?

По крайней мере из-за него тебя не убили.

Опять ты за свое...

Время покажет.

Около двери послышались голоса. Михаил насторожился. С грохотом убрали засов, и в полосу света вошел Гаан все в том же черном халате с синей искрой, низко надвинутый клубок и мертвая фальшивая маска.

Он прикрыл дверь, обошел трубу с тусклой отраженной полосой света и сел рядом на хрустящую солому. Долго он молчал, тербил складки с синеватым отливом, потом взялся горстью за лицо и стащил маску.

– Ничего страшного не будет, если меня увидят без нее, – сказал он. – Просто им так легче меня воспринимать. Но тебе, конечно, все равно.

Михаил молчал. Разговор ему не нравился.

– Это я тебя велел отправить сюда. Ведь ты мой пленник... – Он горько усмехнулся потом снова стал серьезным. – Миша, я могу тебя отпустить. Ты не пленник. Если... – Он нерешительно помолчал. – Если ты про меня забудешь. Да скажи же ты что-нибудь!

– Что значит «ты про меня забудешь»? – спросил Михаил.

– Это значит, что если тебя подберет корабль... Всякое ведь случается... Ну в общем... Чтобы ты про меня не говорил. Никому.

На протяжении всего разговора он упрямо смотрел в одну точку на полу. Михаил посмотрел на него и понял, как глубоко несчастен этот человек. Это ведь надо же: верить столько лет, что делаешь что-то хорошее и полезное, что твой идеал вечен и высок, и вдруг приходит близкий, родной человек и так легко тебя опровергает. Конечно не до конца. Но остается ужасное смятение. Как будто внушил веру в Бога и тут же посвятил в кем-то когда-то выдуманные законы, из которых получается обратное.

– Я ничего не могу обещать, – начал Михаил, но Гаан раздраженно перебил:

– Скажи: да или нет?

– Не знаю.

– Это не ответ.

– Гаан, ну что я могу тебе говорить или тем более обещать? Ты ведь сам знаешь, что кто-нибудь тебя найдет. А если не тебя, так аборигенов. От этого никуда не денешься. Может быть ты не знаешь... Эта планета находится во внеочередном списке исследования. Вернее, она уже исследована. Материа-

лы переданы в комиссию по гуманоидным отношениям, и где-нибудь через три года минимум тебя найдут.

– Не верю! – рявкнул Гаан.

– Хорошо, – сказал Михаил. – Но я был на корабле, который высаживался здесь, я ведь потерялся... Все-таки я больше тебя знаю...

Он снова посмотрел на Гаана и осекся. Давешняя тоска толстым слоем лежала на его лице. Он ничего не мог возразить.

– Есть один выход, – осторожно сказал Михаил. – Массовое психополе...

– Я много думал об этом, – неожиданно громко сказал Гаан. – У меня даже есть установка. У меня есть передатчик. Достаточно одного экстренного импульса SOS, и корабль здесь будет через неделю.

Он нервно рассмеялся, вдруг встал и быстро вышел. Обреченно грохнул засов.

Михаила так и не отпустили. Медленно тянулись часы неизвестности. Свет за окном померк, и на поселок опустился теплый лесной вечер.

Михаил ненадолго заснул. Снились какие-то отрывочные воспоминания, вызывая цепь фантастических ассоциаций. То он смотрел в высокое голубое небо, и вдруг из него на Михаила проваливалась и замирала гигантская многокилометровая маска Гаана, то появлялся Октар, пинающий его, Михаил, и рассуждающий о смысле жизни. А потом приснился теплый уютный корабль, и как Михаил ходит по пустым коридорам, скольльзящим взглядом осматривая рубку с равнодушно моргающими огоньками, потом библиотеку, и все кого-то ищет, но не находит, а в корабле стоит ватная тишина...

В углу послышался шорох. Михаил подумал: «Мыши... Это просто мыши. Откуда на корабле мыши?» Шорох повторился. Окончательно проснувшись, Михаил увидел, как в слабо освещенном углу под бревном дергается и вылетает земля, огромный тесак Ярана вонзается в землю и выбрасывает рассыпчатый перегной. Потом послышались хриплые ругательства, из-под бревна высунулась чумазая физиономия Октара и тихо произнесла:

– Ну и темнотища тут у вас. Ничего не видно.

Михаил крепко схватил Октара за острые костлявые плечи, готовясь заорать от счастья, но Октар быстро прикрыл ему рот грязной ладошкой и прошептал:

– Не ори. А то вдвоем придется здесь куковать.

Он вылез из ямы и стал оживленно рассказывать, воровато оглядываясь.

– Мы тебя долго искали. Все болото просмотрели, думали, ты утонул. Но потом нашли твой... как это называется... стереобраслет и я сразу понял, что тебя схватили. Вот, держи. – Он нацепил Михаилу браслет на руку, щелкнул застежкой и продолжил: – Ну и вот. Мы следили за ними, видели, как тебя загнали в соломенную хижину. А потом тебя водили в большой прозрачный дом. Зачем?

– Там я разговаривал с их главным, – объяснил Михаил. – Он, оказывается, человек.

– Да ну! Вот это да! – Октар, как был на корточках, так и забегал от возбуждения по тесному промежутку между стенами, похожий на рослого паука, потом замер около Михаила, недоверчиво согнул правое треугольное ухо и спросил: – Человек, говоришь?

– Да.

Малыш встряхнул своей длинноволосой растрепанной гривой, и из волос полетели сухие листочки, веточки и сухая земля. Потом напрягся так, что мелко задрожали длинные уши, и шепотом поразился:

– Невероятно!

Потом он стал серьезным и торопливо заговорил:

– Я от Ярана. Он велел передать тебе это... – Октар достал из-за пазухи психотрон с мазками грязи на крышке и протянул Михаилу. – Держи. И слушай дальше. Сегодня, как сказал Яран, ровно в ноль ноль-ноль... странные слова... будь готов. Замани охранников и используй это. – Он кивнул на приборчик. – Да, Яран велел передать, чтобы ты был с ним поосторожнее. Ладно, я бегу. Тут к тебе идут...

– Откуда ты знаешь?

– Я ж тебе рассказывал. Инфраизлучение. Вон, еду тебе несут.

Октар уверенно указал пальцем в абсолютно глухую и толстую стену, где на невидимых линиях качалась пыль, потом жутковато, как робот, стал медленно поворачивать голову к двери в такт четким шагам за окном. Затем метнулся под бревно, бросил загадочно:

– Я их всех вижу, – хихикнул и скрылся.

Вошел охранник, швырнул на кучу соломы толстое одеяло, поставил рядом с кувшином пластмассовый поднос с вкусно пахнущей снедью и закрыл скрипящую дверь.

Михаил сел на одеяло, потому как зад порядочно отмерзал, поставил рядом кувшин, на колени поднос и жадно набросился на еду. Ужасно он соскучился по домашней еде и был быстр и ловок.

Когда поднос опустел, он осторожно свалил все в кучу и тыльной стороной ладони вытер рот. Посмотрел на часы. Времени оставалось жалких полчаса. Чтобы чем-то заполнить их, он стал вспоминать корабль и свои прежние рейсы. С этих воспоминаний перескочил на случаи из жизни своих Друзей. Вспомнилась хроника «Единорога», скудная тощая информация. Не хотели они почему-то распространяться об этом. Кажется, там кого-то тяжело ранило... Ну да ладно.

Подошло время. Тонко пискнул сигнал. Ноль ноль-ноль. Михаил поднялся, на цыпочках подошел к двери и прислушался. Снаружи медленно ходил один охранник. Второй, видимо, сидел на камне и громко зевал. Тоже мне, сторожа. Михаил перестал дышать и постучался. К двери подошли, убрали засов. Михаил вспотел от напряжения. Как только дверь распахнулась, он два раза нажал на кнопку. Горцы, сраженные безвредными импульсами, повалились друг на друга и затихли.

Он выбрался из сруба и огляделся. В глубине леса несколько раз просигналил фонарик. Ждут. Но между ними была широкая дорога и несколько домов, а по дороге бродили пещерники. Ярко светили обе луны на черном звездном небе. В некоторых домах горел свет. Михаил прижался к стене, согнулся и стал медленно пробираться к дороге. Прямо под ухом вдруг загомонили, и Михаил, обмирая, отскочил и вжался в бревно. Рядом прошли два охранника. Кажется, обошлось. Михаил облегченно вздохнул и выбрался на дорогу.

Где-то уныло, с тоскливым завыванием завывали двухголовые волки. «Как по мертвому», – неожиданно подумал Михаил. Он на цыпочках перебежал полотно дороги, прокрался вдоль мусорной горы и нырнул в кусты.

Яран полулежал-полусидел, сжимая карабин, и казался невидимым. Мальчик приседал в чудовищно неудобной позе спринтера через десятые доли секунды после старта. В руке он держал свой неизменный лук со стрелой.

– Все нормально? – тихо спросил Октар и шмыгнул носом.

Михаил не ответил и резко обернулся. Из покосившегося домика, выломав дверь, вывалились орущие горцы и пинками выбросили на дорогу какой-то темный вялый мешок. Мешок слабо охнул, быстро зашевелился, и в розовом свете луны Михаил узнал старика Просветителя, грязного, в пыльном оборванном тряпье, с кровью у рта. Неподалеку остановились охранники и с варварским интересом смотрели на мечущегося старика.

На Октара было страшно смотреть. Он железной хваткой сжимал лук, скрипел зубами и делал странные нервные движения, похожие на конвульсии, а глаза, как от страха показалось Михаилу, переливались светло-зеленым мерцанием, и слабо потрескивали электроразряды на волосатых ушах.

Охранник неуверенно хохотнул, подошел и, размахнувшись, пнул подкованным сапогом старика в живот. Старик отлетел к обочине, поднимая пыль, согнулся и захрипел. И тут же истошно завопил Октар и разрядил лук в толстомордого горца, и Михаил с какой-то дикой радостью увидел, как из толстой шеи торчит толстая стрела. А потом откуда-то появился серый туман и острая боль в голове, она судорожно ударила током, и мир перевернулся.

Глава седьмая

Конец империи

Михаил лежал лицом в пахнущем травой мху и осторожно прислушивался к своим ощущениям. По телу блуждала тупая и равнодушная боль. Он еще не до конца очнулся и слышал как сквозь сон монотонное бормотание старика, звонкий мальчишеский фальцет Октара. Потом его перевернули на спину, над головой гулко прогудели голосом Ярана, как в бочку: «Сейчас очнется», – и в лицо хлынуло море воды, холодной, довольно противной на вкус и пахнущей тиной.

Михаил закашлялся, быстро сел, отдышался и увидел, что сидит на плоской, покрытой мхом вершине высокого пологого холма. Над головой, в бездонном розовом небе чертили восьмерки длиннохвостые черные птицы. Холм со всех сторон обступал лес, цепляясь кустарником за крутые скользкие склоны. Было довольно прохладно, очень светло и очень влажно и совсем не хотелось двигаться. Очень хотелось, что-

бы исчезла куда-нибудь боль, но она перекатывалась с места на место и застревала в пальцах скверной судорогой. Справа стоял Яран с пустым и мокрым котелком, и зрачки его выпуклых кошачьих глаз сжимались и разжимались. Это означало, что он ужасно рад видеть Михаила живым и здоровым. Рядом с ним на сгнившем заплесневелом пеньке сидел Октар и ковырялся в земле длинным сучком. Слева неподвижно сидел старик в середине черного круга выжженной травы и смотрел на горизонт.

Яран присел на корточки и спросил:

– Ну как?

Михаил прислушался к себе повнимательнее. Что-то равномерно колыхалось и пульсировало в колене, на левый локоть невозможно было опереться, кулаки были ободраны в кровь, а крепко сжатую в кулак правую ладонь остро кололо. Он осторожно разогнул мертво сжатые пальцы. Вся ладонь была утыкана и порезана разными по величине кусочками пластика и стекла. А на запястье темнел странный коричневый рисунок, похожий на татуировку, короткие зигзаги, скрученные в середине в тугой узел.

– А это откуда? – спросил Яран и стал изучать рисунок.

– Не знаю, – сказал Михаил. Он поймал себя на том, что голова непроизвольно дергается в сторону.

Октар перестал ковыряться и тоже посмотрел на узор.

– Странно, – сказал он. – Первый раз вижу.

Михаил почему-то вспомнил базу «Каракатица». Несколько биологов были поражены рядами электрического ската, и у них были точно такие же «татуировки». «Это электричество, – подумал Михаил. – Откуда здесь электричество?»

– Миша, может ты есть хочешь? – виновато спросил Яран. – Так ты поешь.

Перед ним на широком листе были разложены куски рыбы, болотного тушканчика и вспотевшие по краям розовые кольца, от которых вкусно и знакомо пахло. Осторожно откусив, он понял, что это жареный кальмар. Он посмотрел на товарищей. Его переполняли чувства. Умиление вызывал славный чумазый Октар, Яран в страшных, как у трицератопса, зубцеватых наростах, даже странный, дикий и дряхлый старик, угрюмо взирающий на плоские ледяные вершины дальнего хребта. Очень захотелось обнять их всех, но Октарушка наверняка бы вырвался и надул губы, старик бы заворчал,

только Яран бы его правильно воспринял, да и то, может, отнесся снисходительно.

Михаил вмиг съел все, что лежало перед ним, запил чистой родниковой водой из пустой раковины, и старик тут же неприязненно осведомился:

– Ну что, наелись?

– Да.

Старик громко и презрительно хмыкнул, ухмыльнулся, показывая редкие черные зубы, и сгорбленно побрел с холма, держась одной рукой за поясицу и покрякивая.

– Как его зовут? – спросил у ребят Михаил. Он был очень удивлен.

– Дядюшка Терн, – почтительно сказал Октар и даже, как показалось, молитвенно сложил руки.

– Терн, Терн... Что оно означает?

– «Двуликий». И обязательно зови его дядюшкой. Он так любит.

Михаил снова посмотрел на разрисованное запястье и попытался вытащить впившийся в кожу осколок. Стекло вышло легко, но Михаил все никак не мог поднять, откуда оно. Потом уже, медленно, методично стали появляться отдельные отрывочные воспоминания.

Михаил вспомнил, как Октар выстрелил сначала в одного горца (стрела попала в шею), потом в другого (стрела воткнулась в позвоночник), закричал и побежал к старику. Один из охранников увидел его и стащил с плеча карабин, Михаил вскинул психотрон, но из-за дерева неожиданно вынырнул пещерник, взмахнул пращей, и булыжник с хрустом разбил прибор в ладони. Сразу же запахло озоном и больно дернуло током, и почему-то он стал плохо видеть. Потом в сознании был туманный пробел, а после этого Михаил увидел, что он безоружный, что рядом стоят охранники, нацелившись стволами ему в живот, уже не хохочут пьяно, а напряженно и злобно всматриваются в него, размазывая ручищами грязь на потных волосатых мордах. Он увидел, что Октар с плачем ползает на коленях около бесчувственную дядюшки Терна, страшный, жалкий, и пыль липнет к мокрым от слез щекам. Время на миг остановилось, а когда горец подошел к мальчику, схватил его за волосы и отшвырнул как котенка, Михаил закричал и прыгнул вперед.

Он наносил быстрые и сильные удары, охранники с визгом отлетали к обочине и скатывались в темноту, но потом

снова возвращались. Они, хоть и выглядели устрашающе, дрались все-таки плохо, расталкивали друг друга, лезли на него, как кошки, наседали и выигрывали только количеством. Михаил хватал их за шиворот, бил в скуластые толстые лица, потом в солнечное сплетение, потом ребром ладони ниже уха, отключая одного за другим, а про себя повторял: только бы не упасть, иначе затопчут насмерть, только бы не упасть... Его ударили сзади по ногам, на нем тут же повисло с десятков охранников, и они рухнули в орущую барахтающуюся кучу тел. Потом Михаила выдернули из этой кучи и сунули в руки теплый карабин с разгоряченным стволом. Где-то отчаянно застрекотал автомат, судорожно запрыгали отсветы оранжевого пламени на уродливых хижинах, поливая длинными беспорядочными очередями дорогу. Пыль под ногами взорвалась и стала толчками вздыматься к звездному небу, а Михаил, оглохший, кашляя от пыли, стоял столбом и протирали глаза, пока его не схватили сзади за куртку и не потащили к деревьям. Потом они долго бежали по лесу, сзади гремела пальба, пули с визгом проносились совсем рядом, и вокруг рвалась и трещала кора, противно лезла за шиворот, попадала в нос, в рот, кидала в лицо сухие отбитые пласты. А позади азартно гикали и ржали охранники, неторопливо семенили нестройной цепью, потом куда-то пропали, и дальше Михаил помнил только отрывистые кусочки случайных воспоминаний. Кричал что-то Октар про Великую Трясину и поворачивал ко всем грязное заплаканное лицо... Они долго прыгали по дряхлым и непрочным корягам, которые немедленно уходили в теплую грязно-зеленую топь, а вокруг в кромешной темноте равномерно вздыхало болото, извергая вонючий пар... Михаил оступился и ушел в податливую жижу по грудь, и его потом долго вытаскивали... Больше он не помнил ничего.

Вернулся старик, крякнул, сел на траву и проворчал:

– Опять ничего нет. Третью наживку уже меняю.

– Может быть рано? – деликатно осведомился Яран. – Или поздно?

– «Рано», «поздно»... – передразнил его Терн и кисло сморщился. – За наживкой-то следить надо! – с упреком крикнул старик, набычился и ушел.

– Станный дед, – сказал Михаил и поднялся. Колено перестало пульсировать, зато нестерпимо зачесалась пятка, и он истоиво заерзал по земле башмаком.

– Где ты его нашел? – спросил Яран и задумчиво почесал панцирь.

– Я нашел? – спросил Михаил, налегая на «я». – Никто его не находил. Он вместе со мной в одной хижине сидел.

– Ему просто повезло, – медленно произнес Октар, продолжая сидеть на корточках и упрямо смотреть в пол. – Он единственный, кто выжил.

– А остальные? – спросил Михаил.

– А остальных нет. Учителя Азарата повесили за ноги на перекладине и забили камнями. Деда Торха загнали в Трясину и его съел брюхоног. А Тарзаната сбросили в пропасть. За его речи, призывающие к миру, и непослушание...

Октар еще ниже опустил голову и гулко сглотнул. Потом, не поднимая головы, добавил:

– Твой человек об этом не знал, Михаил. Просто все боялись, что Гаан заберет всех Просветителей в стеклянный дом, а остальных бросит. Так дядюшка Терн рассказывал.

Михаил с жалостью посмотрел на него. Ведь мучается же парень, надо как-то помочь, а он не знает как, и никто, наверное, не знает. Яран, он просто не поймет. У него совершенно другая психология, другое мышление, другое восприятие, черт возьми! Михаил снова убедился, что даже он, все-таки более близкий по внешним признакам, неспособен разгадать и сотую долю того, о чем может думать этот малыш. Иногда кажется, что начинаешь его понимать, его мысли, чувства, желания; казалось бы, обыкновенный дикарь-детеныш, треугольноухий абориген с уровнем мышления минус две единицы. А внутри-то совершенно другой мир, абстрактный, противоречивый, инфракрасный, чужой мир чужого разума с совершенно другими понятиями, и вся подлость в том, что он никак не состыкуется с нашим, человеческим. И так почти со всеми разумными расами. И александрийцы нас не принимают, разве что туристов и ученых, а предложенную технику категорически отвергают. И рейнгольдяне дают вежливо понять, что это им нежелательно: то чуть-чуть не устраивает, а это малость не подходит. И иногда до такой степени противно становится, что все эти искательства, нейропсихология и фокусы с массовым психополем кажутся самой настоящей бредятиной.

Со склона донеслись пронзительные поросячьи визги. Михаил оглянулся. Ярана не было. Октар лежал животом на шкуре и внимательно смотрел, как здоровенный пестрый москит

делает жадные нетерпеливые круги над его рукой. Визги не прекращались. Потом послышался тяжкий шлепок, Яран взревел: «Куда?!», раздалась шумная возня, какое-то глупое и большое животное, пойманное на наживку, заверещало в последний раз и замолчало. Михаил встал и увидел Ярана, грязного, облепленного тиной и свежими клочьями мха и несказанно счастливого. Под мышкой он держал большую усатую рыбу, похожую на сома, крепко прижимая к боку. Сзади него плелся старик, положив акулий хвост пискуна на плечо, кряхтел, охал, постоянно спотыкался, и блестящее рыбе тело раскачивалось, как висячий мост.

Наконец они дотащили ее до вершины холма и бросили, как мешок на землю. Рыба шевельнулась, дернула усами и изо всей силы растопорщила страшные острые плавники.

– А?! – крикнул Яран, легонько пиная обалдевшего пискуна. – Каков подарок, а?

Они с Михаилом начали готовить завтрак, а старик с Октаром куда-то опять убежали, а потом они вернулись с какими-то красными плодами, похожими на гранаты, и сказали, что это можно есть. Пока в котелке булькало варево, Михаил попробовал откусить и чуть не сломал зубы. Плод был твердый, как орех. Тогда он разломал ножом кожуру и попробовал немного мякоти. Сначала все было хорошо, но потом Михаил как-то сник, погрустнел, вдруг стал отплевываться, а потом присосался к кувшину и вылакал его до дна. Дед Терн недовольно осведомился, в чем дело. Михаил сообщил, что это, наверное, можно есть Просветителям, но для него это лисий яд и такая гадость, какой он в жизни не пробовал, после чего старик покивал и сказал, что они, видимо, перезрели годиков на пятнадцать. Михаил рассвирепел и весь завтрак дулся на старика.

Яран разлил еду и спросил у Октара, почему тот не ест. Мальчик сидел на своей шкуре, смотрел в одну точку, прохаживаясь пальцами по страшному рубцу на боку, потом вздрогнул и сказал, что не хочет.

– Что значит не хочешь? – строго спросил Яран. – Ешь давай.

– Октар... – начал было Михаил, но Октар резко поднялся, подобрал накидку и стал быстро спускаться с холма.

– Опять мясо недоварили, – проворчал дядюшка Терн, быстро хлебая из половинки ореха. – Который раз уже. И мало. Вон рыба какая. Можно было и побольше.

– Побольше котелок не вместит, – терпеливо объяснил Яран.

– Ну и что? – чеканно спросил старик. – Все равно. Надо было побольше.

– Если хотите, возьмите мое, – раздраженно сказал Михаил и придвинул к нему чашку.

– Да не надо мне вашего мяса! – воскликнул дед и приготовился сказать что-нибудь обидное, но не успел.

Михаил почувствовал, как земля под ним изогнулась и подбросила его высоко в небо. Пока он падал, мелькнуло перекошенное от страха лицо старика, который кричал и размахивал руками. А в метре над землей что-то разорвалось со страшным треском, земля вздыбилась, налетела на него и с размаху дала в подбородок. Михаил попытался сесть. Он ничего не понимал. В ушах стоял адский звон и гремел оркестр, а вокруг сыпались мокрая земля, дерн, исковерканные обломанные сучья. Рядом грохнулся Яран и с проклятием отшвырнул придавившую его рыбью тушу. Неподалеку сидел старик и дул на ошпаренную руку, сверху продолжал сыпаться мусор, а невдалеке за высоким лесом Трясины в небо ввинчивался гигантский гриб черного дыма, прочно упираясь в землю ножкой беснующегося пламени. Потом пламя медленно стало исчезать, и остался один длинный косматый дым, поднимающийся в редкие растрепанные облака. Сверху упал дымящийся помятый котелок, подскочил и завертелся на месте, скрипя и болтая ручкой.

– Все целы? – медленно спросил Яран и вдруг забеспокоился. – Где Октар?

Михаил вскочил и закричал:

– Октар!

Потом прыгнул вниз и побежал, быстро-быстро суча ногами по скользкому мокрому мху, огибая внезапные кочки, потом запнулся и съехал на спине в овраг.

Октар сидел около раскидистого перевернутого куста, неловко прислонившись к колдобине оврага. Михаил подлетел к нему, схватил и принялся трясти. Ему казалось, что это сделал сам мальчик, что никто другой, только он, что специально ушел подальше от них, чтобы они не пострадали. Михаил говорил что-то мягкое, доброе, гладил его по грязным волосам мокрыми и зелеными от дерна дрожащими руками и все приговаривал: «Ну давай, малыш, ну очнись, пожалуйста, очнись...» И странно: впервые он почувствовал, что по-настоя-

щему не может без него, что заберет его с собой на Землю... тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить... его там тоже будут любить, и вообще все устроится. Но вряд ли он согласится. Да и вообще...

Октар застонал, открыл глаза. Михаилу сначала показалось, что мальчик вскочит, заворчит сначала, потом будет жадно расспрашивать, не переставая при этом что-нибудь вертеть в руках. Но он вцепился сильными, с жесткой кожей руками в теплую человеческую ладонь, прижался щекой к рукаву куртки и тихо спросил:

– Все живы?

– Да, – сказал Михаил.

– Все хорошо, – сказал Октар, выбрался из оврага и стал подниматься по склону.

Когда они пришли, Яран собирал разбросанные вещи, старик что-то брезгливо счищал с вечно грязной своей мешковины. Октар сразу же отобрал у Ярана лук и стрелы, все аккуратно разложил, одел и расправил шкуру на плечах. Михаил сел около выжженной дыры костра и сказал:

– Что-то здесь не то, Яран. Надо бы проверить.

– Даже не думай об этом, – твердо сказал Яран, перестал копаться в рюкзаке и посмотрел на него: – Ну что ты так себя ведешь, Михаил. Ты меня... как сказать... удивляешь. Да!

– Ты меня тоже удивляешь, Яран. Чего ты боишься? Леса? Какой-нибудь гадости в болоте?

Яран вставил обойму в карабин.

– Это Трясина, Миша. Это Великая Трясина. Ты знаешь, что это такое? Нет, ты не знаешь. А я там был до тебя. Мне-то ты можешь верить?

– Не хочу я тебе верить. Ничего я не хочу. Я хочу сходить и посмотреть. Абсолютно безопасно. Просто взглянуть издалека. А если с ним что-нибудь случилось?

– Ну и что? – Яран подошел вплотную и посмотрел на него выпуклыми кошачьими глазами. – Чем ты ему поможешь? – Яран стал мягче, сел на траву и положил рядом оружие. – Миша, подумай... логикой. Понимаешь?

– Да.

– Если с ним что-нибудь, как ты к нему проберешься? Или опять собрался воевать?

– При чем тут воевать?

– Ему было трудно, его раздирали противоречия, его раздражало Яраново упрямство, а оба Просветителя смотрели на

них с любопытством и даже не пытались вмешаться. Им-то что, они и без этого довольны. А вот поставь их на мое место, как они подумают про своего Торха, или как его там... Да какая разница!

Михаил молча взял карабин, проверил, все ли патроны на месте, быстро заходил по поляне, собирая все необходимое, взял сумку и упрямо сказал, твердо глядя Ярану в глаза:

– Я пойду один. Что бы ни случилось. – Он посмотрел на Октара. – Но может быть кто-нибудь пойдет со мной...

Октар сказал:

– Я пойду.

– Сумасшедшие, – устало произнес Яран, не оборачиваясь. – Два неугомонных идиота. Что вам жить мешает? Скажи, Михаил.

– Да не поймешь ты этого! – быстро ответил Михаил и сел перед Яраном на корточки. – Не смогу я иначе, понимаешь? Просто не смогу. У меня нет времени тебе объяснять, да и ни к чему это. Мало того, что ты меня обижаешь, так еще и упрямишься.

– Не пушу, – упорно повторил Яран.

– Ну что мне, драться с тобой?

Яран посмотрел на него, потом отвернулся.

– Иди. Иди без всяких вопросов. Но помни, что меня рядом уже не будет. И помочь будет некому.

– Пошли, Октар, – сказал Михаил и стал быстро спускаться. Сзади семенил малыш и что-то бормотал. У кромки леса он обернулся. Яран черной тенью стоял на плоской вершине горбатого холма и непонятно было, то ли он смотрит на них, то ли стоит к ним спиной.

Они выбрались на дорогу. До деревни было около километра, и вместо привычных очертаний деревенских хижин, покосившихся, старых, прогнивших, впереди песчаное дорожное полотно скрывалось в жирном коптящем дыму. Чем ближе они приближались, тем явственней чувствовался запах жженных пластмасс, оргалита и извести, к тому же примешивался озон, и это очень не нравилось.

Потом стали попадаться первые домики, сначала целые, потом покосившиеся, потом без крыш, а местами просто фундаменты. Все дальше вглубь дома были разрушены до основания. На дороге валялось множество расщепленных обугленных бревен, в кювете лежала разбитая повозка. Дальше трещал и рвался пожар, охвативший сразу три дома подряд. Оди-

ноко дымился каркас дотла сгоревшей будки-пристройки к метеостанции, с шипением и треском рассыпались нагоревшие черные клочья, и с рамы капала горящая пластмасса. Михаил со страхом смотрел на домики, которые слизнуло одним взрывом, и боялся увидеть где-нибудь под бревном безжизненную черную руку. Октар озирался, с удивлением взирая на срезанную под корень деревню, останавливался около домов, заглядывал в пустые проемы окон одиноких торчащих стен. Потом Михаил увидел железные обломки, воронку и сразу все понял.

Метеостанции больше не было. На ее месте теперь курилась едким дымом широкая воронка, далеко уходящая в глубь земли. На дне торчало несколько раскидистых свай, сдавленных, сплюснутых, перекрученных. Стены воронки были покрыты толстым слоем спекшейся от страшного жара полупрозрачной пластмассы, которая медленно остывала, шелкала и кроваво блестела на солнце. Выдернутый мощной силой взрыва комок земли сухими обугленными курганами лежал на сто метров вокруг. И деревья, толстые, могучие, были выдраны все той же разбушевавшейся энергией, словно срезанные бритвой. Но самое страшное – это тишина. Оглохшая, мертвая, звенящая тишина лежит, как плотная пробка, на разметанной деревне, даже птицы не кричат, и хочется закричать самому заорать, изо всей силы, чтобы пробить эту пленку. Но ничего не поможет. Было слышно только, как потрескивают бревна, дымятся нелепые одинокие стены, слабо гудит недалекий пожар и с таким шипением разливается по каркасу зеленое чадающее пламя.

Михаил сел на горячий край воронки, свесив ноги в черную стеклянную пропасть, положил рядом бесполезный карабин и сунул лицо в пригоршню ладоней». Растер пальцами веки, щеки и стал грязным от копоти, как древний шахтер. Недалеко стоял Октар перед сипящим срубом и пинал, как мячик, раскаленные угли. Сруб перестал сипеть, поехал вбок и тяжело рухнул, подняв в облаке дыма сноп искр и сажи. Руки под бревном Михаил не увидел. Но он видел, как другая рука, толстая и могучая, схватила поселок за тощее горло и одним движением расплющила дома, срубы, хижины. Наверное, пещерников. Детей.

Слева задвигались кусты, кто-то заворчал, и из леса вышли Яран со стариком. Старик неумело держал карабин за

дуло, волоча по земле, как палку, и непрестанно вздыхал. Яран обошел редкие пеньки и сел рядом с Михаилом.

– Это конец, – тихо произнес Михаил и безнадежно покачал головой. – Я ведь ему говорил, объяснял, а он не слушался.

– Как ты думаешь, почему метеостанция взорвалась? Я ведь с вашей техникой не знаком.

– Может, замкнуло аккумуляторы, может, изменилась настройка реактора и наступила цепная реакция. – Михаил отчаянно взглянул на Ярана. – Ты знаешь, что такое цепная реакция? Это когда весь комплекс моментально превращается в раскаленное ионизированное облако точек и не остается почти ничего. – Михаил снова стал смотреть вниз. – Есть случайность, что аннигиляция происходит самопроизвольно, но случайность чисто теоретическая. А тут вряд ли. То есть просто невозможно. Это значит, что либо он сам перенастроил реактор, либо это сделали аборигены. Ну что ты молчишь, Яран?! – закричал он. – Ну скажи же ты что-нибудь! Или тебе наплевать?

– Что такое «наплевать»? – с интересом спросил Яран.

– «Наплевать» – это и есть наплевать, – отрезал Михаил и злорадно сплюнул в пропасть. – Вот так – «наплевать». Как в душу.

Он поднялся и быстро пошел прочь.

– Михаил! – крикнул вдогонку Яран. – Подожди, Михаил!

Он догнал его, схватил крепкими руками за плечи и круто развернул.

– Ничем ты ему не поможешь, – проворковал он. – Ничем. Если все так, как ты говоришь, его больше нет.

Михаил стал сосредоточенно вырываться.

– Ну что ты рвешься, Миша? Да подожди ты! Миша. Что ты рвешься? Я тебе помочь хочу, а ты...

Михаил, наконец, вырвался и прошипел:

– Не надо мне твоей помощи! Ничего мне не надо!

Он отобрал у него оружие и быстро зашагал по дороге. Яран сначала молча стоял, ничего не понимая, потом догнал его и пошел рядом.

– Ну хорошо, меня ты убедил, Миша. Ну что ты перед собой-то дергаешься? Ну чего ты хочешь добиться?

Михаил остановился и сразу стал жалким, согнулся, побрел к обочине и сел на колесо разбитой повозки, поставив карабин между коленей. Яран сел рядом и посмотрел, ища

глазами Просветителей. Старик потерянно бродил среди развалин, нелепый в своей серой мешковине и с дулом, зажатым в кулаке, что-то высматривал, разглядывал, что-то бормотал, задрав грязно-седой клин бороды, и принимался старательно топтать угли торцом карабина, как толкушкой. Октар бегал рядом, пускал стрелы в столбы и расспрашивал старика.

– А ведь он так и не сказал своего настоящего имени, – тихо произнес Михаил.

– Да, это было ужасно. Два года жить под чужим именем, за надежными стенами (а вдруг взбунтуются?), скрывать лицо под маской (а вдруг увидят на улице лишний раз мое настоящее лицо и озлобятся?). Сотни таких «а вдруг», «а если», боязнь собственной власти, под рукой телескоп, настроенный на Землю. Вольно и противно в душе. Чувствуешь себя обворованным, обманутым, захлестнутым волной гадкой, несправедливой лжи, и сам начинаешь потихоньку лгать другим. И ложь эта грызет два года, каждый час. Не было еще в человеке так, чтобы он, единственный среди других людей, не пытался сравнивать себя с ними и не искал в себе похожее. Казалось бы, они из совсем другой эпохи, а потом обнаруживаешь, что и в тебе от них что-то есть, вот это и я так бы сделал, а насчет того я бы тоже задумался, и начинаешь лгать самому себе, лгать непримиримо и беспощадно.

– Слушай, а где же аборигены? – Михаил вдруг вскочил и бросился к ближайшей развалюхе. – Где же все?!

Он тревожно озирает окрестности, отпихивая легкие палки и что-то хотел увидеть. Потом вернулся на дорогу.

– Я не могу поверить, – сказал он подошедшему Ярану. – Я не могу поверить! Никого нет. Никого.

Неужели все погибли?

Возможно.

Опять ты?

Разумеется.

Я ведь этого не выдержу. Он уничтожил их всех!

Или они его. Михаил, ведь ты же Искатель, ты должен быть готов ко всему. И что это за сопли! Проснись! Прекрати истерику.

Там, на Земле, сами не знают, что творят. Высылают людей далеко от Солнечной, лелея надежду найти разумную расу (неприменно ниже порядка на два по индексу социального развития), поселить среди них людей и принести им рай. Зем-

ной. Но ведь в том-то и дело, что рай наш не всемогущ и на всех не распространяем. Иногда даже просто не приемлем.

Ты сам выбрал эту профессию. Не клевети на человечество. Это просто бред твоей безудержной фантазии. И какой пример подаешь другим! Ты не несешь рай и непременно земной. Ты человек, и этим все объясняется.

– Идите сюда! – издали закричал Октар.

Михаил встрепнулся и пошарил глазами. Октар стоял около одинокого столба, держась за него одной рукой, другой радостно махая. Они подбежали к нему.

– Вот! – крикнул он, сияя и показывая пальцем на серый железный угол под сгоревшими обломками.

Михаил ухватился за него, напрягся и потянул на себя. Ящик не шелухнулся. Он отбросил карабин и крикнул Ярану:

– Помоги!

Вдвоем они выволокли ящик из-под бревен. Он был небольшой, но очень тяжелый, сделанный явно человеком или роботом, но не аборигеном, и было непонятно, как он уцелел при взрыве. Но факт то, что он был цел, без каких-либо повреждений, и в нем что-то лежало. Михаил решил проверить, что, и поискал какой-нибудь замок. Замка не было. Вообще ящик создавал впечатление абсолютно герметичного и непреступного вместилища. Октар в нетерпении схватил осколок кирпича и принялся старательно колотить по гулкому и плотному металлу, оставляя рыжеватые вмятины.

– Не идет, – сказал он и выкинул камень.

Где-то догорел и рухнул скелет сруба. Михаил и Октар оглянулись, а Яран стал внимательно разглядывать поверхность закопченной крышки, вылизывать взглядом каждый миллиметр. Из-за холма показался старик, раскачивая карабин за ремень, как портфель. Бормоча, он подошел к компании и произнес:

– Никого нет. Даже трупов не видно.

Михаил подумал, какие бы это были трупы, и его передернуло. Ему не понравилась интонация, с которой он это сказал, – полное слепое равнодушие, равнодушие ко всему: к деревне, к пропавшим жителям, к замолчавшему лесу, даже к ним. Такая тоска! Дядюшка Терн замолчал, сел на сломанную балку и стал угрюмо смотреть в одну точку, очень теперь похожий на паука перед грозой.

У дороги раздалось шумное хлопанье крыльев. Михаил снова обернулся. Над дорогой один за другим медленно сни-

жались две огромные черные птицы, похожие на грифов. Махая широкими разлапистыми крыльями, они уселись на торчащей оглобле разбитой телеги и с клекотом принялись копаться в перьях время от времени недоверчиво поглядывая на кучку странных пришельцев. Михаил, глядя на этих птиц, вспомнил старинную стереокартинку-репродукцию: витязь верхом на коне, опустив копьё, смотрит на угрюмый, как старик Каан, валун с надписями, на верхушке валуна черный ворон, а рядом в траве валяется череп и с тайным намеком глядит на витязя пустыми глазницами. Михаил привстал и не целясь выстрелил снизу. Громыхнул и оборвался выстрел, между птицами расщепило оглоблю, и они шарахнулись в стороны. Вздрогнул дед, и звонко упала на кирпичное крошево пустая гильза.

– Что случилось? – обернулся Яран.

– Ничего, ничего, – успокоил Михаил. – Это я так.

Полугрифы-полуорлы перелетели на другую обочину, уселись на мертвой рогатой туше и затихли.

Дотошный Яран все-таки нашел мизерное отверстие, совсем незаметное, достал тесак, просунул в щелку лезвие и нажал на рукоятку. Что-то треснуло, оборвалось, они откинули крышку и увидели на дне ящика под прозрачным пластиком консервы, красочные обертки концентрата, легкие пластмассовые коробочки с вкуснейшей клетчаткой и биомассой-хлореллой. Михаил отшвырнул защитную крышку, неуверенно взял плитку концентрата, развернул обертку и фольгу и откусил от края. Все с любопытством смотрели на него.

– М-м-м! – произнес он и даже закрыл глаза. – Не испортилось!

Все разом набросились на содержимое спасительного ящичка, но Яран много есть не дал, сказал, что они и так сыты, ящик закрыл, а крышку придавил оружием.

У дороги приземлились еще три птицы, подбежали к первым двум и бросились в драку. Они громко щелкали горбатыми крючконосими клювами, стараясь укусить друг друга за шею, отскакивали, нелепо расставив крылья, раздраженно каркали и дергали в пыли сочащуюся кровью мышцу растерзанной туши. Михаил заткнул уши, чтобы не слышать противный мерзкий хруст раздираемого сухожилия, но звук все равно проклевывался, тогда он схватил карабин. Снова захлопали выстрелы, и с щелчками стали выскакивать гильзы из

щели на корпусе. Птицы, наконец, сорвались со страшным гомоном, взмыли в небо и исчезли за вершинами леса.

Все смотрели на него, и каждый по-разному. Яран доверчиво и понимающе («Я, конечно, Миш, все понимаю, так что ты уж не обижайся»), малыш с любопытством («Ты странное и далекое существо. А что это за железная палка?»), а старик с брюзгливо отвисшей губой и сухими желчными глазами («Нервный и раздражительный тип. Вот терпеть таких не могу»). Каждый по-своему. Михаил подумал, что вот случай подвернулся испытать на практике свои нервы, казавшиеся железными на корабле, в Школе, на Земле, и не выдержал, сорвался. А вот Яран ведь нисколько не смутился и не разнервничался. А может, это потому, что мы разные?

– Чего палишь? – сердито осведомился Яран. Или просто показалось, что он сердитый. Ничего нельзя было разглядеть, ни малейшего оттенка за грубыми чешуйками на лице. – Сядь, – потребовал он.

Михаил послушно сел. Старик с кряхтением поднялся с балки, покосился на ящик с едой, взял металлический прут с набалдашником, как посох, и отправился бродить по деревне.

– Как кстати, а? – произнес Яран и пояснил. – Я про ящик. Очень он кстати. Теперь нам провизии хватит по крайней мере на... – он прикинул, – на три недели. Может быть даже на месяц.

Октар вдруг встрепенулся, быстро поднялся и побежал вслед за дядюшкой Терном.

– Забавный малыш, – сказал Михаил.

– Ум-гу, – согласился Яран и стал чесать под панцирем.

– Я не понимаю только, откуда он взялся. Даже представить трудно.

– Ум-гу.

– Яран, тебе что, все равно?

– Ум-гу... То есть нет, конечно.

– Ну и что ты о нем думаешь?

– Забавный малыш.

Михаил отвернулся и увидел Октара. Тот медленно к ним приближался, медленно, словно стеснялся, нарочно огибал предметы, задерживал на них взгляд и чувствовал себя ужасно неловко. Он подошел к ним и остановился, совсем по-детски выгибая стопу.

– Что, Октар? – спросил Яран.

Октар помолчал, поскреб затылок и несмело сказал:

– Мы хотим уйти.

Михаил сначала не понял, что-то мелькнуло в голове, но он с негодованием отмахнулся. Да не может такого быть!

– Кто? – переспросил Яран. Он был тоже удивлен.

– Мы, – повторил Октар. – Дядюшка Терн просил передать... Да и не только он, я и сам могу. Мы хотим уйти. Он ведь очень хороший человек, Михаил. Он будет меня учить. Я стану настоящим Просветителем. Вы должны меня понять. – Октар беспомощно посмотрел на них и разозлился. – Ну что вы так на меня смотрите! Я ведь тоже живое существо! Я тоже хочу жить. У вас своя жизнь, свой путь, у меня другой. Я ведь взрослый, в конце-то концов! – Ему снова стало неловко, он посмотрел на грязные босые ноги и пошевелил маленькими пальцами. – Дядюшка Терн говорит, что все живы. Что горцы ушли в горы, а пещерники – в крепость. Я не знаю. Надо думать. Надо очень много думать. Ведь он как-то узнал. И я так же хочу узнавать.

– Куда же вы денетесь вдвоем? – спросил Михаил.

– Дядюшка Терн рассказывал, что далеко на севере живут еще люди. Какая-то раса. Ни пещерникам, ни горцам до них не добраться, потому что никто еще не доходил до Первого Вала, а кто доходил, не возвращался, оставаясь там жить. Но я не знаю. Дядюшка Терн говорит, что мы не сможем пойти, потому что под этой землей течет болотная река, а мы дышим ядовитыми испарениями, и просто не сможем дышать на высоте.

Михаил молча смотрел на него и все не мог понять, как вдруг мальчик решил уйти. «Мы хотим уйти». Чего же вы еще хотите? Этот несносный старик... Бедный малыш!

Октар повернулся, но Яран сказал:

– Подожди.

Он раскрыл ящик, выдрал мягкую подкладку, и на расстеленный кусок полиэтилена стал складывать баночки, плитки, пакетики. Потом завернул шумную пленку в кулек и подал это Октару:

– Держи.

Мальчик улыбнулся. Михаил заметался взглядом вокруг, наткнулся на сумку, вынул из нее испорченный анализатор и протянул маленькому дикарю:

– На вот, возьми. Тебе ведь он нравился...

Михаил опустил голову, а когда снова посмотрел перед собой, Октара уже не было. Он шел рядом со стариком, быст-

ро семена ногами, забегая перед дядюшкой Терном и начиная ему что-то оживленно рассказывать. Старик кивал и мерно шагал, опираясь на тот же металлический прут с набалдашником. Они шли по дороге, она была желтая и тихая, круто поворачивала и терялась среди мелких курчавых лесков, а потом неожиданно появлялась у горизонта и тонкой иглой упиралась в разгорающийся красный диск непомерной величины.

Где-то рядом сильно зашумела листва, треснула ветка и послышался тяжелый всплеск. Закричала птица.

Глава восьмая

Мертвый город

Холодное полуденное солнце вот уже второй час неподвижно висело в пространстве между горизонтом розовым небосводом и уныло смотрело в окно. Комната была, очевидно, гостиной, широкой и просторной, в которой чувствовал себя как посреди бескрайнего поля: очень хотелось забиться в угол, сесть на корточки и смотреть. Смотреть, правда, было не на что. Грязный, замусоренный паркет на полу, местами выбитый и вдавленный, три голых стены с драными обвисшими обоями. У четвертой стены стоял шкаф с распахнутой дверцей на одной петле (другая дверца лежала на полу), к нему был придвинут покосившийся сервант с пустыми полками. А сквозь немытое окно с трещиной струился бледный свет, розовые квадраты лежали на полу и на стенах, и нестерпима ярко горела блестящая ручка на дверце.

Весь дом был такой. По крайней мере во всех тех квартирах, которые они обследовали, были та же пустота, мусор и тишина опустевших жилищ. Михаил не знал, куда ушли жители. Никто ничего не знал. Или делали вид, что не знали.

Скрипя досками, Михаил медленно подошел к окну и уперся лбом в холодное стекло. Он был теперь грубым, хмурым из-за дикой бороды, выросшей за месяц. Бритву он потерял на перевале. Снаружи было то же уныние и пустота. Прямо перед домом шла когда-то великолепная автострада. Теперь это была грязно-серая полоса асфальта, по которой холодный ветер гнал обрывки бумаги и сухие растения. На тротуарах около кривых фонарных столбов зияли чудовищные выбоины, откуда выползали на свет божий узловатые, как бамбук, зеленые побеги. В мертвых домах с черными глазами

цами окон всюду гулял ветер. В остатках стекол кроваво отражалось дневное зарево.

От трещины на стекле сильно дуло, и из-под рамы тянула та же холодная струя. Михаил отошел от окна, оставив карабин на подоконнике, провел пальцами по ребру дверцы и раскрыл ее. Шкаф недовольно дернулся и раздраженно заскрипел ржавой петлей. Что они могли хранить в таких шкафах? Одежду? У серванта Михаил в сотый раз за сегодняшний день обследовал полки и даже провел по одной пальцем. На пальце повисла невесомая пыль. Где там Яран шляется?

Михаил прошел в соседнюю комнату. Здесь уж совсем ничего не было, даже обломков. Вместо обоев на стенах равномерно лежала белая краска. На одной стене оставался незакрашенный квадрат, как будто там висела картина или плоский стереовизор. Хотя какие здесь стереовизоры. У них и машин-то, наверное, нет...

Громко хлопнула тяжелая дверь, и пустая квартира отозвалась трескучим эхом. Это был Яран.

– Ну и скуотища! – объявил он на весь дом. – Ни одного жителя, заметь! Лещь просто места себе не находит.

– Ни одного... – пробормотал Михаил. – Неужели город пустой?

– Абсолютно, – заверил Яран, застегивая карманы на своих «доспехах». Он поправил ремень карабина на плече. – Ну, пошли. Лещь нас ждет.

Они вышли из квартиры. Одинокая лампа слабо освещала душную каменную коробку коридора. Яран стал первым спускаться по лестнице. Михаил опирался на перила и поминутно заглядывал в квадратный черный провал между лестницами, откуда выпирал прохладный воздух. На верхних этажах всюду свистели сквозняки.

Несмотря на кажущуюся пустоту и омертвелость, дом жил. Сами жильцы давно покинула свои уютные квартиры. Михаил не знал, кто они такие, но он твердо верил, что люди эти были в общем-то неплохие, по вечерам судачили о жизни, занимались хозяйством, просто жили. Не стало их, а атмосфера и характеры людей сохранились. Стены запомнили распорядок огромнейшего житейского маятника и теперь источали его пачками. А когда дом опустел, полчища мелких животных и растений ринулись в брошенные дома. Они вырыли себе норы, пробуравили все стены так, что дома не выдерживали и рушились. Животные гибли сотнями, но размножались тыся-

чами, упорно проникали в город все глубже и глубже. Жгучий ветер принес с юга семена, которые мгновенно прижались к полам коридоров и принялись расти, раздирая корнями перекрытия и разрушая многоэтажки. Их не сдерживала даже био-защита, которую поначалу умело расставлял Лещь на границе города (потом он как-то сказал, что это все бесполезно, природа все равно сожрет все кварталы и не подавится, не все ли равно когда, и перестал активировать защиту). Еще немного оставалось, чтобы лес напрягся, напустил на город прожорливую живность и окончательно проглотил все без остатка. Со-всем немного.

Они спустились на четвертый этаж. Дверей в стене, где проходил лифт, не было; в кирпичной шахте, освещенной желтыми лампочками, завывал ветер и раскачивал на самом верху оборванные железные канаты.

Между этажами на площадках, среди озер маслянистой жидкости цвели раздувшиеся шапки съедобного мха. Тут же кормилась стайка мохоедов. При появлении двух посторонних стайка с криком брызнула с площадки, замелькали быстрые темные шкурки.

Улица встретила их диким ревом, завывала, застонала и яростно захлопала оконной рамой над головами. Михаил закрыл лицо руками. Острая пыль лезла в глаза, в уши, в нос, скрипела на зубах и крутилась мощным вихрем. Потом все успокоилось. Михаил посмотрел назад и увидел только что прошедший пыльный столб. Грязь поднималась с тротуаров и дороги вместе с обрывками обоев, и мутный пыльно-бумажный смерч спиралью вкручивался вверх на запущенных автострадах, метался на узких улочках и ненавидел тупики.

Лещь стоял недалеко, спиной к ветру. Это был невысокого роста темноволосый человек, с грязным от пыли лицом и живыми глазами. Он был гораздо ниже Михаила и тем более Ярана, был очень похож на внезапно, за одну ночь выросшего ребенка. Не было у него на лице никаких признаков воли, да и по самой фигуре – ноги крест-накрест и равнодушные руки в карманах синего комбинезона – трудно было сказать, что этот человек целых три месяца жил в абсолютно пустом городе один, выжил, не сошел с ума и умудрился сохранить город в одиночку. Лещь подошел к ним и произнес:

– Ну что, готовы?

Голос у него был дряблый и шершавый, как у человека с простуженным горлом.

– Где это? – спросил Михаил. Ему было холодно и он ежился.

– Тут недалеко, всего в двух кварталах, – сказал Лещь, и они пошли по тротуару вперед.

Со стороны все дома казались одинаковыми. Мрачные железобетонные сооружения, голые ободранные стены, источенные животными, прямые ряды черных окон. Словно архитектору под влиянием плохого настроения взбрело в голову нарочно построить эти дома зловещими, угловатыми, из одних прямых линий, чтобы при виде таких громадин человек чувствовал себя жалким, беспомощным, раздавленным их высотой. И это удалось ему на славу. Особенно Михаила поражали глубокие, во всю высоту домов ниши, так, что стены шли ступеньками. Их нелепость подчеркивали маленькие окна, зачем-то втиснутые в эти короткие тупики совсем близко друг от друга. На дне ниш твердой горкой лежал мусор и отсвечивал бутылочным блеском. Наверное, люди чувствовали себя здесь ужасно неуютно. Он бы, Михаил, обязательно отсюда ушел. Или нет, лучше бы остался, уничтожил ниши, убрал бы верхние этажи, расширил окна и впустил в комнаты много солнечного света. Но здешние жители, видимо, этого не захотели или просто смирились, давно махнули рукой и стали медленно вымирать. А дома все высились, громоздились друг на друга, и, казалось, не было им конца.

Они дошли до перекрестка и повернули налево. Это, видимо, была одна из главных улиц города, Она уходила в розовую небесную даль, стиснутую с двух сторон кварталами, и казалась бесконечной.

Лещь подошел к ржавой табличке на стене, прочитал и сказал:

– Вы знаете, я ошибся. Библиотека теперь, оказывается, на другой улице, так уж вы потерпите, пожалуйста.

Михаил равнодушно пожал плечами, хотя ему очень не хотелось опять тащиться куда-то по такой холодине, а хотелось найти квартирку потеплее, зажечь костер и поесть по-человечески. Но Лещь пообещал, что в Библиотеке хранятся консервы и есть превосходная печь...

Снова налетел ветер, стеганул по спине, пронзительно зашвистел внутри стеклянной будки на углу, похожей на овощной ларек, выдернул табличку и со звоном погнал ее вдоль разбитой дороги вместе с жесткой сухой пылью. Михаил хлопал себя по бокам в поисках незастегнутых «молний». Все

карманы были закрыты наглухо, но ему все равно казалось, что он стоит на пронзительном ветру в одной ковбойке.

Михаил спросил Леща:

– Лещь, а сколько примерно жителей осталось в городе, когда ты уезжал последний раз?

– Примерно двести тысяч. Но по-моему гораздо меньше, раза в полтора. Многие ведь уехали тайком, минуя посты и дорожную охрану.

– Но почему?

– А я откуда знаю? Говорят, что каждую ночь к людям прилетают животные, говорящие человеческим голосом, и уговаривают покинуть город и идти в лес. Все это бабьи сказки, конечно, я в них ни капли не верю. Просто... Ну, жить так надоело, что ли... Нам направо.

Они перешли через дорогу на другую сторону и свернули в темную полукруглую арку. Михаил увидел впереди в темноте крошечное пятно выхода. Мимо медленно тянулись колодцы дворов, в которых тускло блестели горы ржавых бочек под розовым небом, стены из желтого кирпича были исполосованы глубокими трещинами, как после землетрясения. Под сводами арок, насквозь простреливающих параллели дворов, раздавалось дребезжащее эхо, и Михаил с недовольством замечал про себя, косясь на ботинки Леща: «Подкованы они у него, что ли?» Один раз ему показалось, что в окне мелькнуло чье-то лицо, быстро высунулось из-за рамы и исчезло. Он спросил:

– Лещь, а в городе сейчас кто-нибудь живет? Лещь ответил не сразу.

– Вряд ли. Хотя не знаю. Но я, сколько жил здесь, никого не видел.

Он явно что-то не договаривал, и голос у него дрожал.

– Объясни толком... – начал Михаил.

Лещь резко развернулся, так что хрустнул цемент под каблуками, и закричал:

– Не знаю я ничего! Город пуст, понимаете? Пуст! Ни одного человека! Да, я не отрицаю, что остались отдельные жильцы, например, в катакомбах, но я никого не видел! – Он долго смотрел дикими глазами на Михаила и на Ярана, потом сник, опустил голову и только попросил тихо: – Давайте пойдем молча.

Михаил почувствовал себя свиньей. Ведь намучался здесь человек, столько жить в пустующем городе, похожем на ог-

ромнейшую замороженную стройку, и наверняка это повлияет на психику, пусть не совсем, но немного.

Впереди зашуршала бумага, и Лещь сильно вздрогнул. Он сделал пару шагов вперед, осмотрел темноту и крикнул:

– Это крысы, не бойтесь!

– Какие крысы? – деловито осведомился Яран. – Что такое «крысы»?

– Пошли, – отрывисто произнес Михаил и направился вслед за топотом ботинок.

Михаил помнил, что он шел вторым, но каким-то образом первым вышел из арки и посмотрел назад. Сверху посыпалась штукатурка. Михаил вздрогнул и посмотрел вверх. Над ним, угрожающе раскачиваясь на ветру, висела ржавая водосточная труба и страшно скрипела. «Вззан!» – взвизгнул отлетающий гвоздь. Яран бросился вперед, реакция у него была превосходная, втащил за локти обоих в арку, а секунду спустя по тротуару забарабанили пласты штукатурки, разлетаясь в крошку, со страшным грохотом обрушилась труба, подскочила и покатила по мощеному спуску вниз, лязгая и грохоча на всю улицу.

Михаил осторожно высунулся и опасливо посмотрел вверх. На месте трубы теперь красовался неровный шрам, выставив напоказ деревянную решетку и развевающуюся паклю. Яран вышел на тротуар, посмотрел на то место, где только что висела труба, потом вниз по дороге. Труба скатилась к решетке канализационного люка, закачалась и замерла. Михаил посмотрел назад. Лещь почему-то не выходил.

– Все в порядке, Лещь, – пророкотал Яран. – Можно идти.

Но Лещь и не думал идти. Он стоял на месте, нервно дрожа, как под напряжением, дробно стучали зубы, а пальцы намертво вжимались в кирпич арки. Глаза снова стали дикими, заметались по стенам, и его взгляд, полный отчаяния и обреченности, впился в Михаила.

– Не подходите ко мне! – заверещал он, не переставая дрожать. Он делал странные попытки дернуться в сторону дворов и сбежать, но не мог, словно прирос к стене. – Не подходите! Что вы ко мне привязались со своими глупыми вопросами?! Нет здесь людей, нет, ясно?! Вместо людей здесь теньки. Это они убили людей и захватили город! И вас убьют. И меня. Не смотрите на меня так! Отойдите!

– Отойди, – строго сказал Яран Михаилу. – Отойди! Михаил отошел.

– Лещь... – осторожно позвал он, но Лещь опять закричал, наливаясь краской:

– Ничего мне не говорите! Это теники!

«Это всего-навсего истерика, – подумал Михаил. – Обыкновенная истерика, ничего страшного, просто слабый и нервный человек, это пройдет». Но подходить он не решался. Лещь перестал нервно дрожать, сполз по пачкающему кирпичу спиной, сел на землю и заплакал, вздрагивая и пряча в ладони лицо. Михаил подошел к нему, сел рядом на корточки, взял его давно забытым и ужасно знакомым движением за плечи и слабо встряхнул.

– Устал я, – произнес Лещь, всхлипывая. – У... Устал, ребята. Я ведь тут о... один, совсем один! – Он вытащил из кармана грязный платок и шумно высморкался. – Сейчас я... я успокоюсь, и можно идти.

Михаил встал и оперся о стену спиной. Вот ведь какая подлость! Попадет человек в ситуацию – умрет отец, погибнет друг, – и чувствуешь себя до того одиноким, просто слов нет. А вот когда действительно остаешься один, в буквальном смысле этого слова, – в квартире, в доме, на планете, и вокруг нет ни единого знакомого лица – хочется выть от горя и несправедливости. Когда кругом осточертевшие дома, когда кажется, что кто-то здесь живет и ты даешь этому призраку имя и разговариваешь с ним, слушаешь его, сочувствуешь ему, когда целый день на одной ноте кричит ветер и даже птиц не видно.

Лещь скользнул по кирпичу спиной вверх, распрямляясь, быстро вытер ладонями глаза и тихо произнес:

– Старики говорили (Михаил вздрогнул), что из города уже уходили, давно, тысячу лет назад. Когда человек уходит из города, на его месте остается его зеркальное отражение, похожее на тень. Их за это и стали называть тениками. Теняки могут летать, проходить сквозь стены, но это только очень опытные и многолетние теники. А остальные только бросают в людей камнями вот... трубы. – Лещь криво и невесело усмехнулся. – На большее они не способны.

Он неуверенно вышел из арки, задрал голову, увидел внутренности стены и сказал:

– Ну, пошли, что ли. Тут совсем немного осталось идти. Лещь продвигался к Библиотеке очень странно – какими-то зигзагами, поворотами, закоулками, срезал углы, уверенно громыхал черными башмаками в гулких дворах и подворот-

нях. Он все время молчал, только тихо иногда говорил на поворотах «направо», или «налево», или «осторожнее», когда приходилось скакать по высоким сваям рухнувшего пятиэтажника и запросто можно было свалиться в черное озеро набежавшей воды.

Ближе к центру города на улицах стали попадаться автомобили – ржавые, разбитые, сгоревшие. Прямо на их глазах на перекрестке чадила приземистая легковушка, Лещь опять запаниковал, утверждая, что это сделал не он, и забоялся дальше идти, но потом успокоился, и они вышли на площадь.

Площадь была относительно пуста. Вдоль бордюра ее окружал квадрат фонарей, а около разбитой витрины примыкавшего магазина аккуратными стопками стояли мусорные баки, похожие на гигантские детские формочки. Одна из стопок была рассыпана.

Михаил с удивлением и страхом смотрел на эти руины, обглоданные огнем остатки ларьков, руины руин. Особенно ему были страшны искореженные машины. Он вспомнил, как им в Школе показывали учебный фильм про Ириду. Атомный взрыв. Разрушенный город. Все второкурсники тогда повскакали с мест и стали жадно расспрашивать их любимейшего учителя Тарковского, а потом все долго досматривали конец фильма и никак не могли дожждаться. А после всех занятий, поздно вечером, слушали его рассказы, его личные впечатления, ведь он тоже там работал. А в конце Александр Сергеевич почему-то заплакал (это он-то, настоящий звездный волк, увитый славой и боевыми шрамами, на которого молилась вся группа и половина всех выпускников Школы) и сказал: «Не дай бог вам увидеть такое». «Да, мы гордились, – подумал Михаил. – Мы всегда считали, что Искатель – это предел мужества и отваги, где нужен разум и внутренняя сила». Они не поняли Александра Сергеевича. Они стали расспрашивать его, а он им сказал, что принес несколько катушек из личной фильмотеки и желающие могут посмотреть. И он ушел. А они остались смотреть. Они смеялись, с детским восторгом ожидая начала фильма. После второй кассеты все молчали. А после третьей они выключили стереовизор и молча смотрели на темный, во всю стену экран, пораженные. Михаил очень хорошо запомнил этот момент. Саня Дроздов сидел около окна, уткнувшись лицом в сгиб локтя, и делал вид, будто спит. Серега Лебедев, веселый шутник и оптимист, молчал и угрюмо сопел на последнем ряду. Спокойный и невидимый в темноте

Нортон размеренно дышал около опущенных жалюзи. Антон Крест (то есть Крестовой) бессмысленно нажимал кнопки на светящем пульте. «Если бы мы знали!»

И вот сейчас, когда столько километров позади, только сейчас Михаил понял, почему тогда заплакал Александр Сергеевич и не остался смотреть катушки. И сейчас захотелось заплакать самому. Сдержался. Выучили. Только в горле противно застрял разбухающий ком – ни туда, ни сюда. Только сейчас понял, почему Тарковский сказал: «Не дай бог вам увидеть такое». А Михаил бы продолжил: «А если увидите, то постарайтесь забыть».

– Миша, что стряслось?

Михаил оглянулся. Он поймал себя на том, что все это время стоял один-одинешенек посреди площади, вцепившись в карабин, направлял ствол в хлопающую дверь, и выражение лица у него было, наверное, очень уж решительное и страшное, потому что Яран тоже посмотрел на дверь и сказал:

– Да нет там никого, Миша, пойдем, Лещь нам машет.

Библиотекой было старинное трехэтажное помещение на углу площади. Лещь сказал, что это самое старое здание в городе. Раньше тут была часовая башня, да она и сейчас стояла, высокая, выходящая прямо из крыши дома. Раньше дома были маленькие, деревянные, и часы отовсюду было видно. А потом при первом пожаре погорела Библиотека, и ее решили перенести сюда. Позже часы сломались, а еще позже, когда на месте жилых домиков выросли пышные многоэтажки, сюда перенесли и городской архив, а вслед за ним переехали органы власти. А название прочно закрепилось за этим домом. Теперь Библиотека была пустынна и в одиночестве скрипела старыми суставами крыш, дверей и башни.

На входе стояли маленькие белые колонны с желобками повдоль, поддерживая толстую плиту над площадкой и образуя скромный миниатюрный портик. Было очень непонятно видеть их здесь. Они были неестественны. По углам желтого десятиконного фасада, как и на капителях колонн, торчали гипсовые завитушки, изображающие натюрморт ягод, овощей и листьев. А возле фундамента, покачиваясь, буйствовала растительность.

– Интересно, зачем здесь колонны? – спросил Яран, царапая когтем шершавое покрытие.

– Ты кого спрашиваешь? – осведомился Михаил.

– Это просто так. Мне кажется, они здесь лишние.

– Мне тоже, – тихо сказал Лещь.

– Что? – не расслышал Яран.

– Пошли, говорю.

Яран налег плечом на высокую дверь и с натугой стал толкать, но ему удалось лишь чуть-чуть приоткрыть. Дверь была тяжелая и непомерной толщины, с голову, как стена. Когда дверь раскрылась, брызнули в лицо деревянные крошки, что-то железное гулко ударилось, падая, и отчетливо запахло пылью и чердаком. Михаил первым вошел в темное помещение и едва сдержался, чтобы не чихнуть. Он сделал осторожный шаг, и нога зацепила что-то большое, лязгающее, похожее на механизм старинных часов. Он выкатил его в полосу света. Это был огромный ржавый замок.

Сразу чувствовалось, что здесь давно никого не было. Вокруг толстым слоем лежала серебристая пыль: ватными комьями на полу, солидная и спокойная на полуразрушенных перекрытиях, даже на стенах и на потолке. Очень здесь было тихо, пыльно и таинственно.

– А Библиотека-то не изменилась, – почему-то шепотом сказал Лещь. – Только грязи много. – Он осторожно прикрыл дверь, и сразу стало темно.

Они стояли в центре высокой комнаты, без мебели, пустой. Тишина копившаяся здесь веками, вдруг взорвалась, стала метаться по комнате и рваться наружу так, что звенело в ушах. И было непонятно, как это можно было бросить такой дом на произвол судьбы, забить все щели наглухо, заколотить все окна и исчезнуть. Здесь можно было сделать прекрасный вестибюль гостиницы, специально для любителей старины, поставить здесь бар, а другие комнаты разукрасить цветной жидкополимерной смолой, как в Петергофе, и было бы просто замечательно. Но здесь не было ничего, здесь было ужасно тихо, сквозь микроскопические дыры светились тонкие тусклые лучи, а впереди, в туманном прямоугольнике без двери маячила лестница. Где-то в глубине дома громко и размеренно капала вода.

Лещь уверенно повел их по лестнице наверх. Они выбрались на второй этаж. Здесь интерьер был побогаче. В длинном коридоре с окнами в концах на полу была раскатана красная ковровая дорожка с выеденными дырами и складками. В комнатах без дверей стояли стеллажи с разноцветными книгами и мягко плавал жирный слоистый туман.

Они вошли в главное хранилище и замерли. Такое количество книг Михаил никогда в жизни не видел. Книги ровными рядами стояли на полках параллельных шкафов, книги горами лежали в промежутках между ними, словно их собиралась жечь инквизиция, книги пухлыми стопками лежали на самих шкафах, подпирая неровный потолок. Даже на потолке были дверки, как в зернохранилище, и в раскрытых тайниках светились застарелой мудростью тисненные корешки. Здесь было море книг, и требовалось несколько десятков жизней, чтобы все это прочитать.

Яран пришел в необычайное оживление. Он был как ребенок, попавший в лавку с игрушками. Он бросил карабин на колченогий стол у входа и стал перебирать книги одну за другой. Он хватал ее, быстро перелистывал, мелькали древние и мудрые завитушки букв, бросал, брал другую, потом повернулся вокруг своей оси, взглядом жадно обхватив всю комнату, и могуче пророкотал:

– Столько книг, Миша! Это же... это же просто потрясающе! Честное слово, все бы забрал.

«Книги, книги! – подумал Михаил. – Сколько же вас всех придумано и написано. Если бы знать ваш язык! Можно было бы понимать вас, выделить среди вас мудрых, опытных в делах жизни, и легкомысленных языкастых пустышек, можно было бы разговаривать с вами, беседовать о жизни, помещивая сахар в чай. Я бы тогда сразу разобрался, что к чему, а ведь мучительно хочется понять ваших создателей. Какие они странные люди! Ведь в книгах должен содержаться опыт, мысли, чувства, а большинство среди вас так удивительно похоже на этих людей. Среди вас есть бородатые странники, в рубище и с посохом, вещающие о высшем и недоступном, как дядюшка Терн, среди вас есть разнохарактерные, разновозрастные и противоречивые, как малыш Октар. Если бы я вас прочитал, я бы наверняка нашел самого себя и посмотрел со стороны, ведь это так важно – уметь видеть себя со стороны...»

Михаил огляделся и увидел, что стоит один. Где-то среди стеллажей бубнили Яран и Лещь, в основном Лещь. Судя по интонации, он переводил. Потом Яран составил стулья, вскарабкался к потолку и, балансируя на шаткой пирамиде, протянул руки к дверкам тайника. Ему было очень неудобно, потому что замочек был маленький и ему мешали когти. Он бормотал ободряюще: «Сейчас, сейчас...», а пальцы чуть не тря-

лись от жадности и все срывались. Лещь, очевидно, снизу подавал советы и просил успокоиться. Михаил не дошел к стеллажам, облокотился о край и стал с интересом смотреть.

Яран, наконец, совладал с замком, створки распахнулись, и Яран с криком обрушился на пол. Грохоча, разлетелись стулья. Книги извергались на него сверху, как из рога изобилия, слепя глаза медными застежками, кувыркались, распахивая корки, дробно стучали по полу. Потом поток замер на секунду и снова хлынул, и Яран даже не пытался сопротивляться, последняя книга съехала по склону на пол, из тайника толчком вылетела застоявшая пыль вместе с штукатуркой, и тишина хранилища вздрогнула от дружного мужского хохота. Хохотал Михаил, прижимаясь к полке щекой, с сипением зашелся Лещь, топая башмаками и приседая, часто всхрапывал задавленный Яран, скаля влажные желтые клыки.

– Ну... Ну ты дал! – еле-еле проговорил Лещь, вытирая слезы. – Давно я так не смеялся.

– Как же так? – бормотал Яран, выползая на четвереньках. – И никто не предупредил.

Они успокоились и принялись разбирать архивы. Архивы располагались в смежных комнатах и хранились там в огромных несгораемых шкафах, хорошо запечатанных. Лещь снимал везде пломбы, нашел связку ключей и раскрыл все шкафы.

Внутри оказалось множество пухлых папок, тетрадей и пустых расплюснутых гильз. Яран предложил разобрать все документы по порядку.

– А может, лучше посмотреть последние записи? – сказал Лещь.

– Успеется, – сказал Яран. – Я хочу во всем разобраться.

– Сколько же здесь всего! – произнес Лещь, принимая от Михаила очередную связку папок. – Неужели здесь есть все про город?

– Посмотрим, посмотрим, – произнес Яран.

Сложив содержимое шкафа около стола, они вытащили первую связку и бросили на грязную столешницу. Взвилась, как из пушки, пыль. Один угол был кем-то погрызан.

Лещь сел на стол, перерезал перочинным ножиком тесемки, положил перед собой и распахнул верхнюю папку. Сквозь желтые от времени листы посыпались черные жесткие насекомые и стали разбегаться. Лещь взял первый лист и начал читать:

– День первый второй лунной фазы. Тридцать четвертая страница. Интересно, где остальные? Та-ак... В городе все спокойно. Никаких мятежей. День второй лунной фазы. Прибыл бургомистр...

– По-моему, это чей-то дневник, – сказал Михаил.

– Что там еще есть? – спросил Яран, принес стулья себе и Михаилу, и они сели.

– Так... Сейчас, – забормотал Лещь, листая страницы. – Это дневник, все правильно. Давным-давно бургомистр приказал вести дневник и записывать туда каждый день города, все значительные и незначительные события. Потом он умер, а традиция осталась. С тех пор все пятьсот лет она и существует.

– Ясно, – сказал Яран. Он явно был разочарован. – Есть здесь еще где-нибудь архивы?

– Не знаю, – признался Лещь. – Может быть в соседних комнатах...

– Ясно, – проворковал Яран. – Придется над этим посидеть подольше.

Они с Михаилом опустошили последний сейф и стали понемногу разбирать бумаги. Без Лещя было очень трудно читать, но они букву за буквой пересмотрели все документы. Сведения были неинтересные. Там упоминалось что-то про мятежи, подробно описывалась массовая резня, и однообразные будничные записи в несколько слов типа: «День прошел без каких-либо происшествий». То, что их интересовало, было либо уничтожено животными, водой и плесенью, либо где-то хорошо спрятано. Они обстучали все стены, но и там ничего не было.

Ближе к вечеру Лещь сказал, что пойдет посмотрит соседние хранилища. Через полчаса, когда Яран и Михаил собрались его искать, он выпал из раскрытого тайника на потолке, сорвав обе створки, на книги и сообщил, что это такой лабиринт, где сам черт ногу сломит, и советует далеко не ходить. Сообщение это никого не испугало, но неприятный осадок на душе всё равно остался.

Глава девятая

Дом с привидениями

Вечерело. День за окном потемнел, съезжился и стал быстро угасать, в то время как солнце огромным пылающим дис-

ком проваливалось за отрезок горизонта между домами. А потом начался дождь, самый настоящий земной ливень. Он kloкотал под окнами, оставляя быстрые следы на стеклах, он мокрым туманом висел над площадью, хлестал из водосточных труб, дождь крутился водоворотами около забитых канализационных решеток и заливал улицы. На площади пузырились широкие лужи. В один миг город оказался затопленным по фундамент и стал вымокшим насквозь, грязным, жалким, холодным.

Михаил смотрел за окно, поставив локти на подоконник и оперевшись лбом в стекло. Над крышами соседних домов клубились черные тучи и озарялись лиловыми вспышками. Рвущаяся толстая молния сорвалась с неба, извиваясь, ударила в стержень громоотвода, высекла искры и втянулась в землю. В небе солидно гроыхнуло. Задрожали на полке, позвякивая, пустые чернильницы, закачалась на потолке примитивная лампочка под жестяной тарелкой, выпала из стеллажей книга. Михаил медленно повернулся. За столом сидел Яран и что-то быстро писал огрызком карандаша. Скрипел, крошась, грифель. Лещь где-то нашел огарки свечей, но жечь их не стали, потому что опасно и пока есть электричество. Яран откинулся на спинку стула, швырнул на недописанный лист карандаш и выдохнул:

– Ну и дела!

Он попробовал сцепить на затылке пальцы, как это делал Михаил (очень ему так нравилось), но мешали роговые пластинки на костяшках, и ничего не получалось. Он возвестил неудачу тем, что покачался взад-вперед на двух ногах стула, подражая Михаилу, сел нормально и странно произнес:

– Вторая фаза, вторая фаза... Вот тебе и фаза.

В комнату вошел Лещь, мокрый, счастливый, обрушил на стол мешок и громко объявил:

– Нашел!

Все бросились к мешку. Лещь развязал тесемки и извлек на стол несколько блестящих круглых баночек с прилипшими рваными этикетками. Консервы!

– Консервы! – сладостно причмокнул Михаил и взял в руки банку.

– Положи, – сказал Лещь. – Сейчас я все сделаю. Сейчас вы у меня пальчики оближете.

Он поставил на стол также две темных бутылки, несколько неизвестных оранжевых плодов, похожих на маленькие

дыни с хвостиками, три стаканчика, раскрыл ножом консервы и наполнил стаканы красной жидкостью.

– Кровь Розовой скалы, – сказал он, посмотрев жидкость на свет. – Доброе вино. Долго стояло, лет пятьдесят, не меньше. Ну! – Он поднял стакан и произнес что-то вроде тоста: – Спасибо, ребята, что помогли мне, без вас я бы не справился. Миша, Яран, – сказал он и залпом осушил стакан. Михаил тоже осушил стакан. Это была та же жидкость, которую он пил у пещерников, только очень крепкая, от нее становилось тепло, возвращались силы, но силы какие-то спокойные, умиротворенные, и хотелось вздремнуть.

После крови Розовой скалы очень захотелось есть, и они принялись уминать скромный ужин быстро, вкусно, громко, скребя по жести вилками и вылизывая со дна грибными горбушками жир. Михаил смотрел на товарищей и думал, что как здорово, что они оказались вместе. Спасли человека от беды, да и втроем веселее, все-таки не так грустно, как раньше. Ну до чего все замечательно получилось!

Пужинав, они разбрелись по хранилищу. Лещь рылся в книгах, что-то усердно выискивая, Яран сел за стол писать отрывки из истории города, а Михаил взял фонарик, сказал, что пойдет посмотреть Библиотеку и вышел в коридор налево. Лещь предупредил, что если через полчаса Михаил не придет, они пойдут его искать. Михаил крикнул: «Хорошо!» и направился по коридору туда, где молча блестели корешками стеллажи, а за стенами грохотала гроза.

Он дошел до окна, закрытого снаружи ставнями, повернул направо. Гулко стучали под ногами квадратные тяжелые плиты пола, как будто под полом был пустота. Яран нашел одну книжицу, в которой было написано, что под всем городом существовал всеми забытый подземный ход, ветвившийся по всему городу. От каждого дома под землей отходил рукав галереи, и все считали, что он вливается в общий лабиринт и выводит из города в лес. Но на самом деле (говорилось в книге) все ходы из многоэтажников приводят в тупики, из которых никому не удавалось еще выбраться. Единственно правильная галерея шла отсюда, из библиотеки. Этого никто не знал, все жители считали уже лабиринт легендой, нарекли подземные пустоты катакомбами и привыкли. К той же книге прилагалась карта катакомб, по которой можно было покинуть город. Но наверняка теперь даже с картой по катакомбам из города не выбраться. Где-то ходы разрушились, горизон-

тальные балки и опоры от времени сгнили, и мало находилось добровольцев, рискнувших в одиночку проникнуть в лабиринт. Большинство оставалось там навсегда, а те, кому удалось уйти, обратно не возвращались.

Вообще само здание Библиотеки было чрезвычайно запутанным и непонятым. Михаил просмотрел несколько старых планов и поразился, насколько оно бестолково выстроено. Снаружи оно имело форму буквы «П». В переднем крыле располагалась сама библиотека – главное хранилище и комнаты с многочисленными пристройками. А в остальном здание служило канцелярией, мэрией и даже типографией. Кроме трех этажей снаружи оно имело не менее трех под землей, и Михаилу было непонятно, зачем их располагать под зданием, если можно было выстроить второе на поверхности. А ведь здесь жили и работали, общались, и ведь как-то смирились, привыкли, прижились, стиснутые голым и холодным камнем и темнотой.

Снаружи что-то с длинным визгом шаркнуло по стене. Михаил вздрогнул. Визг повторился. Михаил, обмирая, вошел в комнату, нашел между стеллажами грязное окно и подергал за раму. Окно не открывалось, а шпингалеты были намертво приклеены к подоконнику белой краской. Тогда он, неестественно вывернув голову, прижался к стеклу щекой и различил за сплошной стеной дождя тонкий и длинный прут громоотвода, который, раскачиваясь и прижимаясь, визжал по мокрой штукатурке. Он точно помнил, что еще днем громоотвод прочно держался за штырь в земле. В голове неожиданно всплыло упоминание о теньках. Никакие это не теньки, решил Михаил. Просто сварка не выдержала. Но прежней уверенности уже не было.

Михаил вышел из комнаты, прошел в конец коридора, спустился по лестнице вниз и распахнул низенькую полукруглую дверцу в глубокой нише.

Это была, скорее всего, канцелярия. Первое что сразу бросилось в глаза, были толстые чадящие факелы, торчащие из стен, и полукруглый закопченный потолок. Уже потом Михаил заметил зеленые от плесени бумажки на цементном полу и такие же низкие железные дверцы с решетчатыми прорезями вдоль стен. Где-то громко капала вода. Из глубины пустого коридора тянуло сгнившим ледяным воздухом, пахло погребом, сыростью, железом и чем-то паленым.

Михаил толкнул первую дверь слева. Дверь заныла, завизжала петлями и открылась, выпуская резкий запах нашатырного спирта и мокрой растительности. Он вошел в низкую тесную камеру. Напротив входа под самым потолком было окошко, забранное толстой решеткой. Сквозь полуразбитое стекло Михаил увидел во всех деталях тротуар, бурлящую под дождем лужу и угол площади. Камера была освещена плохо. На стенах из дряхлого столетнего кирпича зеленел мох, в темных углах плавно развевалась паутина. Посреди камеры в земле была врыта труба, похожая на старинную чугунную пушку, над которой неподвижно висела цепь. Яран где-то вычитал, что раньше здесь жили сумасшедшие. Их приковывали к цепи, дабы они не буйствовали, закрывали окна и запирали двери. Потом один из охранников оставил ключи, психи сбежали, сожгли полгорода и заблудились в катакомбах. «Дикость какая-то», – подумал тогда Михаил. И тут он услышал за стеной металлическое позвякивание.

В соседней камере он увидел деревянную балку, прикованную к цепи, которая с лязгом раскачивалась из стороны в сторону. Такое впечатление, будто здесь недавно побывали буквально минуту назад. Михаил вдруг испугался. На секунду появилось желание заорать, забиться в истерике, высадить стекло и позвать на помощь. Он выскочил в коридор.

В детстве ему часто снился сон. Длинный желтый коридор, грязный потолок и стены в трещинах. И вдруг кирпичные прямоугольники распаиваются, и в коридор выскакивают черные, с низко надвинутыми клобуками монахи. А самих монахов нет, одни пустые внутри одежды. И хочется крикнуть, а горло будто сдавлено железным кольцом...

Михаил быстро успокоился. Нет здесь теньков. Нет сумасшедших. И тут вдруг его проняло. Господи, да ведь этот дом площадью с квадратный километр, и на сотни метров он здесь один! Михаил вышел из коридора и стал торопливо подниматься по лестнице на третий этаж.

Это была типография. В пустых комнатенках пылились громоздкие и неуклюжие печатные станки. Всюду пачками валялась бумага, горкой, как пушечные ядра, в углах толпились пустые банки из-под краски. Иногда попадались совершенно неожиданные предметы, например, огромные деревянные бочки с темными пятнами, затянутые паутиной. Или приземисто гудящие трансформаторные будки с мятыми, словно жеванными, кожухами. Из типографии Михаил попал в тем-

ное глухое помещение и поискал на стене выключатель. Выключателя не было. Тогда он включил фонарик. Желтый конус света уперся в стенку огромного железного механизма который глухо урчал и издавал странное шипение, словно выпускал пар.

Михаил обшарил фонариком помещение. В круге света проскальзывали угловатые решетчатые сооружения, крышки круглых блестящих баков и моргающие огоньки. Михаил понял, что попал на электростанцию – сердце всего города, старое сердце, поношенное и слабое. Когда-то в далекие времена один из ученых нашел в Трясине несколько комков зеленой слизи, которая выделяла чудовищную энергию. Коллегия города решила заменить старую электростанцию, работающую на угле, и поместила все трансформаторы сюда, в Библиотеку. С тех пор город снабжала энергией слизь и продолжала действовать сейчас. Они с Яраном попытались разобраться в механизме трансформации, но быстро запутались и махнули рукой. А механизмы продолжали работать, гнали по проводам никому не нужную силу и готовы были простоять так еще лет двести.

Послышался грузный сытый храп. Михаил поискал на звук фонариком. Луч уперся в тонконогий стол, под которым неподвижно лежали две толстые когтистые ноги, обросшие длинной рыжей шерстью. Михаилу сразу расхотелось куда-то идти и что-то смотреть. Он попятился, открыл спиной дверь и пошел обратно.

По пути он все-таки решил заглянуть на крышу. Поднявшись по вертикальной лестнице, он оказался на чердаке и толкнул вверх тяжелую крышку люка. Квадратный лист железа, подбитый шпалами, поднялся и грохнулся о крышу. Михаил сел на край люка, потом встал и посмотрел вокруг.

Вокруг было множество крыш. То тут, то там из сплошной полосы разноцветной жести выступали огромные печные трубы, антенны и гусаки с проводами. Дальше уже стояли многоэтажники и длинными, черными теньями выступали на фоне кровавого заката. Небо по-прежнему было затянуто тучами, по-прежнему лил дождь и утомительно-однообразно лупил по жестяным крышам. Жесткий ветер швырял мокрую пыль горстями, и Михаил только закрывался ладонями. Он вымок мгновенно. Пятясь назад, он наступил на врезанный квадрат на крыше, как вдруг крыша под ним со скрежетом распахнулась, и он полетел вниз. Со сверхъестественной ско-

ростью замелькали этажи, перекрытия, коридоры, беспорядок. Через пару секунд он врезался ногами в груды книг так, что книги веером разлетелись во все стороны и с проклятиями соскользнул на пол. Сверху прилетел фонарик и пришлось аккуратно по синяку на плече. Михаил взревел от боли и с ненавистью посмотрел в проем тайника. Там, на далеком расстоянии, был квадратик темнеющего неба, моталось эхо от крика и мелкой пудрой просачивался дождь.

Яран по-прежнему сидел за столом и быстро писал. Он даже не обернулся. Между стеллажами бродил Лещь и что-то бубнил под нос. На Михаила они не обращали никакого внимания.

– Ну и доми-ище! – протянул Михаил, быстро вставая на ноги. – Не дом а кавардак.

– Ты был на электростанции? – спросил Лещь. Он смотрел на Михаила через амбразуру отодвинутых книг на потолке и что-то вкусно жевал.

– Ага. И ноги видел.

– Какие ноги? – спросил Яран и бросил писать.

– Обыкновенные, – сказал Михаил – подошел к полкам в углу хранилища и стал быстро просматривать книги, наклоня голову и читая надписи на корешках.

Лещь обалдело следил за его манипуляциями, перестав жевать, потом быстро вышел из-за стеллажа и подошел к Михаилу.

– Откуда там ноги? – спросил он.

– Ты меня спрашиваешь? – громко спросил Михаил.

– Нет. Это вопрос для всех. Не должно быть там никаких ног.

– Но они были, – произнес Михаил, вытащил книгу, быстро пролистал, захлопнул, поставил на место и посмотрел на Леща. – Были. Толстые, волосатые, рыжей шерсти.

– Что-то мне это не нравится, – проговорил Лещь, усаживаясь на стул в углу. – Не должно здесь быть никого. Все же ушли.

– Но ведь ты точно не знаешь, – подал голос Яран. – Вполне возможно, что кто-то на время остался в катакомбах, а потом вышел на поверхность.

– Не понимаю, – сказал Лещь и сунул в рот комок гриба. – В катакомбы люди лезут только при пожаре или от психов. – А тут... Ничего не понимаю.

– Разберемся, – заверил его Яран. – Еще полпачки осталось. – Он кивнул на стопку синих папок. – Здесь как раз должны быть самые последние записи.

В коридоре загремело по полупустое ведро, покатилося, сорвалось на лестнице и загремело вниз, на первый этаж. Лещь дернулся, свалился со стула и с ужасом посмотрел в дверной проем. Так медленными клубами двигался черный дым. Все почувствовали запах горелой резины и, кроме Ярана, сморщились. Лещь, впрочем, сморщился от страха. Яран быстро встал из-за стола, вышел из комнаты и гулко стал топтать там что-то мягкое.

– Кто тут оставил свечки? – спросил он из-за стены. – Я же говорил: не жечь. Лещь?

– Да ничего я не жег! – крикнул Лещь. – Просто там темно, хоть нос зажми, ничего не видно.

– Свечка догорела и подожгла ведро с краской, – объяснил из-за стены Яран. – Это не теники, успокойтесь. Просто ведро отклеилось от пола и покатилося на лестницу. Что значит выражение «хоть нос зажми», Лещь?

– Очень темно, – пояснил Лещь.

Яран быстро вошел, неся на вытянутой руке дымящийся кусок белой эмали распахнул форточку и выбросил эмаль за окно.

За окном наступила непроглядная тьма. Громко звенел дождь, вспыхивали и гасли разноцветные молнии. Михаил посмотрел на браслет. Экран показывал десять часов вечера местного времени. «На Земле сейчас полдень», – с тоской подумал Михаил. Яран закончил писать и мирно дремал, положив голову на спинку стула и всхрапывая спросонок. Лещь читал, уютно устроившись на верху складной лесенки под лампой. Пахло подгнившим деревом, старой бумагой, документами и тушенкой. В соседней комнате строго взирали распахнутыми дверками пустые сейфы и несгораемые шкафы. Было тихо.

Михаил внезапно подумал, что вот здорово было бы, если бы они собрались вместе: он, Яран, Лещь, Октар, дядюшка Терн, Гаан. Они бы тогда сразу поняли, что к чему, разобрались без всяких архивов, в этом Михаил был уверен. Они бы нашли жителей, вернули их в дома, помогли бы им устроиться, и зажили бы они все полнокровной и интересной жизнью. А его бы, Михаила, подобрал какой-нибудь исследовательский звездолет, он бы вернулся на Землю... Но стоило открыть

глаза, и действительность заливала черной краской и без того темное будущее, вспыхивали белым светом многоэтажники, подпирая могучими плечами тяжелое и грозное небо. Оставалось надеяться.

Лещь, не отрываясь от книги, произнес:

– Ты знаешь, Миша, а ведь я так и не активизировал вышки. Помнишь, я сказал, что пора кончать, что все равно лес заберет свое, помнишь? Я ведь ерунду тогда говорил, ничего не соображал, совсем свихнулся от страха. Безмозглый я дурак! Ну зачем я оставил вышки?

Михаил промолчал. Он не знал, что сказать.

– Кроме меня и вас здесь никого нет (Михаил удивленно поднял брови). Никто не поставит активаторы в нужное положение. Никто! И город рухнет...

Лещь захлопнул книгу, бросил на полку и, упершись локтями в колени, с силой провел ладонями по лицу.

– Все образуется, – сказал Михаил. – Ты просто устал. Ты боишься. Завтра же мы найдем эти вышки, и ты все сделаешь, хорошо?

– Хорошо-то хорошо-о... – Лещь спустился с лесенки, сложил ее и прислонил к полкам. – Только... – Он неуверенно посмотрел на Михаила. – Это ты правда насчет ног на станции?

– Ну... да, – запинаясь ответил Михаил. – Может даже и показалось. Не обращай внимания, – сказал он ласково. – Никто нас не обидит, потому что никого нет. Все в порядке.

– Мне бы твой оптимизм, – вздохнул Лещь, притащил из соседней комнаты полосатый матрас, улегся около стеллажа и закрыл глаза.

Михаил посмотрел на товарищей. Яран громко сопел, и в такт дыханию топорщился и мягко разглаживался гребень на макушке. Под мощным спинным панцирем размеренно колыхались жабры и вздыхали, как кузнечные мехи. Лещь лежал в ужасно неудобной позе человека, которому только что свернули шею. Во сне он тихонько постанывал и иногда резко перекатывался на другой бок, с размаху ударяясь позвоночником в стеллаж, угрожающе раскачивая над собой книги. Михаил смотрел на них обоих. Это же было недавно, совсем недавно...

...Они долго брели по Великой трясине по колено в вязкой растительной жиже, и при каждом шаге ил под ногами проги-

бался, вжимая в глубину утонувшие большие листья, а по поверхности разбегались круги ряби, тяжело раскачивая ряску, пышные розовые кусты, из которых осторожно выглядывали болезненного вида улитки без раковин и дикие яркие лягушки. Корни цепко и крепко хватали за обувь, и у Михаила каждый раз замирало сердце, потому что впереди вот уже третий раз высовывался волосатый выпуклый глаз на голенастой ноге, похожей на перископ подводной лодки. Михаил ни разу в жизни не видел настоящего брюхонога, но Октар одно время все уши ему прожужжал, описывая глубинное чудовище. Он рассказывал ужасные вещи. Трясина имела несколько уровней, разгороженных толстыми пластами ила, листьев и прочей гнили, в которых все дальше от поверхности обитали «разные ужасные твари». Октар таинственным шепотом рассказывал, что брюхоноги набрасываются не сразу, они долго выслеживают жертву, заставляя вилять мелкую живность у ног и пугая, потом резко набрасываются из воды. Михаил не очень верил. Лучше один раз увидеть... А лучше вообще не увидеть.

Они нервничали. Яран все поторапливал, а когда Михаил раздраженно спросил, в чем дело, Яран сказал, что весь ил, по которому они прошли, исчез, и теперь там порядочная глубина. Было страшно.

Скоро они вышли на гать. Гать была широкая и бесконечная, над ней в изумрудном тумане летучей паутины нависал лес – огромная бесформенная масса ветвей, листьев, стволов, напрочь закрывающая солнце, пестрая зеленая маска на лице планеты, скрывающая что-то загадочное, уродливое, что может не понравиться. А потом гать перед ними взорвалась, обдав водой, мокрой землей и ветками, и они увидели брюхонога, здорового, с глазами на прутиках и пучком щетинистых узловатых ног на жирном брюхе. Михаил не запаниковал. Он просто не успел среагировать сознательно. Он просто взял карабин и стал стрелять. Запахло жидкой взрывчаткой, горячие пустые гильзы с шипением сыпались в болото. Яран взорвал брюхонога гранатой, украденной у пещерников. Долго они потом не могли очухаться.

Через месяц они достигли края исполинской котловины, перешли через горную цепь и через неделю увидели город.

Леща они нашли позже. Михаил плохо запомнил этот момент, но он точно помнил, что встреча братьев по разуму не была веселой и радостной. Абориген сначала испугался, потом разозлился. Очень было трудно наладить с ним контакт.

Лещь был молчаливым и замкнутым. Он упорно молчал. Как же они смогли найти общий язык?..

Дом задрожал ровно в полночь. Михаил дремал на стуле, низко опустив голову, Яран лежал локтями и головой на столе. В странной позе замер Лещь, избито скорчившись на матрасе. Все было тихо и спокойно. И тут началось.

Михаил проснулся первым и вскочил. Обстановка была крайне напряженной: пол под ногами ерзал, как при бортовой качке, шатались стены, с полок падали книги, а из недр дома доносился далекий рокот, как при извержении вулкана. Яран тоже проснулся и тихо спросил: «Что там у вас?» Лещь спал как ни в чем не бывало. Михаил бросился к окну. Там все так же kloкотал ливень, прозрачные волны заливали площадь и холодно светились уличные старинные фонари. Но что-то еще было необычно, и Михаил никак не мог понять, что. Дом ходил ходуном, и творилось что-то невообразимое.

Яран вдруг бросился вон из хранилища, побежал по коридору, что-то упало на пол, словно вязанка дров, зазвенела отлетающая банка из-под краски. Михаил потянулся к выходу, но тут его встряхнуло, и он понял, что лежит у самого порога, а вокруг с треском лопаются штукатурка. Он остервенело выглянул в коридор. Там в слабо освещенной темноте шевелился Яран и пытался встать, но все время соскальзывал. Вокруг него катались мятые банки и дрожали деревянные бруски. Скрипя, раскачивалась лампа.

Первой мыслью было, конечно – землетрясение. Михаил уже намерился схватить Леща с Яраном и тащить вон из дома, но библиотека вдруг успокоилась и затихла. Это было настолько неожиданно, что он не остыл еще от звона и грохота в голове, взял за локоть Леща и остановился. Лещь проснулся, буркнул: «Ну чего?» – и перевернулся на другой бок. Медленно в дом возвращалось потревоженное спокойствие, перестала качаться лампа, строго замерли стеллажи.

Вошел Яран, весь в краске, и угрюмо сказал:

– Не нравится мне это все, Миша. Не нравится.

Он тяжело плюхнулся на стул и стал ворочать ногами штукатурку под столом. От шороха проснулся Лещь, повернулся к ним, сонно жмуря глаза, и проворчал:

– Ну чего вы тут шумите! Дайте людям поспать.

Когда он захрапел, Яран предположил:

– Может, это действительно землетрясение?

– Да нет, – сказал Михаил и вдруг оживился. – Слушай! А что, если электростанция...

– Не знаю, Миша, не знаю.

– Да, вряд ли, – сокрушенно произнес Михаил.

– Завтра разберемся. Как это ты говорил, утро вечера...

– ...мудренее, – договорил Михаил.

– Именно.

Михаилу вдруг так страшно захотелось спать, как никогда в жизни. Ничего уже больше не хотелось. Хотелось только упасть на пол, прямо на паркет, свалиться без сил и забыть обо всем. Он, не мешкая, лег на расстеленную куртку, подложил под голову мягкий теплый двухтомник и мгновенно заснул. А в окно звонко стреляли капли, и стучал не то град, не то костяшка длинного худого пальца.

Глава десятая

Люди и нелюди

Утро было обычным: мутно-серым, мокрым и унылым. Дождь, не переставая, стоял над площадью сплошным водяным занавесом. После вчерашних приключений в голове остались внутренности подземелий и неясное неприятное сознание чего-то странного и необратимого. Даже не хотелось смотреть в окно, настолько все стало плоским и равнодушным. Михаил отошел от подоконника и продолжил чистку оружия.

Яран предложил сделать глубокую вылазку в город и попытаться поискать жителей. Лещь отнесся к этому без энтузиазма, но сильно и не возражал. Он только проворчал: «Глупая затея». Тогда они вдвоем отправились искать консервы (Лещь таинственно намекал все утро про тайники-холодильники), а Михаил, чтобы не бездельничать, решил привести карабины в порядок.

В коридоре забубнили голоса. Был отчетливо слышен звон цепей, глухое бормотание и покашливание. Михаил насторожился. Яран прислонил к стене сумку с консервами и бутылками и сел за стол. Следом за ним вошел угрюмый странный мужчина, чем-то похожий на горца. Михаил удивленно поднял голову. Это был крепкого телосложения абориген, одетый в продранную на плече болоньевую куртку, темные штаны и что-то вроде сапог из толстой кожи, заросшей длинными рыжими волосами. На носках «сапог» лаково бле-

стели черные звериные когти. Лица аборигена было почти не видно за густой черной бородищей веником. К ногам широкими кольцами были прикованы оборванные ржавые цепи и при каждом движении болтались и гремели.

Абориген, не стесняясь, сел на полосатый матрас и мрачно оглядел присутствующих. Он явно чего-то не понимал и требовал объяснений, кто они такие, откуда взялись и когда, наконец, уберут эти проклятые цепи.

В дверном проеме медленно возник Лещь, оперся о косяк плечом, сочно жуя, и посмотрел на бородатого. Бородатый зыркнул на него стальными колючими глазами, как паук из норы, и сказал что-то вроде:

– Н-ну?

Михаил осторожно поставил карабин рядом, прислонив к ножке стула, и спросил Ярана:

– Кто это?

– Не знаю, – сказал Яран и вздохнул. – В подземелье нашли. Сидел в камере, цепь раскачивал.

– Сумасшедший?

– Не-ет, – категорически возразил Лещь. – Нет, конечно. Видимо, заблудился в катакомбах.

– Или спасался от наводнения, – предложил Яран.

– Под землей?

– М-да... Ну, не знаю. Может, искал чего. Молчит. Он бы смог рассказать много интересного, – Яран повернулся к бородатому. – Скажи что-нибудь.

Бородатый, зевая, с хрустом потянулся и стал рассматривать собственные ноги. Михаил тоже посмотрел на ноги, и его осенило:

– Так это он там, на электростанции сидел! Точно! И ноги его.

– Ты уверен? – спросил Яран.

– Абсолютно.

Было видно, что они с Лещом очень разочарованы и озадачены.

– Что же он на электростанции делал? – медленно, словно у самого себя, спросил Яран.

– Эй, друг! – крикнул Лещь, обращаясь к бородатому, и сделал сложный жест руками, показывая, видимо, какой-то механизм. – Электростанция! Энергия! Понимаешь? Электричес-тво!

– Чего орешь? – гулким, как с того света, басом осведомился бородатый. – Я, вроде, не глухой.

Лещ ошарашено посмотрел на него, потом на Михаила.

– Так он разговаривает! – удивился Яран.

– Конечно разговариваю, – заверил бородатый, принялся, повел носом и быстрыми паучьими глазками хищно уставился на сумку с удовольствием. – Поесть бы, – добавил он просительно.

Яран достал из сумки банку, пробил ножом крышку (Лещ вздрогнул), вскрыл и с ложкой протянул бородатому. Тот радостно засуетился и принялся громко и голодно чавкать, брызгая соком.

– Тебя как зовут? – спросил Яран.

– Корчидон, – отозвался бородатый, перестал есть и подозрительно посмотрел на Ярана. – А тебя?

– Яран.

– Ну и чучело! – дружелюбно сказал бородатый Корчидон и защелкал челюстями.

Михаил поймал себя на том, что все время удивленно на него таращится, спокойно положил карабин себе на колени и стал чистить рукоятку. Абориген скреб ложкой по банке, вычерпывая сок с жиром и отправляя все это в черную бездонную пасть. Это был обычный миролюбивый питекантроп, сильный, ловкий, любопытный и угрюмый. Таких особенно любят в Институте нейроники, потому что не надо стоять за прозрачными оргалитовыми стенами и смотреть, как полуголый дикарь сидит около стула на заду и пробует на зуб многопласт обивки. Не надо испуганно шарахаться, когда он ухает этим стулом по непробиваемому оргалиту, потому что его здорово раздражают зрители. Просто можно спокойно посидеть в одной комнате с ним, даже задать несколько вопросов и улыбнуться, когда он снимает с головы и вертит в руках транслятор, суматошно сообщая, как он понимает речь человека, не зная его языка.

– Вкусно, – сказал Корчидон, отшвырнул пустую банку и понаблюдав, как она скачет и вертится на одном месте. Потом он снова оглядел всех подозрительно и спросил:

– Вы можете снять цепи?

Яран сел перед ним на корточки (Корчидон поджался), посмотрел оковы и произнес:

– Мастерски сделано. Просто замечательно.

– Не можете, значит... – разочарованно сказал Корчидон. – Ну ладно.

Он поднялся и посмотрел на Михаила.

– А ты кто?

– Михаил, – сказал Михаил.

– Какой такой Михаил? Я тебя что-то не видел.

– Мы хотим найти людей в городе, – сказал Яран. – Ты можешь нам помочь?

– Хе! – громко усмехнулся Корчидон. – Напрасно время потратите. Лучше цепи снимите.

– Ну что? – сказал Лещь. – Может, позавтракаем?

– Давайте, – оживляясь, сказал Корчидон.

Михаил не возражал. Причем очень даже не возражал. Причем очень даже был «за». Они вскрыли консервы, Лещь полуторжественно произнес:

– Ну что ж, теперь нас уже четверо. А четверо – это сила, – и значительно потряс ложкой.

– Не тряси, жир летит, – попросил Михаил.

– А я ведь не сказал, что пойду с вами, – заметил Корчидон, запихивая в рот пучок зелени и сочно хрустя. – А может, я не согласен?

– Тогда позволь баночку, – деловито попросил Лещь и протянул руку.

– Э, нет! – сказал Корчидон, ловко отодвигая банку вилкой. – Мы так не договаривались.

– Корчидон, а как ты попал в Библиотеку? – спросил Яран.

– Очень просто. Ехал я на машине – у меня грузовик есть, личный, а какой-то дурак врезал, братцы, по стеклу палкой. Ну я вильнул в сторону, а там президентский лимузин. Стекло, сами понимаете, вдребезги, лимузин тоже, этого дурака нет, а меня уже из кабины тащат. Забрали меня в Подземелье, заковали и сказали, что как только все выяснят, сразу отпустят. Ну я остался. День сидел, два сидел, потом дай, думаю, позову кого. Подхожу к двери, а она-то, братцы, не заперта! – Тут Корчидон с сипением затрясся, смеясь, и продолжил: – Цепь я от радости разорвал, а оковы не смог, так и пошел бродить по Подземелью. Никого нет! Хоть бы мохоед под каблук подвернулся. Пошел я вверх, где станция. А там тепло... Там и жил, братцы.

– И так и не узнавал, что в мире делается? – недоверчиво спросил Лещь.

– А что мне! – беспечно сказал Корчидон, перестал жевать и посмотрел на Леща. – Посмотрю в окно – тихо, спокойно, как всегда. Ну, думаю, ладно...

Он снова уткнулся в банку и больше за завтраком не разговаривал.

После завтрака они собрались и вышли на улицу. Портик у входа продувало насквозь, все ежились и смотрели друг на друга. Корчидон выглядел ужасно озадаченным, туманный взор его скользил по залитойезде площади, по пустынным домам, по тупикам, в которых реяли водяные столбы пыли. О чем он думал? Наверное, не понимал, куда делись все люди, думал, что это просто декорации, а если все действительно, не иллюзия, надо срочно найти дом, а грузовик наверняка стащили или разобрали, и как теперь добираться, братцы, раз все решетки забиты и улицы, сами понимаете, залиты...

Лещь был похож на нахохлившегося воробья и угрюмо смотрел куда-то вбок, где за плоской водяной стеной стояли туманные неподвижные тени. Он крикнул: «Я сейчас!», согнулся, сбежал по скользким лестницам, и скоро его не стало видно. Через несколько минут он вернулся на темном расхлябанном грузовике и остановился.

Грузовичок выглядел очень тощим и неприглядным, в нем постоянно что-то скрипело, тряслось и дребезжало, особенно на поворотах, когда он выворачивал на пологую улицу и начинал надсадно завывать двигателем, взбираясь наверх. Михаил с Лещом сидели в кабине, а Яран с Корчидоном сзади в кузове, под брезентом, натянутым на железную раму. Они там что-то бубнили на два голоса и поминутно прижимались к маленьким окошкам, вшитым в материю. Лещь был сегодня не в духе, молча смотрел вперед, на чистую умытую мостовую и шипел проклятия, когда машину принималось трясти на ухабах. А дорога была скверная. Асфальт здесь давно был убран, и в земле мокро блестели гладкие булыжники. В промежутках между камнями струились мутные ручьи.

Сзади шумно завозились, и в окошке показалась черная борода Корчидона.

– А куда едем-то? – оживленно спросил он, просовываясь в кабину.

– К вышке, – раздраженно сказал Лещь.

– Зачем к вышке? – послышался сзади рокот Ярана. – Можно посмотреть в убежищах.

Было видно, что ему очень не хотелось ехать на окраину города. Лещь немедленно ошетинился и резко обернулся назад:

– А кто защиту, кроме меня, поставит? Может быть, ты?

– Ты обиделся?

– Ничего подобного! – гневно возразил Лещь и с натугой переключил скорость. – Просто я терпеть не могу, когда лезут не в свое дело.

Михаил посмотрел на него. Лещь уже начинал его понемногу раздражать. Конечно, можно понять, и даже должно понять. Но какого черта портить другим настроение? Лещь и Яран продолжали препираться. Корчидон с любопытством на них поглаживал быстрыми паучьими глазками. Вдруг его лицо перестало улыбаться и страшно исказилось, сверкнув зубами. Машина привычно подпрыгнула на кочке, и Михаил на секунду почувствовал невесомость. Сильный толчок согнул его пополам, снаружи со звоном отлетела тонкая арматура, что-то с плеском упало на капот, а когда он разогнулся, грязная вода быстро стекала по стеклу, и дворники размазывали хрусткий песок.

Лещь распахнул дверь, и в кабину полилась желтая вода.

– Дьявол! – крикнул он.

В окне сзади размахивал руками Корчидон. При падении он вывалился по пояс и застрял. Сзади что-то тараторил Яран и, очевидно, пытался ему помочь. Корчидон бешено засопел, как нагнетатель реактора при форсаже, вывалился кульком из кузова и скатился в лужу на дне кабины, громыхая цепями.

Грузовик неподвижно стоял всеми колесами в середине мутного желтого озера посреди дороги. Дождь изо всей силы лупил по крыше, по капоту, по гулкому брезенту. Сзади, выше уровня воды, был конец обрывающейся дороги. Недалеко от машины, выставив из воды треногу, лежал круглый дорожный знак и тускло сиял помятой жостью. На нем по-местному было написано: «Объезд!»

Корчидон протиснулся к дверце, высунулся наружу, чуть не спихнув Михаила, и громко объявил, рассматривая знак:

– Балда ты неотесанная! Ты что наделал? Вперед надо смотреть, братец, когда за рулем сидишь. Ты куда смотрел?

Лещь неумело огрызался, смотрел на воду и что-то прикидывал.

– Знак же стоял! – не унимался Корчидон. – Знака, что ли, не видел?

Сзади послышался всплеск. Яран по колено в воде подошел к заднему колесу, ухватился за ржавый обод и чуть-чуть приподнял машину. Корчидон, теряя равновесие, схватился за крышу и посмотрел назад, но ему мешал брезент. Он завертел головой и крикнул:

– Эй, кто там? Яран, ты, что ли?

Михаилу надоело стоять на подножке на носке, и он спрыгнул в воду.

– Надо подтолкнуть, – сказал ему Яран, критически осматривая колесо.

– Ты думаешь, выедем?

– Выедем. Просто надо толкнуть.

Яран, Михаил и Корчидон втроем стали толкать, а Лещь остался за рулем. Не за что было уцепиться, все было скользкое от грязи. Двигатель заквохтал, когда Лещь с проклятиями поворачивал ключ в замке зажигания, потом заорал, и грузовик затрясся. Густой рыжий фонтан бил в лицо, облепленный глиной Корчидон бодро кричал: «Давай, давай, ребята!» – и плечом упирался в деревянный борт. Яран был сосредоточен и вместе со всеми раскачивал машину, не издавая ни звука. Натужно взрывал двигатель, но все было втуне – колеса скользили как по смазке.

Машина перестала елозить и успокоилась, попыхивая выхлопной трубой. Скрипнула на петлях дверь, и Лещь, балансируя на подножке, осведомился:

– Не идет?

– Сели, – сказал Корчидон и вытер мокрым рукавом грязный лоб. – Надо что-нибудь подложить под колеса, – деловито добавил он.

Он уже полез в кузов, где валялись мешки, но Яран остановил его.

– Не надо подкладывать. Миша, возьми, пожалуйста, за тот край. Лещь! – крикнул он. – Давай еще раз.

Снова полетела глина вперемешку с водой. Они вдвоем ухватились за бампер и стали приподнимать грузовик. Сначала колеса наполовину показались из воды, потом они уже крутились в воздухе, потом друзья перетаскивали машину за бампер на метр и отпустили. Машина тяжело села на землю, дернулась вперед и скрипнула крышками на асфальте.

– Ну вот, – беспечно сказал Яран. – И не надо ничего подкладывать.

Они ехали теперь по Главной улице с другой стороны. Здесь было довольно чисто. Строгие двухэтажные особняки вдоль умытых тротуаров были совсем как в старой доброй Англии. Все окна были занавешены марлевыми занавесочками, тяжелыми шторами или портьерами. На подоконниках стояли домашние цветы. Когда-то здесь кипела жизнь, старинная и суетливая, спокойная и добрая, по вечерам люди ходили друг к другу в гости, зажигали в домах теплый желтый свет и в уютных гостиных пили чай и разговаривали.

За окном промелькнул последний дом. Они пересекли выпуклый зазеленевший мостик через радиоактивный ручей, свернули на пустырь, заросший высоким, по пояс, желтым сорняком. Дорогу развезло, и машина на каждой ямке принималась завывать и дергаться, когда двигателю на хватало мощности.

Они остановились около вышки. Вышка была тонкая и высокая, красного кирпича, с острой крышей и застекленной верхушкой-будкой, похожая на маяк. С северной стороны на кирпичях росла сплошная зеленая полоса мха, густого и сочного, блестящего от капель. С южной стороны была дверь, обитая гофрированным железом. Корчидон сказал, что подождет их в машине. Они вошли в гулкий и сырой полумрак и по винтовой лестнице стали подниматься к будке.

Всего в городе таких вышек было двенадцать. Построили их недавно, где-то около пятидесяти лет назад. Раньше они работали от общего атомного реактора, но от времени реактор стал дряхлым и ненужным, все больше поглощал и все меньше выделял. А когда трансформаторы загорелись и радиация сожгла почти все пустыри и заразила реку, было решено установить в каждую башню по внутренней подстанции. Принцип действия был довольно простым. Нужно было только включить генераторы и правильно настроить напряженность защиты, и тогда все двенадцать вышек соединились друг с другом невидимыми стенами диорганики, и ни один микроб или клетка не проникали живыми через правильный двенадцатигульник, окружающий город, даже сверху закрытый диорганическим колпаком. Любая структура клеток, будь то животное, птица, растения, попадая в плоскость поля, мгновенно распадалась на ионы. Идея была очень старая, ее уже не изучали подробно даже в Летной Академии на Земле. Хватало нескольких школьных уроков.

Гулко отдавались шаги, стертые ступени были скользкими и приходилось держаться за шаткие холодные перила. Один раз Михаил чуть не упал в колодец межлестничного промежутка, когда целая решетка перил легко поддавалась под рукой и полетела вниз. Все-таки надо еще быть осторожнее.

Перед бронированной дверцей будки все были изумлены и растеряны. Через щели косяка пробивался свет, в будке кто-то ходил, перемещая тени, было слышно шелканье и неясное бормотание.

– Теняки? – быстро сказал Лещь и вытащил кулаки из карманов.

– Глупости, – сказал Яран. – Просто еще один несчастный.

Михаил ухватился за скобу, дверь крякнула, но не открылась. В комнате забегали, послышался грохот, словно отодвигали мебель, что-то с протяжным дребезгом разлетелось. Хриплый голос спросил через дверь:

– Кто это?

– Не пугайтесь, это люди, – сказал Лещь.

– Подождите...

Щелкнул замок. В небольшой застекленной комнате стоял тощий человек в длинном синем плаще поверх серого мягкого костюма и со страхом смотрел на них, выставив вперед тяжелое оружие с квадратной насадкой на конце ствола и маленьким, как у зажигалки, пламенем. Человек был почти лысым, только около ушей серебрился венчик седых мокрых волос, выглядел ужасно напуганным и очень хотел есть, потому что вдруг отошел назад, бросил огнемёт на толстую плиту пульта с верньерами и разноцветными кнопками и тяжело плюхнулся на табурет.

– Ну наконец-то! – выдохнул он с гигантским облегчением. – Господи... Как вы меня нашли?

– Мы вас не искали, – произнес Яран. Михаилу показалось, что он извиняется. Тощий человек только сейчас заметил Ярана и вздрогнул.

– Тогда... А впрочем, это неважно.

Михаил огляделся. Под потолком ярко горела лампочка, хотя давно уже был день, через окна был виден город и тонкая, похожая на минарет соседняя башня. Рядом с пультом лежали крупные осколки. Квадрат стекла в ячеистой раме был разбит.

– Как вы здесь оказались? – спросил Лещь и, хрустя стеклом, подошел к окну.

– Сначала позвольте представиться: Ларди Тоду, учитель литературы. Можно просто Ларди. Я учу людей уже двадцать лет, и ни разу такого со мной не случилось. Пять уроков прошло нормально, а на шестой в класс врывается, другого слова я подобрать не могу, именно врывается какой-то военный с автоматом и кричит что-то про войну и эвакуацию. Позвольте, а как же дети? Он приказывает всем немедленно выйти из кабинета. Он просит не лезть – вы представляете?! – не лезть не в свое дело. И тут я выглянул в окно. Боже мой! Все улицы заполнены беженцами, машинами, повозками с чемоданами и узлами, и лица: угрюмые и озабоченные, злые и раздраженные, взволнованные и обеспокоенные, ничего не подозревающие. Если бы они знали...

Ларди Тоду замолчал.

– Что со стеклом? – спросил Лещь, водя пальцем по зубчатым остаткам в раме.

– А? А... Это я локтем, когда вы пришли. Здорово перепугался. – Ларди попытался улыбнуться, но улыбка получилась ужасно деланной и неуклюжей.

Он снова помолчал, потом продолжил:

– Я никуда не ушел. Я проводил детей и вернулся в школу. Там уже никого не было, даже сторожа. Кто-то пытался взломать кабинет химии, где хранились реактивы. Я в этой школе учился сам, потом преподавал все двадцать лет, школа стала для меня вторым домом. Я решил, что ни один человек больше не посмеет что-нибудь взять. В будке сторожа нашел огнемёт, не знаю, для чего он там. А когда на следующий день вышел на улицу, там никого не было. Никого! Все равно, что заплыть на несколько километров от берега океана, в котором нет никого и ничего, кроме тебя. А когда началось нашествие растительности, решил активизировать защиту. Была надежда, что люди вернутся.

– Значит, вы тоже не знаете? – спросил Яран. Ларди снова вздрогнул и сказал:

– Нет. А вы тогда кто?

Михаил рассказал ему свою историю. Ларди долго на него смотрел, потом неуверенно оглядел всех и произнес:

– Значит, это правда? Про жизнь на других планетах? По правде говоря, я относился к этому скептически. Я ведь не астроном. А года два или три назад у нас ходили слухи, будто к нам прилетели пришельцы. Астроном Баград якобы видел в небе огненный след от их корабля. Не знаю. – Он посмотрел

на пульт и пощелкал туда-сюда переключателем. – А защита почему-то не работает. А все обсмотрел – не работает.

– Я не могу понять одного, – произнес Яран, наблюдая желтую полосу разбитой дороги за окном. – Из-за чего все ушли? Куда? Ларди, вы можете нам рассказать последние дни городской жизни?

– Могу, конечно, – ответил Ларди. – Сейчас, секунду, я успокоюсь. – Он посмотрел на свои дрожащие руки с длинными пальцами, достал из кармана плаща мятую коробку, выбил пальцем из нее тонкий бумажный цилиндрик, поджег конец и наполнил комнату едким дымом.

Михаил знал, что это такое. Раньше это называлось «сигареты». Помнится, еще на курсах Летной Академии они все спорили, кто же первым его изобрел. Это было как-то связано с Америкой и Христофором Колумбом. Во всяком случае табак был открыт совсем недавно, лет пять назад первыми поселенцами на Рейнгольде.

– В последнее время увеличилось количество пропавших без вести, – начал Ларди. – Люди исчезали при странных обстоятельствах, каким-то образом оказывались в переулках и пропадали. А потом в подвалах стали находить окровавленное тряпье с раскрошенными костями – это были пропавшие люди, вывернутые наизнанку. Очень было страшно. А потом на улицах появились старцы в рубищах, заросшие седыми волосами и бородами. Они пророчили смерть, и их слушали...

...Они всегда приходили в одиночку. Старик брел босиком под дождем, в холщовой рубахе до пола, и каждый раз край одежды колыхался и приподнимался голой пяткой. Посох мертво стучался о булыжники и четко звучал в тишине городских улиц. Он шел упрямо, настойчиво, как автомат, на спине через плечо погромыхивала ржавая цепь на веревочном ошейнике. Автомобили сворачивали с этой дороги за два квартала. Люди осторожно выглядывали, отодвигая занавески, и ждали, когда старик остановится, и тогда они осторожно собирались перед ним маленькой толпой и слушали. А потом прибежали мордастые полицейские, хватали его, пытаясь усадить в зеленую легковушку с мигалками, и испуганно крестили лицо, когда Просветитель медленно истаивал в воздухе...

– ...А потом вот и произошло то, о чем я вам говорил, – закончил Ларди и добавил: – А защита почему-то не активируется. – Он рассеянно посмотрел на плиту пульта.

– Ну и ладно, – сказал Михаил. – Пойдемте вниз, там у нас машина.

– А вы где живете?

– Пока в Библиотеке.

– Ого! И вас туда впустили? Впрочем, там ведь никого нет...

Они оставили позади вышку и пустыри. За рулем сидел Корчидон. Сначала они свернули с Главной улицы на площадь Соединения, где, как сказал Ларди Тоду, есть основные входы в катакомбы. Но они оказались либо затопленными, либо заваленными рухнувшими этажами. Обратно ехали на полной скорости. Корчидон выжимал из машины, что мог, грузовик кренясь вылетал на перекрестки, расшвыривал у обочин фонтаны воды. Оглушающее ревел двигатель, и на кочках громыхали Корчидоновы железяки. Под ногами противно хлюпало. «Не мог, что ли, вычерпать?» – подумал Михаил, косясь на Корчидона, и больно стукнулся головой о стекло, потому что Корчидон вдруг резко затормозил и крутанул баранку. Машину с воем развернуло поперек дороги.

– Ты что? – крикнул Михаил. В ушах звенело от езды.

– Что?! – заорал, не расслышав, Корчидон, и в этот момент двигатель заглох.

По кабине гулко стучали капли, снаружи однообразно лил дождь. Корчидон смотрел вперед, странно разглядывая витрину магазина напротив. Сзади засопел, протискиваясь в кабину, Лещь. – Ребята, вы что, сдурели? – осведомился он. – Я себе чуть руку... Корчидон, что случилось?

Корчидон больше не смотрел на витрину. Он со страхом и отчаянием смотрел вправо, мимо Михаила. Михаил оглянулся и увидел, как решетка канализационного люка поднялась и шлепнулась в лужу. На краю люка стояла маленькая, ростом с Октара тень. Тень была похожа на человека, взирала с тайным намеком прорезями глаз, и сквозь нее была смутно видна дорога, перспектива домов и круглый провал люка.

– Теняк! – заорал Лещь, дернулся назад, застрял и заколотил снаружи кулаками.

Ларди подошел к дверце Михаила и сказал, не оборачиваясь:

– Если что, уезжайте без меня. Они сгорают быстро, но все-таки...

Он медленно поднял огнемёт, целясь с пояса, поправил на плече ремень и отчаянно вдавил курок. Из насадки дула с ши-

пением вырвалась огненная струя, обдала всех жаром, Ларди оттолкнуло отдачей, и он прижался спиной к кабине. Михаил инстинктивно закрылся руками, а когда отнял ладони от лица, вокруг люка суматошно бегал подожженный теньяк, оставляя огненную дорожку и размахивая руками, с которых летели горящие ключья. Он замер на секунду, голова вдруг выросла до неестественных размеров, объемом с особняк, и медленно повернулась к ним лицом, ужасным, словно звериный череп, облитый расплавленным полиэтиленом, призрачно засверкал частокोल острых длинных зубов. Корчидон в панике терзал стартер, но машина, как назло, не заводилась. Голова теньяка распахнула огромную пасть, так, что через глотку стало видно шпиль Библиотеки, затряслась в беззвучном хохоте, и теньяк негромко лопнул. Лещь справился с окошком, прижался к окну и с ужасом увидел затухающее пламя. Корчидон, наконец, совладал с двигателем, грузовик взревел и, подхватив Ларди Тоду, во весь дух помчался прочь.

А на улицах долго еще оставался рев мотора и лязг дряхлой трясущейся машины.

Глава одиннадцатая

Исход

– Ну и дела! – пробормотал Корчидон и поскреб подбородок, хрустя бородищей.

Все молчали. Все были потрясены. Все смотрели на Ларди Тоду. Учитель сидел в углу на колченогом стуле и пытался унять дрожь в руках. Света не было, и в темноте было видно, как мотается огонек сигареты в трясущихся пальцах. Потом он торопливо затынулся, сбил пепел, высекая искры, и устало произнес:

– Ну что ж, спрашивайте.

Никто его не хотел спрашивать. Михаил его понимал, значит, наполовину оправдывал. Мешали только мелочи. Он знал, что Ларди хороший человек. Умный, воспитанный. Он даже мог ему помочь, но очень мешали мелочи, дохленькие жалкие вопросы, отрывки гуманизма, из-за которых всем было неловко, было трудно, почти невозможно посмотреть ему в глаза. Михаил ужасно боялся, что увидит в них кричащий упрек и самоуничтожение.

– Ну что ж, – сказал Ларди. – Раз никто не спрашивает, расскажу я сам. Теньяки – это не сказка, не досужий вымысел,

как вы убедились. Признаться, я сам долго не верил. Но потом прочитал книгу, где один авантюрист якобы побывал в логове этих теняков и все про них разузнал. Многое там преувеличено и просто наврано. Но можно сказать следующее... – Он затыкнулся, раздавил окурочок на подоконнике и прокашлялся. – Значит, следующее: теньяки – это копии ушедших из города людей, можно даже сказать, души. Основное правило, по которому жил и живет город, это постоянное количество людей. Если человек умирает, на его место приходит его собственная тень. Вот... – Ларди вздохнул. – Если человек рождается, тень, наоборот, исчезает. Раньше правительство как-то пыталось регулировать рождаемость и смертность, но потом началась неразбериха, переворот, и стало не до этого.

– А если рождаемость выше смертности? – спросил Яран. Он сидел за столом и что-то рисовал на бумаге.

– Этого просто не может быть.

Ларди замолчал. За окном было тихо и сумрачно. Дождь на какое-то время перестал. На площади лежали большие спокойные лужи, и в них отражалась пушистая пленка черносиних туч, затягивающих небо. Солнца почти не было видно.

– Теньяки бесплотны, – неожиданно сказал Ларди. – Их невозможно убить ни ножом, ни пулями, ни кислотой. Единственное, против чего они бессильны, это огонь. Теньяков жгли на протяжении всей истории города, так как они представляли собой все плохие качества человеческой личности. Это свойство людей у нас называется «отбрасывание тени». Теньяки могли запросто выпустить газ из плиты, и тогда человек, зажегший спичку... Но это крайне редко. Беда в другом. Беда в том, что они ведут к уменьшению населения и, соответственно, к увеличению самих себя. Они стремятся завладеть городом...

– ...уничтожив людей, – подсказал Яран.

– В том-то все и дело, что нет, – вздохнул Ларди. – Люди не умирают – это главное. Существует теория матричного строения. Где-то в городе есть место, где хранится ровно двести тысяч матриц. Они абсолютно одинаковы, и при рождении человека каждая матрица начинает развиваться. При смерти матрица заполнена теньяком. Теньяк освобождается, и человек «отбрасывает тень».

Михаил лихорадочно соображал. Теньяк – это просто отрицательный заряд человеческого мозга. Вернемся к теньякам. Значит, теньяк – это минус. Матрица – заряд положительный.

Личность развивается и каким-то образом накапливает минус, и в конце пути этот минус... Пойдите-ка, а что же до этого находится в матрице? Пусто. Заряд нейтральный, наверняка. И когда тенья попадают в матрицу, почему-то остается один минус. Куда же исчезнет плюс? Плюс, плюсики... Либо он существует отдельно, вне матрицы... Точно! Он живет вне матрицы, а когда тенья освобождает место, в матрице уже плюс – фундамент новой личности. Как электрический ток в полупроводниках. И так бесконечно. Но. Есть одно маленькое «но». Процесс происходит непрерывно. Причем беспорядочно. Почему-то нет системы. Вернее, есть, но нет пока какого-то звена... Звенья... Цепочка... Связь цепочкой...

Михаил почувствовал, что близок к разгадке, но хватает еще немного, вот столько, мелочи, но его окликнули. Михаил очнулся. Все смотрели на него.

– Миша, – сказал Яран. – Ты что-то знаешь?

Михаил помотал головой.

– Знает, знает, – с прищуром смотрел на него Корчидон. – Вон, рожа-то как светится.

– Подождите, подождите, – сказал Михаил. Он все еще пытался что-то найти, нащупать, но вдруг понял, что сбился. – Я сбился, – сказал он сурово. – Меня сбили. По-моему, это свинство.

– Что такое «свинство»? – спросили все чуть ли не хором.

Михаил внутренне сплюнул. «Сам разберусь,» – подумал он.

– У меня есть предложение, – сказал Лещь. Он сидел на столе и, как мальчишка, болтал ногами. – Давайте поедим все обсудим. А то на пустой желудок думать... Не дело.

– Это да, – произнес Корчидон с огромным оживлением. – Вот это правильно. Вот это вовремя.

Обедали молча. Потом Яран спросил Ларди:

– Ларди, а вы не знаете, что такое сыпь?

Ларди собрался ответить, но Корчидон его перебил:

– Знаю, конечно. Это такие пятна на руках, когда объешься фруктов.

Учитель наставительно произнес:

– Во-первых, сыпь бывает не обязательно от фруктов. Может быть аллергия и на конфеты, и на некоторые овощи. На лекарства. Во-вторых, Корчидон, спросили не вас. А в-третьих, Яран... В городе существовало множество слухов о

так называемой сыпи – нечто, напрямую пожирающее людей. Это всего лишь слухи. Наверное.

– Странно, – сказал Яран. – Я пролистал несколько папок ваших летописей (Ларди Тоду удивленно поднял брови)... Да-да, дневниковых записей, в которых было множество примеров нападения на людей какой-то сыпи.

– Может быть. Я, честно говоря, не знаю, – признался Ларди.

– Я вам покажу. – Яран встал из-за стола и убежал в соседнюю комнату, где принялся открывать и раскрывать пустые сейфы, ворошить папки и шуршать бумагами.

– Станный он какой-то, – шепотом сообщил Корчидон и покосился на дверь. – Это зверь?

– Нет, наверное, – произнес Ларди Тоду. – Ведь он мыслит.

– Ну это в конечном счете ровно ничего не значит, – возразил Лещь. – У мохоедов тоже есть мозги.

– Какие мохоеды? – презрительно спросил Корчидон и пошевелил бородой. – Твои мохоеды – тьфу! А он все-таки...

Послышались шаги, и они замолчали.

– Вот! – сказал Яран и потрянул солидной пачкой папок, из которых посыпалась живность. Он положил их на стол перед собой, сел и стал читать:

«День двенадцатый третьей лунной фазы. В Говорящем квартале произошел странный случай. Как сообщили жители, несколько людей исчезли, окутанные непонятной пылью. Прибывшая на место происшествия комиссия, состоящая из...» Та-ак... «ничего не установила». Дальше. «День четырнадцатый третьей лунной фазы. Снова в Говорящем квартале исчезло несколько человек. Очевидцы разом утверждают, что их проглотила розовая пыль». – Яран всех оглядел и напомнил: – Это самые последние записи. Читаю дальше. «День тридцать восьмой третьей лунной фазы. Творится что-то невообразимое. Куда-то исчез квартал Стариков. В домах абсолютно никого нет, полный разгром. В городе объявлено военное положение. Введен комендантский час. День тридцать девятый третьей лунной фазы. Толпы беженцев. Разбит президентский лимузин (Корчидон криво усмехнулся). День сороковой третьей лунной фазы. Полгорода исчезло. Что-то ужасное...» На этом записи обрываются. – Яран сложил папки рядом и торопливо доел мясо.

После обеда каждый стал заниматься своим делом. Яран и Ларди Тоду уселись за книги, Михаил решил проверить снаряжение, все что осталось от первого месяца его робинзонады, а Лещ с Корчидоном сказали, что уйдут ненадолго. Так прошло полчаса. Первым вернулся Корчидон, неся на плече огромный двухствольный пулемет, с грохотом положил его в угол и стал проверять, все ли у него на месте. При этом он чем-то пощелкивал, позвякивал, и пулемет начинал лязгать, масляно отсвечивая рубчатыми стволами.

– Отличная машинка! – сказал Корчидон, любовно поглаживая металлический кожух. – Это не то, что твой карабин.

И в этот момент они услышали крик.

Когда все выскочили на улицу, Михаил мельком подумал, что Леща в хранилище не было. Ларди Тоду путался в своем длинном плаще и тревожно посматривал на небо. По лоснящейся его спине тяжело и неловко хлопал огнемет. Корчидон страшно ругался позади всех и не расставался с оружием, душераздирающе грохоча цепями. А потом они долго тряслись в машине, взлетая на мостовые, тротуары, мчась по темным полукруглым аркам. Корчидон прижимал пулемет коленями, ехать было неловко, руль постоянно норовил вырваться из рук, и машина начинала двигаться по синусоиде, ударяясь бортами и высекая искры о черные грязные стены. За окнами мелькали мертвые желтые колодцы дворов. Кричали совсем близко. Корчидон, срезая угол, свернул во двор, и скоро они вывернули на Главную улицу.

На улицах была грязь и вода. На стенах домов темнели потеки, на перекрестках пусто и равнодушно горбились светофоры. Грузовик в очередной раз предательски вильнул в сторону, и Михаил почувствовал, как машина вздрогнула, что-то ржавое и угловатое налетело спереди, заслонив мир, а когда перекатилось через крышу, мир странно искажался густой сетью трещин, ползущих от угла по стеклу. Михаил взглянул в зеркало заднего вида и увидел трясущееся изображение домов и дороги, по которой с громом кувыркались пустые мусорные баки разбитого штабеля. Корчидон свернул влево и едва не сбил Леща, перебегающего дорогу. Отчаянно взвизгнули тормоза.

Хлопнув дверьми, они соскочили на дорогу. Сзади подбежал Лещ. На него было жалко смотреть. Как тогда, около арки, он был в каком-то трансе, дергал всех за локти и умолял уходить отсюда. В глазах его светились ужас и отчаяние.

Михаил посмотрел вперед и увидел, что дорога покрыта сантиметровым слоем красноватой пыли, словно здесь долго и усердно перетирали в порошок кирпичи. Эта же пыль мягко и неподвижно лежала на тротуаре, на карнизах окон, в толстых червивых трещинах на стенах. Даже широкая, как экран стереовизора, витрина магазина была покрыта тем же розоватым налетом. И это почему-то невероятно пугало Лещя, который жался к перекрестку и трясущимся голосом умолял всех уйти и забрать его. Никто ничего не понимал, все стояли и чего-то ждали.

Лещь всхлипнул. Корчидон вдруг размахнулся и врезал ему звонкую пощечину. Лещь легко, как перышко, отлетел к грузовику, ударился плечом об исковерканную решетку и смятое крыло и схватился за щеку.

– Успокоился? – быстро спросил Корчидон, посмотрел на ладонь и зачем-то вытер о волосатые сапоги.

Лещь тряхнул головой, приходя в себя, посмотрел на дорогу и снова стал безумным и растерянным.

Пыль пришла в движение. Было очень странно видеть, как противоположный край сплошного красного пятна стал медленно подниматься, словно быстро испаряющаяся жидкость, образуя множество едва различимых тонких нитей. Когда первый слой поднялся на достаточную высоту, за ним последовал второй, третий... Пятно пыли очень медленно превращалось в красное, как над марсианскими сопками, облачко тумана. По принципу домино, жуткой волной порошок испарялся, сгущаясь над дорогой и увлекая за собой все новые и новые частицы пыли. Облако, клубясь, подплыло к обомлевшим людям поближе и стало оседать на асфальт в десяти метрах от них.

Когда пыль ровным слоем улеглась на дороге, Корчидон, не оборачиваясь, нервно пробормотал:

– Мне это все не нравится. Мне это очень все не нравится.

Все стояли в жуткой, поразительной тишине и смотрели на феномен. Феномен не шевелился.

– Да это просто ветер, – предположил Яран. Михаил впервые почувствовал в нем растерянность. – Обычная кирпичная крошка, пыль...

– Я стоял здесь, – злобно сказал Лещь. – Я ничего не видел. Я даже не почувствовал. А когда обернулся, она была около ног и тянулась ко мне. Вы понимаете?! Тянулась!

– Перестань орать, – мрачно сказал Корчидон, не глядя на него. – Как вы все обожаете орать.

– Ой! – громко сказал Ларди Тоду.

Пыль снова стала подниматься к карнизам верхних этажей, подобралась, перелетела еще ближе и стала опускаться прямо на них. Они попятились к перекрестку, Михаил схватил застывшего Леща за локоть и увлек за собой. Облако распалось на отдельные части и разлеглось большими красными пятнами на дороге, на полупустых опрокинутых баках, на капоте и крыше грузовика. Корчидон злорадно сплюнул.

– Деорганика, – сказал обычным голосом Яран. – Мельчайшие микроорганизмы. Как ты думаешь, Миша?

Делать твоему Мише больше нечего, разозлившись, подумал Михаил. Как будто для Миши это в порядке вещей – рассуждать тут про микроорганизмы. Михаилу всегда казалось, что за несколько лет работы Искателем у него должен был выработаться хоть какой-то иммунитет ко всякого рода неожиданностям. Ведь за всю работу каждому звездолетчику приходится видеть столько всяких фантазмагорий, что пора бы обзавестись хоть какой-нибудь, пускай самой заваливающей железкой в характере. Чтобы не дернуться в сторону, когда на тебя с ревом прет болотный рогач, чтобы не заорать истерично при виде марсианской креветки, раздражающей в голодной хватке органический корпус метеостанции. Чтобы быть Искателем, нужно всегда иметь резерв, и самое главное – железные нервы...

Его прервал окрик Корчидона. Михаил встрепенулся и огляделся. Пыль снова сворачивалась в тугое розовое облако. Тогда Корчидон стащил с плеча пулемет, обхватил широкой ладонью рубчатые стволы и щелкнул затвором. Длинное раскатистое «ду-ду-ду-ду-ду» вспороло послеобеденную тишину, больно отозвавшись в ушах. Очередь внахлест ударила по дороге, высекая искры, взметая крошечные розовые клубочки, вздымая столбики воды в лужах, протянулась до тротуара, где стоял магазин. Витрина треснула и с длинным дребезгом высыпалась внутрь. Пыль вдруг вся подскочила вверх, как дым пожара, и потянулась к Корчидону. Корчидон судорожно метался дулом по темному промежутку между домами, пулемет натужно стучал и дергался, пробивая насквозь непрístupную пыль, призрачно рвался сноп пламени. Со звоном выпадали окна, отлетала штукатурка, обнажая извилистые ходы, из которых визжа сыпались скользкие мохоеды. А потом розовое

облако кувыркнулось в последний раз, затряслись в призрачном хохоте несколько теней, и облако исчезло.

Все стояли в оцепенении и дико озирались. Только Яран обычным кошачьими глазами смотрел на товарищей и, казалось, не понимал, по поводу чего они беспокоятся.

– Кажется, обошлось, – произнес Лещь.

– Все живы? – странным голосом спросил Корчидон, подозрительно оглядывая карнизы крыш.

– Все.

– Ну и ладно.

Он первым подошел к грузовику, лязгая цепями, отбросил дымящийся пулемет с пустым магазином и уткнулся лицом в рукава, сложив руки на капоте. Со стороны это выглядело жутковато: странно сгорбленная фигура, высоко поднятый воротник, отчего казалось, что у фигуры нет головы, дикие и нелепые рыжеволосые сапоги с когтями, розовые блики на оковах, машине и пулемете у тротуара, и все это посреди широкой пустынной улицы и широкой пустынной тишины.

В полном молчании они ехали обратно. Корчидон не гнал вперед с лихим скрежетом покрывок по мокрому асфальту, азартным взглядом, блуждающим по дороге. Грузовик расхлябанно и вяло тряся, равнодушно скрипя амортизаторами, и казалось, вот-вот развалится.

Около Библиотеки они насторожились. Где-то в конце правого крыла быстро испарялся над крышей розовый туман, и едва заметно вздрагивала земля. На часовой башне тускло светился желтый, с зелеными пятнами окислов, медный накопник с шариком на конце, похожий на шпиль Адмиралтейства. На колоннах темнели потеки ржавчины с крыши. И дверь была распахнута настежь, словно приглашала войти в этот черный прямоугольный зев, ядовито хихикая и потирая руки.

– Земля почему-то дрожит, – произнес Лещь, стуча зубами. Не то от подземных толчков, не то от страха.

Корчидон что-то неопределенно промычал.

– Это, наверное, просто землетрясение, – несмело предположил Михаил.

– Нет, – уверенно сказал Ларди Тоду, спрыгивая с подножки и хлопая дверцей. – Здесь крепкая тысячелетняя платформа.

Земля задрожала еще ошутимее. Послышался отдаленный гул.

– Я не знаю, как вы, – странным голосом произнес Ларди, уставившись в распахнутые двери. – Я никого с собой не зову, не принуждаю ни в коем случае. Запомните, каждый волен в своем выборе. – Голос у него сорвался. Ларди страшно нервничал.

– Что вы хотите сделать? – грозно и сухо спросил Яран.

– Я хочу сжечь Библиотеку, – сказал Ларди.

Сзади затрещала, лопаясь, штукатурка, и половина фасада пятиэтажника лавиной сползала, загородив дорогу. Показались никем из них не виданные комнаты, словно расчерченное на клетки черное поле. Никто не обернулся.

Все молчали. Корчидон крикнул и подумал, что Ларди, конечно, умный, воспитанный, немного не от мира сего, как и всякий хороший учитель литературы, только вот рехнулся он малость, видно, в одиночестве-то. Ну какой из него поджигатель? Он и выстрелить-то правильно не сумеет... Лещь подумал, что это просто невозможно, немислимо, не может случиться, наконец, ведь Библиотека существовала сотни лет, и на протяжении сотни лет, мы подчинялись мудрому и высшему, не какой-нибудь сказке – дедушка с бородой, – а реальному и прочному, мы верили и жили, а он какой-то грошовой зажигалкой хочет уничтожить всех нас, все наше прошлое перечеркнуть красной чертой...

– Вы твердо уверены в том, что это необходимо? – спросил Яран.

– Да. И не пытайтесь меня остановить.

– Вы хотите уничтожить свое прошлое?

– Я хочу, чтобы у меня было будущее, Яран. Или его не будет ни у кого.

– Вы сожжете Библиотеку, – произнес Яран. Михаил впервые в жизни увидел, что Яран волнуется. – Жгите. Но оставьте в покое книги, вы слышите? Не жгите книги, глупый вы человек!

– Что вы мне предлагаете?! – крикнул Ларди. Его умное и строгое лицо сразу побагровело и стало злым, с острыми серыми глазами. – У нас с вами нет выбора. И нет времени. Неужели вы ничего не чувствуете? – Он обратился ко всем. Лицо стало худым, отчетливо было видно серебристую проклятую щетину на щеках. – Конец, вы понимаете?

– Не сделайте еще одну глупость, – угрожающе предупредил Яран.

– Иначе что?

– Иначе отберу и сломаю ваш огнемёт.

– Пожалуйста! – крикнул Ларди и протянул Ярану оружие.

Яран сжал корпус обеими руками. Конечно, он мог запросто перегнуть ствол или связать его в узел. Михаил приготовился услышать треск и щелканье металла, но Яран молча сунул огнемёт Ларди за локоть, отвернулся и произнес:

– Делайте, что хотите.

Ларди недоуменно посмотрел на товарищей. Почему все устроено так неправильно и несправедливо, подумал Михаил. Почему обязательно «да» или «нет»? Ведь это страшное мучение: выбрать «между», «или-или», бегая глазами, хрипло дыша и вытирая ладонью вспотевшее лицо. И нельзя точно предугадать, и начинает врать интуиция, и все чувства глохнут, кроме одного – отчаянья, и наконец-то ощущаешь неблагоприятно взваленную на тебя ответственность, и хочется все бросить и придушить разъедающую неопределенность. А зажмурившись, стиснув зубы и приняв решение, понимаешь, что сорвался, сделал неправильно, все не так, как хотелось, и появляется досада. И никто не может помочь.

Ларди принял решение. Он поднял огнемёт, целясь в дверь, и поступью лунатика двинулся вперед. Когда он скрылся в дверном проеме, Михаил, повинувшись внутреннему импульсу, неожиданному и негданному, крикнул: «Я сейчас!», сорвался с места и побежал к зданию. Его никто не остановил.

Он нагнал Ларди около главного хранилища. Тот стоял в коридоре и прислушивался, чуть присев в страшно неудобной и напряженной позе. На спине и плечах его длинного темно-зеленого плаща был мел, который непрерывно сыпался с потолка от глухих подземных ударов. Библиотека вздрагивала и раздраженно скрипела столетними несмазанными петлями, просевшими балками, словно кто-то большой и сильный равномерно раскачивал многотонный шарик на цепи, приседая на широко расставленных ногах, а потом с чугунным «бум-м!» ухал по фундаменту. Здание начинало шатко взывать стоном бревен, никому не нужных часов и длинным эхом. Снаружи поддувал сквознячок и плавно вздымал огромные туманообразные простыни паутины, росшей веками на пыльных чердаках, в комнатах между дряхлыми стеллажами и в сырых равнодушных коридорах. На полках, слабо позвякивая друг о друга, двигались чернильницы. Где-то свалился пустой жестяной сосуд и с ведряным громом покатился по этажу.

– Я вас ждал, – негромко сказал Ларди. – Надеюсь, вы не считаете меня занудой?

Михаил не ответил. Он напряженно всматривался в потолок и озирался, прижимаясь к стене.

– Идемте! – бросил Ларди и потащил Михаила вниз, на первый этаж Подземелья. – История, – загадочно произнес в спешке, когда они бежали по лестнице.

– История, – повторил он и толкнул полукруглую кованую дверцу.

Здесь почти ничего не изменилось, прибавилось только пыли и грязи, да спуталась в комки паутина. Коридор ощутимо раскачивался. Подземный великан не унывал, а только распался все больше и с азартным эханьем бил чугунным шариком. Это были только мысли, связанные в образы, которые моментально отпечатались в мозгу и которые Михаил запомнил надолго. С закопченного потолка сыпалась известка, оставляя в воздухе быстро оседающие туманные плоскости, с шорохом отламывалась краска.

Они медленно шли по коридору и нужно было торопиться, но Ларди и не думал спешить и быстро шарил повсюду глазами, в которых появился нездоровый блеск. В одной из раскрытых камер Михаил увидел раскачивающийся человеческий скелет, прикованный к цепи на потолке, но не хватило времени даже на то, чтобы удивиться. Ларди спускался по маленьким лестницам все ниже и ниже, распахивал двери и поводил огнем, не находил чего-то и шел дальше. Михаил никогда не видел такого разнообразия предметов, собранных в одном месте. Тут было все от иголки до полуразобранных механизмов, в коридорах валялись тряпки и почти новые пишущие машинки, предметы, которые ну никак по назначению не соприкасались. В одной из комнат, среди курганов стульев и столов стоял новенький легковой автомобиль, гладкий, низкий, с брезентовым верхом, и было непонятно, как он сюда попал. Все это пылилось здесь множество времени, это был никому не нужный хлам, все это давным-давно надлежало выбросить и сделать комнаты опрятными и уютными. Но чугунный молодец под землей не на шутку разбушевался, отбросил шар, схватил фундамент и как следует потрянул Библиотеку. Михаил и Ларди повалились на пол, Ларди прошептал: «О, Господи!» и затравленно огляделся.

А в это время снаружи Библиотека медленно начинала рушиться, с нее что-то сыпалось, шаркая по стенам и оставляя

в воздухе следы невесомых щепок. Лещь метался по асфальтовой площадке перед зданием, порывался забежать внутрь и в ужасе отбегал, закрыв голову руками, когда рядом ломался от удара кирпич. Корчидон молчал, сидя на тротуаре, и несвязно, как пьяный, бормотал: «Мы им ничем не поможем. Мы не сможем помочь. Мы...» А Лещь тряс Ярана за локоть, царапая руки о шипы, кричал что-то о том, что надо помочь, а Яран хмурился, или, может быть, сомневался, – ничего не выражала роговая безликая маска, стянутая крепкой коричневой кожей и серыми чешуйками...

...Это был огромный, хорошо освещенный зал. Белые крашенные стены сверкали стерильной чистотой, многократно отражая свет бесформенных, словно оплавленных ламп. В центре зала, занимая почти все пространство, лежала невысокая, в метр высотой ячеистая плита, словно пласт огромных пчелиных сот, и под стеклом каждой ячейки шевелился сизый слоистый туман. Туман плавно курился, растекаясь по гладким стенкам двенадцатигранной ячейки, туман яростно рвался наружу, липнув к стеклу темными сполохами, туман жил, чувствовал, мыслил, и Михаил не сразу понял, что это и есть матрицы.

Внезапно туман в каждой ячейке сфокусировался в звериноподобную морду, как недавно, словно облитую горячей пластмассой, и все сто девяносто тысяч девятьсот девяносто девять голов повернулись к ним лицом, беззвучно разинули пасти, показав длинные влажные клыки.

– История не любит таких вот вершителей судеб, – внезапно сказал Ларди и усмехнулся. – Она постоянно натравливала таких людей друг на друга и заставляла им верить и поклоняться. Она могла сделать что угодно: поднять восстание, сделать революцию, запустить в небо космический аппарат, но оказалась бессильна перед единственным человеком, которого не на кого натравить, которому некому поклоняться, некому верить.

Михаилу это все не нравилось. Надо было остаться там, наверху. И нам нравилось то, что Ларди Тоду говорил в прошедшем времени.

– Надеюсь, меня не осудят, – произнес Ларди и выстрелил.

Огненно-желтая струя упала на стекло ячеек, разлилась, собралась в шарики клокочущей смеси, как ртуть, и стекло под огромной температурой стало прогибаться, вспучиваться,

сминаясь в складки. Теняки в матрицах заметались, бешено вращаясь по стенкам ячейки. Шарики жидкого огня перекатывались в ямках, медленно прожигая прозрачный материал, и истаивали. Скоро вся смесь выгорела. Прозрачный верх матриц, полурасплавленный, с шипением остывал и дымился.

– Надеюсь, я делаю правильно, – сказал Ларди. – Хоть раз в жизни и приму самостоятельное решение. Без указки.

Второй залп, похожий на раскаленный жидкий газ, брызгаясь, упал на матрицы, прозрачный верх не выдержал, и смесь вместе с жидкой уже прозрачной частью потекла внутрь ячеек. Освобожденные теняки металась по залу, неестественно быстро и необычно вытягивая голову, меняя форму тела и сокращаясь, жуткие клыкастые пасти тянулись к Михаилу, прижимались к невидимому силовому барьеру, они дергались, беззвучно стонали и кричали, сгорая в огненном желто-оранжевом море огня, гнева, ненависти, злости.

Зрелище было ужасное. Михаил попятился назад, уперся спиной о стену, споткнулся о что-то большое и мягкое, упал на это мягкое. В зале бушевал раскаленный ад, сотнями сгорали теняки, с щелчком втягивались в точку и рассыпались искрами. Михаил встал, схватил бесчувственного Ларди Тоду за отвороты плаща, встряхнул и проорал что-то про то, что надо идти, иначе защита не выдержит и они сгорят заживо. Ларди с грязным от копоти лицом тяжело и хрипло дышал, и силы хватило только на то, чтобы согласно кивнуть. Они с трудом поднялись по низкой тюремной лесенке, закрыли толстую дверь и грохнули засовом.

Пламя рванулось сквозь щели, обдало жаром, и металл двери сразу сделался горячим. Михаил подумал, что было бы, если бы они задержались там на секунды...

– Где выход? – заорал Ларди, перекрывая грохот реющего за дверью пламени, и замотал головой, выискивая выход.

– Там! – Михаил схватил его за локоть, подтолкнул, и они через минуту были этажом выше.

Дверь не выдерживала. Начинили плавиться петли.

Они поднялись еще этажом выше.

Одна из петель вытекла из паза, и на косяке запузырилась ртутная жидкость. Дверь еще держалась.

Они были около Главного хранилища.

Еще одна петля расплавилась, и кувыркающаяся дверь, выбитая чудовищным давлением, с громким хрустом воткнулась в противоположную стену. Пламя жадно набросилось на

дерево и известку, понеслось по коридору, выталкивая из себя раскаленные облака с синим контуром, вскочило на следующий этаж, потом на следующий...

Михаил выбежал последним. Уже сбегая по ступенькам, он ощутил, как неведомая сила толкнула его в спину, обожгла дыханием, швырнула на асфальт. А затем мир со стеклянным дребезгом лопнул над головой, перевернулся в воздухе и упал рядом. Вокруг падали горящие обломки, зазвенел металлический прут, и когда Михаил сел и посмотрел на фасад, пламя яростно рвалось наружу из окон с вырванными рамами. Михаил отбежал подальше и увидел, как Библиотека стала проседать, опускаться, растворяясь основанием в кипящей кирпичной каше. Колонны покрылись натеками и сразу стали похожи на большие стеариновые свечи. На стенах выступал кирпичный пот, Библиотека таяла, словно домик из парафина. Когда от здания осталась только полыхающая крыша в озере вязкого красного клея, наступила тишина, и Михаил сразу почувствовал, что они стоят поодаль друг от друга и смотрят на уничтоженную Библиотеку, на великий секрет, навсегда разгаданный, и каждый думает только об одном: неужели все? Действительно, неужели все? Неужели конец?

Да, конец. Но не им, как пророчил Ларди Тоду, учитель литературы, а всей их прежней жизни, слепой, несправедливой, несправедливой.

Тучи над городом пришли в оживление. Тяжелые их черные туши медленно разворачивались, собирая мощный и никем не виданный заряд, и на секунду все замерло: дома, улицы, животные, столбы пыли. А когда секунда прошла, тучи разрядились в великолепной лиловой вспышке, голубая молния заплясала между небом и землей, буравя грунт, и хлынул сильный проливной дождь. А они впятером стояли среди обломков и молча смотрели, как крыша и клей от здания испаряются розовым паром, уже абсолютно безвредным, и смахивали с лица большие чистые капли.

Корчидон сидел на тротуаре и обалдело смотрел по очереди на цепи, держа их на вытянутых руках, и на горстку железных остатков на земле. Он явно ничего не понимал. Он посмотрел на когтистые диковинные сапоги, но оков там не было. Там было два примятых следа.

Лещ в порванном комбинезоне бродил по краю маленькой черной пропасти на месте здания и заглядывал внутрь. А Ларди плакал, и горячие стариковские слезы, слезы не старо-

го, но уже в преклонном возрасте мужчины проложили две дорожки на грязных щеках.

С соседней улицы послышался рык мотора и шорох по крышек. На площадь вырулил и затормозил гладкий и низкий автомобиль с брезентовым верхом. Автоматически опустилось стекло, из салона показалось безбородое аристократическое лицо, сморщенное от напряжения и дождя, и осведомилось приятным баритоном:

– Не подскажите, где здесь улица Мира?

Михаил посмотрел на него. Человек был очень аккуратно подстрижен и одет в черное. Автомобиль тихонько урчал, мерно работали стеклоочистители.

– Я тороплюсь, понимаете? – добавил он. Подошел Лещь.

– Через три перекрестка налево, – сообщил он, разглядывая незнакомца.

– Спасибо, – поблагодарил аристократ. Закрылось стекло, и автомобиль бесшумно укатил, разбрызгивая лужи.

В противоположной стороне подребезжал подвеской чужой незнакомый грузовик. Жизнь начиналась снова. Конечно, им было трудно. Да и никогда не было легко. Но сейчас еще труднее. Просто надо встать на ноги. Просто заново начиналась жизнь, совершенно другая, без всяких домыслов и предрассудков, но и не без рывков и трещин, жизнь снова появлялась в городе, и за нее можно было быть спокойным. Михаил понял, что они сделали очень важное и полезное дело, и что еще один этап преодолен в его жизни, жизни земного Искателя, и что предстоит еще кошмарно много работы над собой, чтобы остаться все-таки землянином и разобраться в себе, но уже что-то сделано, что-то решено и поставлена точка над «и». А так это здорово, когда поставлена точка.

Глава двенадцатая

Эпилог

«Земля, 34 сектор. Генеральному инспектору УКБО Тарковскому Александру от Ветрова Михаила. Содержание: о феномене инфо-поля.

Дата: 14.05.02

Уважаемый Александр Сергеевич! После нашей с Вами беседы я решил изложить все по поводу «феномена» (подробный отчет прилагаю к записке). Вы меня просили объяс-

нить несколько вопросов без терминологии, а именно сам феномен.

Феномен был выявлен в конце девяностых годов, когда впервые был установлен контакт с аборигенами Рейнгольды. Попутно на этой же планете были найдены несколько совершенно разных по индексу развития племен, никогда не знавших друг о друге. Как показало глубокое нейроскопирование, гуманоиды находились в переходе от первобытнообщинного к рабовладельческому строю и (вторая группа) от первобытнообщинного к феодальному строю. Индекс здоровья пятнадцать единиц, индекс интеллектуального развития три с половиной единицы плюс-минус одна тысячная. Расчеты берутся из данных среднего взрослого гуманоида. Более точных данных пока нет, так как нейроскопирование возможно провести только с воздуха из-за специфических свойств психики аборигенов.

Теперь непосредственно о феномене. Инфо-поле – это фокус нескольких индексов развития с амплитудой в одну единицу на участке площади (в данном случае на планете). Наглядно это иллюстрирует пример с Рейнгольдой.

Я, как Вы уже знаете, оказался в подобной ситуации на подобной планете. Планета теперь носит название Ярана (созвездие Лиры, третья звездная система). Планету населяют несколько разумных групп с амплитудой индекса около двух единиц. Две группы имеют собственные имена: пещерники и горцы. Индекс развития: три целых семь десятых единицы и три с половиной единицы соответственно. Третья группа держится обособленно, уровень – около шести (!) единиц.

Особенности Яраны: помимо климатических парадоксов она обладает мощнейшей индуцированной оболочкой, или информационным полем. Благодаря ему информационные поля двух отдельных личностей перекрываются при общении, и личности понимают речь друг друга, не зная языка. Но оболочка, конечно, примитивная, и без языковых навыков очень трудно разговаривать.

Психология гуманоидов не имеет аналогов, поэтому Управлению Космической Безопасности и Охраны следует применить максимум осторожности и ни в коем случае не использовать нейроскопирование, потому что, как мне объяснили в Институте нейроники, облучение вызовет у них опухоль головного мозга и произойдет мутация».

Из бортжурнала исследовательского звездолета «Гаттерия»:

«20.12.01 локально земного времени. Созвездие Лиры, третья звездная система, планета земной группы, радиус – 1,2 Земли.

В 10.00 местного времени была произведена первая высадка на материк. Группа геологов нашла человека. Человек был без сознания. При обследовании бредил на непонятном языке. Сканирование личной идентификационной микросхемы в зубной пломбе показало: Михаил Ветров, место рождения – Земля, дата рождения – 2.01.76, Искатель (помощник командира), УКБО».

Выписывайте
самую интересную в мире
супергазету
"ГОЛОС ВСЕЛЕННОЙ"!

Инопланетяне, колдовство, полтергейст, загробная жизнь, подробная характеристика представителей нечистой силы и методы самозащиты от них – обо всем этом Вы прочитаете в супергазете!

Принимается подписка

Писатель-фантаст

Юрий Петухов

собрание сочинений в 8 томах.
Переплет твердый, блок сшитый,
суперобложки, с иллюстрациями,
Объем тома – 760 стр.

В собрание впервые войдут полные тексты романов: "Измена", "Кровавая бойня", "Проклятые", "Изверги с Преисподней", "Сатанинское зелье", "Власть Ирода", "Колдовские чары", роман-эпопея "Звездная месть" в 5 книгах: "Ангел возмездия", "Бунт вурдалаков" "Погружение во Тьму", "Вторжение из Ада", "Карающий Меч Бога" и другие романы и повести.

За два тома, первый и последний, вносится задаток – 1200 руб. (в филиале редакции или почтовым переводом). Подписчику выдается абонемент. Тираж ограничен. Подписка проводится по адресам: ул. Новослободская, 24. Рязанский пр., 82/5.

ПОЧТОЙ: 111123, Москва, а/я 40, Петухову Ю. Д.

Выписывайте библиотеку
мистики и ужаса

"ГАЛАКТИКА"!!!!!!

Лицам с неустойчивой
психикой и ослабленной
нервной системой ка-
тегорически не рекомен-
дуется!

ИНДЕКС 73074

Подписка на любой
почте!!!

СНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

Анатомия ужаса

«Раздался петушинный крик. Это был уже второй крик; первый прослышали гномы. Испуганные духи бросились, кто как попало, в окна и двери, чтобы поскорее вылететь, но не тут-то было: так и остались они там, завязнувши в дверях и окнах».

Н. В. Гоголь. «Вий»

* * *

– В своей Первой Жизни я был Неудачником! Да! Да! Неудачником! Я был Неудачником с самого рождения! Начнем хотя бы с того, что я не знал материнской груди. Я был искусственником, и в то время, как другие пухленькие розовые младенцы теребили губами пористые материнские сосочки, я грыз своими голыми деснами резиновую болванку, натянутую на горло склизкой бутылки.

Или возьмем тот факт, что родился я в сентябре месяце, и когда пришла пора идти в школу, выяснилось, что учиться я пойду на год позже своих дружков, так как мне не было семи лет!.. Дружки издевались надо мной, дразнили «дебилом», а затем и вовсе вышвырнули из своей компании. В итоге я потерял целый год Жизни! Окончив школу, я поступил в торговый техникум, но вскоре бросил его: меня тянуло к науке, а приходилось заниматься изучением пошлого дефицита. Этот год и еще два – служба в армии – так же потеряны! Потеряны навсегда! Есть ли большая Неудача, чем Утрата того Времени, что отведено нам на Жизнь?

Институт! Вылетел с третьего курса по собственному желанию нового декана, который, один раз увидев меня, невзлюбил на всю оставшуюся жизнь!

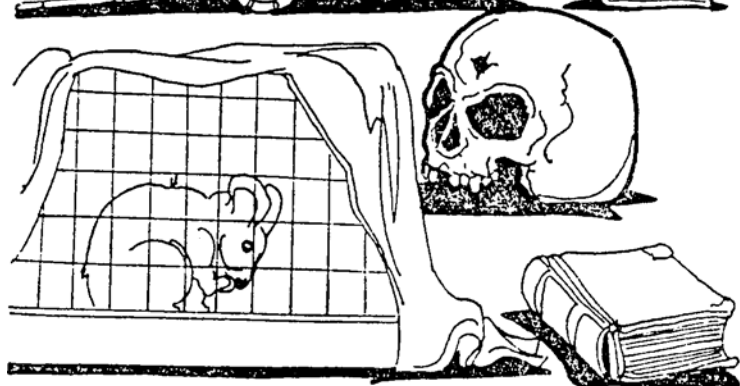
Имея массу гениальных идей в голове – устроился в лабораторию. Идеями занимался дома – в лаборатории приходилось пахать на иван-иванычех и семен-семенычех. вскоре прервались и домашние работы – женился... Прямо скажу: при

всех своих пухлых, мягких формах каждая женщина по сути своей – кованый каблук! Теперь я понимаю чувства червяков, которых мы, не глядя, размазываем по асфальту. Семейная жизнь выбила из меня все гениальные мысли, выжгла во мне все эмоции, спалила Веру в Любовь и в Человека.

Я научился сворачиваться кольцом и уползать в темный угол, чтобы там предаваться розовым мечтам. Так я потерял еще пять лет. Нервный стресс (спасибо семье) швырнул меня в больницу. Извиваясь на белых простынях, я проанализировал свою Первую Жизнь и отказался от нее: уволился с работы, развелся с женой, обменял московскую квартиру на маленький домик в городе «Х» и устроился уборщиком подъездов в один из немногочисленных высотных домов города. Каждое утро я трачу два часа на очистку мусоропровода от вонючих помоев, которые срыгивают туда зажавшиеся жильцы дома, мою лестницы, истоптанные их немытыми копытами. Меня тошнит, выворачивает наизнанку. Вернувшись домой, я блюю каждый день до крови, но затем прихожу в себя, умываюсь: впереди целые сутки и я могу заняться исследованиями. Это и повторить приятно: могу заняться исследованиями! Это моя ВТОРАЯ ЖИЗНЬ. В ней я более-менее счастлив. Цель моих поисков – сделать счастливым все Человечество!

Не много ли для Неудачника?.. Не много! Все-таки я не круглый Неудачник! То, что я родился и увидел этот свет – больше Удача, чем Неудача! А разве можно назвать Неудачей Момент, когда, почти захлебнувшись в трясине Первой Жизни, я все-таки выцарапался из нее?.. Круглые Неудачники – это те, кто или не сумели родиться вообще, благодаря противозачаточным средствам или онанизму их родителей, или те, кто отбросил копыта сразу появившись на этом свете. А раз я не погиб, как миллионы, миллиарды, триллионы других сперматозоидов – значит Судьба дала мне Шанс! Значит где-то меня ждет Удача! И вот сегодня я притянул ее к себе на аркане бессонных ночей, головных болей, полуголодной жизни и тысячей всевозможных Опытов. Я притянул Удачу, несмотря на всю ее изворотливость и попытки ускользнуть от меня. Я обвил ее своим судорожным телом и никуда не отпущу! Я сделал Открытие! Я обнаружил Душу.

В Детстве мне был Сон: я видел Розовые Кущи, среди которых грустно бродили голые синие люди. Они бродили молча, не разговаривая и не глядя друг на друга. От них веяло

какой-то смертной тоской... Внезапно раздался Грубный Глас. Тела людские застыли и, вспыхнув фиолетовым пламенем, растаяли. А на их месте заплясали клочковатые переливающиеся огоньки. Огоньки порхали, переплетались, кружились вокруг друг друга, и это было такое впечатляющее зрелище, что я не мог оторвать от него глаз. Я понял – передо мной Души Людей. Проснулся я внезапно, потому запомнил Сон, и весь день ходил, сохраняя в себе атмосферу блаженства, которое испытал при виде порхающих огоньков... Тогда-то я и задумался – а есть ли в Человеке Душа? Во многих научных книгах ответы сводились к тому, что Души нет, поскольку никто и никогда ее не видел. Чушь собачья! Что мы можем видеть теми двумя дырками, что у нас между лбом и щеками? Только то, что МОЖЕМ видеть! И не более!.. Душа в теле – это не пар, прущий из котла. Душа – это Энергия. А любая энергия, из-ви-ни-те, материальна!... А если она ма-те-ри-альна, значит ее можно сделать видимой! Надо только найти ее проявитель. Я вгрызся в книги, я рылся в детских сказках, я листал старинные и современные философские трактаты, торчал как гвоздь на сеансах экстрасенсов и выступлениях гипнотизеров, заводил разговоры с гадалками – я выуживал все, что касается Души. Я ненавижу поэзию, но я набросился на нее, как золотоискатель на горы песка. На это ушли многие годы моей Второй Жизни. Я систематизировал эти знания, изучал их и начал Опыты: я кормил мышей, лягушек, пятикопеечных цыплят кормом, смешанным с различными вариантами Красителя, а затем резал их пачками, надеясь увидеть выползающую из Оболочки Душу. Я привык не спать по ночам. Я привык, что мои руки по локоть в крови, я привык видеть Танец Агонии. И я не чувствую себя ни садистом, ни изувером, ибо мной всегда руководило Благое и Светлое Желание сделать Подарок Человечеству – найти его бессмертную Душу.

А вчера, поздним вечером, я почал очередную партию мышек, откормленных новым вариантом Красителя... Когда проткнул скальпелем первую сморщенную мышь, перед моими глазами запрыгали непонятные хвостатые огоньки, которые тут же вяло погасли. Переутомление, решил я. Дико хотелось спать. Я плеснул на лицо холодной воды и пригвоздил к столу вторую мышь. И снова хвостатые огоньки заметались передо мной, слились в мерцающий медузообразный ком и

растаяли в воздухе. Мышь еще трепыхала лапками. Ломило в затылке.

Я плюнул, закрыл клетку с мышами и двинулся спать... И тут мой мозг содрогнулся, как от разряда тока: «А если это Душа?» Я выхватил из клетки пищавший серый комок... Хвостатые огоньки вспыхнули передо мной, как праздничный фейерверк! скучились в крошечный дрожащий букетик! и растворились в темноте! Вот оно! Я не мог остановиться! Я упивался зрелищем дрожащих Душ! Затем я рухнул на постель, как был – в крови и мышинных кишках, и мне снова явился Сон Детства.

Я ликовал, видя порхающие огоньки, ибо ощущал теперь свою Власть над ними!

* * *

...Моя Вторая Жизнь увлекательна – она заставляет меня выкидывать такие трюки, на которые в своей Прошлой Жизни я не был способен. «Рискуй! – вопит она мне. – И все в твоих руках!»

И я старался. Я вылавливал на улицах все живое, что летало, бегало, ползало по ним. Я кормил собак, голубей, ворон и других тварей Красителем, и затем выпускал из них Души... Их Души мерцали передо мной, тыкались как слепые утята в разные стороны и затем рассыпались звездным дождем. Сотни опытов показали, что Душа может переходить из одной Оболочки в другую, если последняя в СОСТОЯНИИ ШОКА или СТРЕССА, что старые Оболочки неохотно принимают новую Душу, что чем МОЛОЖЕ ТЕЛО, ТЕМ ЛЕГЧЕ ВСЕЛЯЕТСЯ В НЕГО НОВАЯ ДУША! Она лавой врывается в Оболочку и выдавливает оттуда, как из тубика, все жившее Там. Бывшая Душа бесится, вьется кометой вокруг уже не своего Тела, ищет, куда бы приткнуться, и издыхает, как паршивый пес на живодерне. Одно только не давало мне покоя. Одно, без чего всю мою Работу можно считать неоконченной: я должен увидеть перед собой ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ДУШУ. И я решил.

На чердаке своего дома я наткнулся на старые картины, собрал их, прикупил мольберт, краски, кисти; изменил внешность и уехал за город. Пристроился я в дремучем лесу, возле глухого пионерского лагеря.

Неделю жил в палатке, питался погаными консервами и целыми днями торчал перед мольбертом, делая вид, что рисую...

Этого Мальчика я заметил сразу. Он был не похож на других детей. Другие прыгали, бегали, визжали, а он всегда пасся в стороне, словно искал что-то. Я видел, как он часами стоял, задрав голову в небо или уставясь на какой-нибудь раскоряченный ствол дерева.

Однажды он подошел к моей палатке и замер, просто застыл перед картиной, которую я выставил на улицу. Эту малевань с чердака я захватил с собой на всякий случай. Какой-то чужак в эти картинки, видимо, всю Жизнь вложил. Никогда не понимал и не пойму тех, кто может тратить Свое Время на подобную белиберду. Мальчик застыл возле этой стряпни. Я с ним заговорил. Мальчик отвечал изредка, неохотно, не отрывая глаз от картины. Он стал приходить ко мне каждый день. Я вытаскивал какую-нибудь новую мазню, а этот дурачок утыкался в нее взглядом и замирал, как сурок в пшеничном поле. Я угощал его бутербродами, пропитанными Красителем. Он поглощал их механически, без аппетита. Интересовали его лишь картины. Он явно был не от мира сего.

Прошло несколько дней. Краситель вошел в плоть и кровь этого Мальчика. Но мне нужен был еще один день для завершения Эксперимента... Мне нужен был еще один день, а картин больше не было. Я боялся, что Мальчик не придет – он появлялся здесь только из-за них... Я попрощался с ним и пообещал, что завтра он увидит Необыкновенную Картину! Он кивнул мне и поплелся в свой инкубатор. Я весь дрожал... я боялся, что все пойдет насмарку. Мне нужно было время, чтобы Краситель сработал наверняка. Мне нужна была еще одна Картина!.. Я сидел у костра и меня трясло от злобы. Все! Вся Жизнь моя летит к черту из-за какой-то мазни!

Я схватил одну из старых картин и швырнул в костер! Она вспыхнула фиолетовым пламенем: словно Душа ее Создателя трещала передо мной в ненасытном огне... Я не заметил, как в моих руках оказались кисти, краски и палитра... я замазал первое попавшееся пыльное полотно таким же огненно-фиолетовым цветом. Что еще? Я плеснул из тюбика ядовитозеленую краску – она зазмеилась по поверхности зловонной стружкой. Я испугался, что все испортил, и принялся превращать струю во что-нибудь на что-нибудь похожее. Никак не ожидал, что получится ЧЕРВЯК... гнилой, ядовитый Червяк. Я снова вцепился в кисть. Мной овладело Неистовство!.. Я весь трясся от какого-то неизъяснимого Чувства. Червяк! Ядовитый Червяк! Не то, не то, не то... Вот! Я пририсовал Червяку

огненно-красные глаза. Бред... так не бывает... ну и черт с ним – у меня будет! Что еще? Мощные крылья! Горящие желтые когти! Был Червяк, стал Дракон! Дракон над миром! Властелин! Горы должны быть маленькими. И еще меньше – люди. Множество голых, синих, разбегающихся в панике людишек... и... и клочковатые огоньки, которые испуганно трясутся за удирающими оболочками. Теперь я знаю, чей Трубный Глас был мне во сне! Теперь я постиг, что такое Предопределение! Судьба! Вот мой Шанс спасти Мир, став над ним!

...Я не заметил, как рассвело. Я не мог уснуть... я ждал... я ходил кругами вокруг палатки... у меня сводило грудь от нетерпения.

Мальчик пришел как обычно. Я выставил картину. Он застыл возле нее... буквально прилип к полотну... Я заметил, как в каком-то нервном ознобе дрожит его тело. Он повернулся ко мне. Я увидел его бездонные Глаза... Он прошептал: «Это... вы?» – и снова, словно загипнотизированный, уткнулся в полотно. Я достал из кармана скальпель и стал заходить за его спину...

Еще раз повторю, я не считаю себя ни садистом, ни изувером, ни живодером, ибо мной всегда руководило Благое и Светлое Желание сделать Человечество счастливым! Мне нужно было закончить Эксперимент!

Мальчик соскользнул в траву как лента, которую мы пытаемся поставить вертикально.

Это был чудный Мальчик. Его Душа вспыхнула Радугой. Она дрожала передо мной в воздухе. Она растаяла в голубизне Неба. Мне показалось даже, что я услышал Дивную Музыку...

Тело я сунул в специально приготовленный рюкзак... Все вещи были уже уложены. Палатку я собрал мгновенно... Через час я был далеко от этого Места. В сыром паскудном овраге я переоделся, умылся, сложил все свое старье, палатку, кисти, краску, рюкзак с Оболочкой Мальчика в одну кучу, которую обильно полил бензином и поджег... Еще через двадцать минут я ехал в переполненном автобусе в противоположную от своего города сторону. На далекой заплеванной станции я сел на «дизель», с него перескочил на электричку и к вечеру был дома.

Я счастлив: все получилось!

* * *

Через час я иду на неслыханный Риск!

Я заметил их давно. Симпатичная пара: муж и жена. Молодые папа и мама. Константиновы Ольга и Юрий. Здоровые, крепкие Оболочки... Неделю назад у них родился Я! БУДУЩИЙ Я! Они об этом еще не знают. Своего мальчика назвали Женькой. Что ж: вчера я оформил доверенность на КОНСТАНТИНОВА ЕВГЕНИЯ ЮРЬЕВИЧА – что в год своего совершеннолетия в его собственность переходит мой теперешний домик со всей лабораторной утварью... Через семнадцать лет я продолжу там свои работы... ЕСЛИ ВСЕ ПОЛУЧИТСЯ... Риск огромный, но меня больше пугает срок: придется начать все с младенчества – СТАРЫЕ ОБОЛОЧКИ НЕОХОТНО ПРИНИМАЮТ НОВЫЕ ДУШИ. Только бы не забыть – кто я!

Я наблюдаю за ними. Их излюбленное место для прогулок с ребенком в парке за трамвайной линией. Они гуляют там в строго определенное время – интеллигенция.

Сегодня один потертый, сморщенный человек в изношенном коричневом пальто перед самыми их ногами попадет под трамвай головой вперед... Мать, конечно, завопит. Отец вздрогнет. ИХ СТРАХ ПЕРЕДАСТСЯ РЕБЕНКУ! ГЛАВНОЕ, ЧТОБЫ РЕБЕНОЧЕК ЗАКРИЧАЛ ТАМ ЖЕ – НА УЛИЦЕ. Душа может переходить из одной оболочки в другую, если последняя В СОСТОЯНИИ ШОКА ИЛИ СТРЕССА. Главное, чтобы он ЗАКРИЧАЛ!

Я ненавижу Несправедливость! Я ненавижу Несправедливость во всех ее проявлениях! А что я вижу в Жизни? Бог с ним, если Сильный давит Слабого – это Селекция! А вот когда Посредственность уничтожает Талант, когда Тупость сжигает Идею – это несправедливо! Сколько таких одиночек, как я, корпят ночами над глыбами книг, над стеклами микроскопов, строчат романы, копаются в кишках, а потом не в силах пробить ни строчки из того, на ЧТО ушла их Жизнь!.. Кто поможет этим запаршивевшим, тлеющим в своих лабораториях, как в ямах, людям?.. Я выручу Человечество из Плена Дубизма! Я научусь перемещать свою Душу из одной оболочки в другую! Я пройду по душам бюрократов, как по Дерибасовской!

ТОЛЬКО БЫ РЕБЕНОЧЕК ЗАПЛАКАЛ!

* * *

– Не забыть, Кто я... не забыть, кто я... не забыть... не забыть (отчаянно), Кто я?.. Кто я?.. КТО Я?!

- Как же мне, Илья Муромец, со гроба повыйти?
- Доктор, что с ним?
- Ничего страшного – просто беспокойный ребенок. Подвижная психика...
- Кто я?.. кто же я?.. я не червь! Я – человек! Не спать! Не спать! Чушь собачья! Что мы можем видеть теми двумя дырками, что у нас между лбом и щеками?! Только то, что можем видеть! И не более!
- Идите за мной и я сделаю вас ловцами человеков!
- Бери меч, Илья Муромец, секи ведь, да секи эти обручи! Да надо со гробу повыйти мне!
- Душа – это энергия!.. Душа – это энергия!.. Душа – это энергия! А энергия, из-ви-ни-те, материальна! А если она материальна, значит ее можно сделать видимой!
- Да не волнуйтесь, мамаша, зубы у него режутся...
- Илья, припади-тко ко гробу, ко щелочке – я вздохну тебе да прибавлю силушки.
- Помни, помни, помни: эксперимент требует человека!.. Все вы оболочки! Не бывает червяка с красными глазами?.. Я буду! Был Червяк – стал Дракон! Дракон над миром! Властелин!
- Доктор, у него взгляд взрослого человека!
- У всех детей взгляд кажется взрослым...
- Закрой глаза... спи, но не засыпай... держись!! помни, кто ты. Помни, кто ты!
- Каб припал ты, Илья Муромец,дохнул бы я в тебя ВЗДОХОМ МЕРТВЫМ, уснул бы ты у гроба ведь... а я через щелочку... тс-с-с...
- Ты хочешь влезть в мою оболочку, Святогорчик-богатырчик? Не пущу! Не пущу!..
- Приду я к вам в образе Сына Человеческого, а вы и рады будете...
- Я не считаю себя ни садистом, ни живодером, ни изувером – ибо мной всегда руководило Благое и Светлое Желание сделать Человечество счастливым!..
- Он совсем не касается игрушек. Он не слушает сказок.
- Батюшка, прости меня! Грех попутал, конь убежал! А колдун хлопнулся о сыру землю, сделался серым волком и пустился в погоню: вот близко, вот нагонит!
- Это был чудный Мальчик! У него была Чудная Душа! Она вспыхнула Радугой! Она дрожала передо мной!

– Конь прибежал к реке, ударился оземь, оборотился ершом и бултых в воду, а волк за ним Щукою...

– Трансформация! Трансформация человеческой оболочки! Думай-думай. Это же перспектива... Но биться о сыру землю?! больно! больно! больно!!! Сегодня один потертый, сморщенный человек в изношенном коричневом пальто перед самыми их ногами попадет под трамвай головой вперед!.. ТОЛЬКО БЫ РЕБЕНОЧЕК ЗАПЛАКАЛ!

– Ну успокойся, успокойся... это же сказка... На самом деле Серый Волк далеко в лесу. Маленьких мальчиков он не ест...

– ТОЛЬКО БЫ РЕБЕНОЧЕК ЗАПЛАКАЛ!

– А колдун обернулся ПЕТУХОМ, закричал на весь Мир, и бросился клевать... А одно зерно обернулось...

– Никак не ожидал, что получится червяк: гнилой, ядовитый червяк!

– Это вы?

– Это был я! Это всегда буду я! Я буду скользить из оболочки в оболочку! Я познаю Человечество во всех его Добротелях и Пороках!

– Ты монстр!

– Кто сказал?.. Я слышал чей-то голос?.. Никогда не знал, что Земля так чудовищно пахнет... Что это?.. Гул Времени, которое надвигается на меня?

– В чем виновато дитя чистое и непорочное, что ты изъял Душу его и распылил во прах?!

– Но мне нужно было закончить Эксперимент? Мне нужно было закончить Эксперимент!.. Главное не разговаривать во сне!.. Главное – не разговаривать во сне!

– Не касайся больше Души моей своими подлыми пальцами! Не заставляй думать о тебе, верить в тебя или ненавидеть тебя!

– Теперь я знаю, чей Грубный Глас был мне! Теперь я постиг, что такое Предопределение! Судьба! Вот мой Шанс спасти Мир, став над ним!

* * *

– Первая и Вторая Жизни – в общей сложности 50 лет... Плюс еще семнадцать! Шестьдесят семь годов, а я по-прежнему юн. У меня никогда не было такого крепкого, здорового тела... Семнадцать лет, как сплошной кошмар. Вечный, парализующий Страх – НЕ ЗАБЫТЬ СЕБЯ и НЕ ВЫДАТЬ СЕБЯ!

Я просыпался от собственных криков, проклятий, судорожного бормотания, испуганно водил глазами: не подслушал ли кто мои мысли?... Но вокруг торчали мерзкие физиономии моих новых «родителей». Они переглядывались и агукали мне. Кретины! Они агукали, а я думал: «Слава богу, что мой язык пока не слушается меня. Слава богу, что мои руки и ноги не подчиняются мне... Главное – не выдать себя!»

Дальше я приспособился. Я стал притворяться во всем: играл в ребенка... Как это противно – глотать теплую кашу и муштровать игрушки! Какое бессмысленное это время – Детство! Бессмысленное и никому не нужное! Меня тошнило от всех этих сюсюканий и умилений, пеленаний и кормлений. Когда ко мне подносили материнскую грудь, я содрогался от омерзения... Но приходилось играть в Сына, во Внука, в Постыжение Мира. Я даже вошел во вкус этой Игры. Мне доставляло бешеное удовольствие задавать моим «родителям» сотни коварных «зачем» и «почему» и видеть, как они извищаются, чтобы дать мне полные и исчерпывающие и в то же время доступные моим мозгам ответы...

В школе я играл в Ученика: постоянно забывал, что дважды два – четыре, а не пять и не восемь; что «жи-ши» пишутся с буквой «И». Наконец в шестом классе я вздохнул свободней: позволил себе «увлечься» химией и биологией (так сказать, выявил свои наклонности). Это дало мне основание посещать читальные залы и изучать специальную литературу. К восьмому классу я стал круглым отличником. Родители гордились мною, но почему-то не любили смотреть мне в глаза... Записей я не вел – боялся разоблачения, но зато у меня было ВРЕМЯ ДУМАТЬ!.. Я многое постиг. Я понял, что нужно сделать, чтобы Человечество стало счастливым и гармоничным! Да-да! Гармоничным! Я нашел Путь к Гармонии!

Произошла Ошибка! Природа допустила Большую Ошибку! Как получилось, что Души Человеческие упакованы во внутрь этих примитивных Оболочек и недоступны Взгляду со Стороны?! Где же Справедливость, если Подлая Склизкая Душонка имеет Прекрасное Тело, и наоборот – Душа Чистая и Светлая скрючена в Уродливой Поганой Плоти? Отсюда и Наше Недоверие друг к другу, и Наши Злоба, Зависть, Подлость и Неверие в Идеалы!

Я вижу Мир как колоссальный, сияющий золотом Дворец, вокруг которого бесконечными и гармонично-ровными рядами покоятся Оболочки. А в самом Дворце – Души! Светлые,

Чистые Души порхают под его сводами, скользят в небесных хороводах, сияют солнечными радугами – этакий Рай в миниатюре!

А Души Гадкие, Подлые, Вонючие, Злобные – гнилыми медузами ползают по дну и пожирают друг друга...

А дальше Страшный Суд! Великое Расселение! Душам Прекрасным я дам и Прекрасные оболочки! А Душам Подлым – Плоть Дрожащую, достойную их самих!.. Великая Дифференциация!.. Это ли не Гармония!! Это ли не Идеал? Это ли не Разрешение Вечной Проблемы – КАК ЖИТЬ. Среди Розовых Куц станут ходить Прекрасные Люди. Они создадут Прекрасные Произведения Искусства. Они будут красивы, благородны, праведны и счастливы. Они будут жить в белых солнечных Городах. А под их ногами, в подземных кривых коридорах, загнездятся колонии для Душ Подлых, не достойных именоваться Человечеством!

Удел Подлых – своим трудом содержать Прекрасное, Доброе, Вечное! Что? Не ново? Фашизмом пахнет? Достоевщиной?.. или чем-то в этом роде?.. Из-ви-ни-те! И Достоевский, и Ницше, говоря о Сверхчеловеке и Тварях Дрожащих, могли только предположить КТО ЕСТЬ КТО! Отсюда и возможность Ошибки, отсюда и НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ! А мы-то будем все ЗНАТЬ ТОЧНО!.. И не только знать, но и корректировать это Знание ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПРОВЕРКОЙ!

Мне не нужно столько человек, сколько живет сейчас. Достаточно двух-трех миллионов. Пусть матушка Земля этих прокормит. Эти два-три миллиона делим на Праведников и Подлых! А остальные пусть ждут своего Часа во Дворце! В том самом Дворце, который будет сиять посреди червивого яблока, именуемого планетой Земля. Страшный Суд станет той Периодической Проверкой на Чистоту Душ: если хоть пятнышко появится у Праведника – из плоти вон на выздоровление, или в распыл... Подлая Душонка порозовела? Что ж – каждому свое – розовой, голубей, тянись к Идеалу! Станешь лучше – будешь Человеком во плоти! Мы Душу каждого рождающегося ребенка проверим на чистоту! Этакая Всемирная Селекция! И как гарантия Успеха, над всем эти Миром космическими глыбами зависнут: Кара – за Грехи и Блаженство Существования – за Праведность! Вот оно – Царствие Земное, к которому во все века стремилось человечество!.. Тс-с-с...

Кто здесь?.. Иногда у меня возникает ощущение, что кто-то подслушивает мои мысли... Тс-с-с...

* * *

Еще в первом классе своей Новой Жизни я почувствовал этот сверлящий взгляд в спину... С тех пор все года я ощущал ее ОСОБОЕ ОТНОШЕНИЕ к себе. И не только ее: у женщин, прямо-таки, дьявольский нюх на Тайну! Я физически ощущал их ненасытное желание влезть в меня и там пройти своими крысиными носами по тайникам моей Души... Хотите иметь Власть над женщинами – никогда не раскрывайтесь перед ними, будьте для них вечно загадочным Сфинксом. В противном случае вас размажут изящным каблучком по асфальту Жизни... Во мне есть Тайна (разве моя Прошлая Жизнь – это не Тайна?). Поэтому я постоянно чувствовал на себе липкое женское Внимание. Я уверен, что Любви у этих созданий нет – им все заменяет Любопытство! Они не способны на какие-либо возвышенные Чувства... ЭТА преследовала меня с первого класса, а к семнадцати годам ее внимание ко мне стало особенно болезненным. Она сделала все, чтобы заставить мою Оболочку забраться к ней в постель. Неужели она думает, что этим можно удержать мужчину в своей власти?.. Мы встречаемся у нее дома, и очень любопытно наблюдать, как наши Оболочки, дрожа от возбуждения, свиваются и переплетаются в немыслимые сладострастные конфигурации... Моя Оболочка содрогается в любовных корчах, а я, словно бог, парю над всеми этими зигзагами похоти... Я совершенно спокоен, независим от страстей своей Плоти, и это придает всему происходящему еще большую пикантность... О, какие слова звучат там, какие ласки овевают мою Оболочку. Я даже позабывал этому молодому упругому Телу, моему сегодняшнему пристанищу. В Прошлой Жизни меня никто так не ласкал. И, знаете, я почувствовал некое Раздвоение в себе. Помимо холодного безразличия к Марии (экое библейское имя дали этой свистушке) во мне появилось какое-то Новое Чувство – очень мощное, бурлящее, но... не мое! Может, это половые инстинкты грешной Плоти дают о себе знать?.. Я пошел на эту связь с Марией не из-за прихотей Зудящего Похотью Тела: мне нужно на ком-то проверить свои Будущие Опыты – мне интересна Трансформация Человеческой Плоти (можно ли превратить человека, к примеру, в червя... и наоборот; можно ли впихнуть Человеческую Душу в оболочку собаки; и заключительной

ступеню моих Опытов будет создание Прибора, способного изымать Души из Оболочек на расстоянии... То есть мне нужен соратник, преданный мне Телом и Душой! Мария, вроде бы, подходит... Как Мальчик?.. Кто сказал?.. Забудь-забудь-забудь его! Он БЫЛ НУЖЕН ДЛЯ ЭКСПЕРИМЕНТА! Это не убийство! Иначе мы всех ученых, которые в своих работах связаны с человеческим материалом, должны считать садистами и убийцами!.. Я старался забыть тебя, Мальчик! Представить Прошлое Тяжелым Больным Сном! Прошлое и есть Сон – Реальное переплетается с Придуманым, с Желаемым, и со временем невозможно понять – что же было на самом деле, а что является порождением Фантазии! Тебя нет, Мальчик, как нет и того Младенца, который заплакал возле трамвайной линии – ВЫ СОН! КОШМАРНЫЙ СОН! Вы всплеск моего больного Мозга! Есть только я!

Я один!.. Кто здесь?.. Мария?.. Ты?.. Что случилось?..

– Я... я жду ребенка...

– Что?.. Не понял...

– У меня... у нас будет ребенок...

Черт. Надо что-то делать, что-то придумать. Влип подураски, дитя шестидесятисемилетнее.

– Ты это серьезно?

– Что будем делать?

– Я не знаю...

– Я тоже не знаю... (Руби на корню, болван. Это очередная попытка подмять тебя под кованый каблук. Да и кого она может родить от тебя? От тебя – чьи Душа и Тело не живут, а сосуществуют!.. Дьявола?.. Ха-ха-ха! Богородица с дьяволенком на руках! Да и какая она, к черту, богородица!) Значит так: если хочешь быть со мной, то чтобы ребенка не было...

– Как?

– Как хочешь! Как получится! Как сумеешь! Он мне не нужен! Все! (Ничего – перетерпит! Аборт – это не самое страшное в Жизни. Они сейчас лепят аборты, как блины пекут. Потом еще спасибо скажет. Но надо быть осторожнее... не разменивайся... Помни о Предназначении!) Ну что уставилась? Я тебе сказал – все! и свободна! И нечего здесь мокнуть! (Ух, как трещит голова.)

* * *

Голова... Трещит голова... Ощущение, что я раздваиваюсь... Кошмарные Сны Детства. Там тоже случилось такое...

Плач... невнятный дебильный лепет... перед глазами лопающиеся пузыри... в ушах свист Времени... Голоса... Словно через меня прет целый Мир с его звуками... Приступы тошноты... Какая-то эпилептическая дурнота...

Временами мне кажется, что я вот-вот ударюсь в безумном припадке. После разговора с Марией меня душит дикое Негодование... **НО это НЕ МОЕ НЕГОДОВАНИЕ!** Меня трясет от Ненависти к себе, но это **НЕ МОЯ НЕНАВИСТЬ!** Откуда все это?.. Кто здесь? **КТО ЗДЕСЬ?**

– Я...

– Ты?.. ты жив? а как же... а почему?.. впрочем, чего я нервничаю? Это можно было предвидеть. Значит я **НЕ ПОЛНОСТЬЮ ВЫДАВИЛ ТВОЮ ДУШУ**, что-то осталось, уцепилось и тихим сапом проросло... То-то я все время чувствовал, что кто-то меня подслушивает, лезет в мои мысли...

– Ты должен оставить мое Тело!

– Разбежался. Что ж, мне вольным ветерком да в форточку?.. Перетерпишь!.. Довежу свои Опыты до конца, а там отдам тебе твою поганую оболочку...

– Подонок!

– Тебе видней. Ты же, можно сказать, семнадцать лет изучал меня одновременно со стороны и изнутри... Подонок так подонок... Но сейчас Мой Шанс в Жизни и я его не упущу!

– А о моем Шансе ты не думал? Или о Шансе того Мальчика, которого ты...

– А кто вы такие, чтобы о вас думать? Будем считать, что вы Круглые Неудачники в Жизни!.. Впрочем, у тебя будет Шансик. Так и быть – я оставлю тебе твою Оболочку. Дай только закончить Эксперимент. Я перескачу в другое тело и поминай, как звали.

– Ты меня не понял. Я считаю, что ты должен покинуть мое Тело и умереть!

– За что же такое суровое наказание?

– За то, что ты подонок!

– Ну-у... быть подонком – это еще не преступление! Подонков у нас миллионы. Если всех начинать укокошивать – это будет похоже на геноцид. А если ты насчет **ТОГО Мальчика**, так в **ЕГО СМЕРТИ БЫЛА НЕОБХОДИМОСТЬ!** А если ты насчет Царствия Земного, если ты дрожишь за людишек с их душонками, то опять я здесь не одинок. Что, собственно говоря, есть вся История Человеческая, как не **БОРЬБА ЗА ДУШИ ЛЮДСКИЕ?** Испокон веков за **ЭТО** боролись... Имен-

но за ЭТО. Разве грызня мусульман с христианами – не борьба за Души?.. А подвиги и страдания миссионеров? А фашизм не предполагал ломку Душ и их подчинение себе? А святая инквизиция за что воевала? За золотишко, что ли?.. На кострах трещали и люди, и книги! Какая разница? Да никакой! И там, и там горели Души!.. Что страшнее – уничтожить, к примеру, народ майя или их книги, обряды, культуру, знания, память? Именно поэтому сознательно уничтожались античные библиотеки, скульптуры, выкорчевывалось все из сознания людей!.. Так что, дорогой мой, МНЕ НУЖНО БЫЛО ВЫДАВИТЬ ТВОЮ ДУШУ для того чтобы сохранить свою. Другого пути у меня не было. К тому же, разве тебе было плохо со мной? Благодаря мне ты столько познал... А какие удовольствия ты испытал, когда я сводил твое Тело с Телом той же Марии? Разве не ты свивался спиралью от сладострастных судорог?.. Конечно, ты меня ненавидел, но разве ты не сопереживал всем моим сокровенным замыслам?.. Отдай должное – они были заразительны, и, наверняка, их семя ты носишь в себе.

– Да... ты развратил меня.

– Что поделаешь: я же не догадывался, что ты существуешь... И знаешь к какой мысли ты меня подтолкнул?.. Послушай, тебе, наверно, это будет интересно. Многих великих людей посещала «божественная болезнь» – так, по-моему, эпилепсию называли? А не есть ли эта болезнь БОРЬБА НЕСКОЛЬКИХ ДУШ В ОДНОЙ ОБОЛОЧКЕ? Иначе чем можно объяснить гениальные проблески, прозрения, предсказания? Македонский, Цезарь, Достоевский, Магомед... Откуда идут все эти семена? Стоп! Вспоминай! Вспоминай! Это был один из снов...

* * *

– Братья и сестры! К Вам обращаюсь я – Верховный Жрец Острова. Сегодня произойдет то, что даст бессмертную Славу Нашему Роду и Вечную Жизнь Вашим Душам!

Во Славу Рода Нашего обрушили Мы силы свои на племена варваров, обитающих на бескрайних просторах Материка. Мы могли размазать их, как червей по каменистой почве, но мы потерпели Поражение, ибо в этом Поражении наше Будущее!

Братья и сестры! Род наш стал худ, тела наши истощались, кровь наша охолодела, и нас ждет бесконечно мучительное Вымирание... Но мы разнесли по всему свету слухи о На-

ших Богатствах, мы зажгли Алчность в сердцах бесчисленных варваров, мы отдали в Жертву Своих Сыновей и Братьев, ибо в их Поражении Наше Будущее! Тысячи кораблей окружили Наш Остров, сотни тысяч Ртов втягивают Жадную Слюну, миллионы Хищных Рук дрожат от Желания разграбить то, что накапливалось нашими Предками! Стаи немых, поганых варваров топчут Нашу Землю и грядут сюда! Но знайте – лишь коснется рука неверного Священных Стен Города Нашего – произойдет Великое Землетрясение и тела варваров будут обращены во прах, и Ваши Тела будут обращены во прах, но души тех, КТО ЗА СТЕНАМИ ГРАДА, расплавленной магмой оползут в бездонную Пропасть, где будет плач и скрежет зубов, а ДУШИ РОДА НАШЕГО, подхваченные невиданной доселе СИЛОЙ, ВОЗНЕСУТСЯ к небесам и РАСПЫЛЯТСЯ во Времени и в Пространстве! И сила эта создана Умом Человеческим и питаться она будет Верой Вашей! И Ужас охватит дрожащие тела неверных, злобной стаей сжимающих свои корабли вокруг Дома Нашего! И Души Ваши ВОРВУТСЯ в ПОЛНОКРОВНЫЕ ТЕЛА ИХ И ОБРЕТУТ НОВУЮ ЖИЗНЬ! И будете Вы пересекать Жизнь по телам варваров, как путник переходит бурную реку по высоким блестящим камням... Но помните: «Вот вышел сеятель. И когда он сеял, иное упало при дороге; и налетели птицы и поклевали то. Иное упало на места каменистые и, как не имело корня, засохло. Иное упало в тернии, и выросли тернии и заглушили его. Иное упало на добрую землю и принесло плод!» Кто имеет уши да слышит! Кто имеет разум да разумеет! Я скажу, что сильные духом пронесут Знания Свои и Чувства Свои через Века, но НЕ БУДУТ ПОМНИТЬ, ОТКУДА ОНИ И КТО ОНИ. А слабые духом потеряют себя навеки. И да минуют Вас и тернии, и каменистые почвы, и хищные птицы, и да будете Вы иметь силы и умение переходить из тела в тело, проникать в Плоть Животных и Птиц, Трав и Дерев, Насекомых и Гадов... И пройдут века и способность Ваша будет угасать, и вновь станет Вашим Домом лишь немощная Плоть Людская, и через века приду я к Вам в образе Сына Человеческого, и мы верой своей и Знаниями своими вновь создадим невиданный порыв Энергии, и, пронзая Пространство и Время, вновь ворвемся в тела варварские – полнокровные и сильные! И Удивительные Судьбы пройдемте Вы! И будут Судьбы эти строками КНИГИ ВАШЕЙ ЖИЗНИ. И познаете Вы и Власть, и Славу, и Вдох-

новение! И Вашим Знаниям и Мыслям будут обязаны Будущие Века Человеческие!..

Братья сестры! К Вам обращаюсь я – Верховный Жрец Острова! Укрепите Веру Вашу, ибо близок Миг Вашего Вознесения!! Умастите Тела Ваши благовониями! Облачитесь в белые Одежания! Возьмите в десницы Ваши пальмовые ветви! Наденьте на Главы Ваши Золотые Венки! Ибо близок Миг Вашего Бессмертия!

* * *

– Как? Массовое переселение Душ? Стоп! стоп! стоп! Что за Остров? Думай-думай-думай! Что за остров? Что мы знаем об Атлантиде? Атланты были разбиты где-то в районе Пра-Греции, победители вступили на остров, и остров исчез! Взорвался! Раскололся! Сгинул! Ах, какая случайность! Ах, какое совпадение! Ах, как все это прикрыто! Была создана невиданная по силе Энергия! Был искусственно вызван Шок у людей! И погибшие атланты совершили Неслыханное доселе Вторжение! Или все это Сон? А если не Сон? Что же это? На что я наткнулся? Я – что? – как приемник начал ловить времена-эпохи? Стоп! Выходит – я не первый... Дурак... Ой, дурак! Как же это я?! Не допёр до простейшего – все, что говорится о Душе – ЭТО ОСТАТКИ ЧЬИХ-ТО ЗНАНИЙ! Куда ведут твои корни, жрец Острова? Так вот с чем боролся Христос?! Не эта ли болезнь рвет и мою оболочку? Пока Вторая Душа «торчала» и сопела в две дырки – все было нормально! Слабое шевеление и тошнота эпилептическая!

– А-а...

– Молчать! И неизвестно чем занимались в подвалах инквизиции – не ту ли задачу ставили и они: выявить материальность Души и способы проникновения ее в Другое Тело? Ведь докопались же до того, что бес может проникать в человека через рот и в состоянии Шока! И изуверские пытки и аутодафе – не есть ли это попытки вызвать массовый Шок? А колдуны Африки? А Будда со своими перевоплощениями? Стоп! А чего собственно я распахивался? Это ли не подтверждение моим опытам? Значит попытки были и Попытки удачные! Стоп! Выходит, что Я – это тоже Семя, заброшенное нам Оттуда? Что ж: Семя так Семя! Пророс – значит выжил! Значит – это Мой Шанс! Вот так-то, Мальчик – законное право, данное мне из Глубины Веков!..

Мой Мозг – как переполненный колдовскими варевами Чан – бурлит от Наплывающих Кошмаров Прошлого, Настоящего и Будущего... Они, словно изнемогающие от Похоти Черви, скручиваются в жирный, пульсирующий Клубок... Этот Клубок разрывает мой Череп!.. Прекрати напоминать мне о Мальчике! Я не хочу видеть перед собой его Бездонные Глаза! Я не хочу... не хочу... не хочу, чтобы ты находился рядом!.. Ты специально подтолкнул меня к Зеркалу, чтобы в Своем Отражении я увидел ЕГО ГЛАЗА! Ты специально подтолкнул меня к окну, чтобы я заметил Радугу, похожую на Душу этого Мальчика! Невыносимо!.. Что это? – Гул Времени надвигается на меня? Кто ты?.. Мария?.. В чем дело, Мария?

МАРИЯ. Все... Я убила ЕГО... Я сумела родить его одна, я сумела и убить его.

– ...

– Я завернула его тельце в газету, положила в ведро, завалила мусором и высыпала в помойный бак во дворе... Ты доволен?

– Ты говоришь об этом так спокойно?

– А что? мне нужно сходить с ума? рвать на себе волосы? орать благим матом: «Закатилось солнце... пардон... тельце нашей любви! Закатилось между кучами дерьма на дэзовской помойке!» Я сделала, что ты сказал... Ты доволен?

– Доволен.

– Очень доволен?

– Я в восторге.

– Но ты же сам приказал, чтобы я это сделала!

– Ну я приказал, ты сделала! Чего еще? Ты хотела, чтобы я был с тобой – я буду с тобой!

– Тебе не жаль меня?

–

– Тебе не жаль его, тебе не жаль меня... Кто ты?

– Я?.. Я – бог.

– Ты дерьмо, а не бог! Ты бог?! Ты можешь понять, что испытала я, когда рожала одна, когда валялась без сознания посреди пустой квартиры, как врала своим родителям, которые нашли меня в беспомощности, как вырывалась из рук врача, которого они вызвали. Врач определил, что были роды. Он сообщил в милицию. Слава богу, что мусорный бак был увезен, а на его месте стоял новый, слава богу, что на городской

помойке слишком много бездомных собак, которые до приезда милиции успели сожрать тельце ребенка вместе с костями и газетой, в которую он был завернут! Слава богу, то есть слава тебе, что все ЭТО вообще случилось!?! Слава богу, то есть слава тебе, что все ТАК произошло!?! Слава богу, что я все это узнала... Если бы я это не узнала, я была бы менее счастлива!.. Кто ты? Кто ты? Чем ты так притягиваешь меня к себе и зачем так мучаешь? Зачем ломаешь мою Душу собой, своими поступками, своими размышлениями?.. Ты всегда улыбаешься, а я чувствую, что ты патологически зол. Ты красив, а я иногда ощущаю тебя Диким Злобным Старцем! Ты развратил меня так, как может развращать только очень опытный подонок! Ты раздвоенный, как язык змеи!.. Кто ты? Сегодня ты приснился мне в Образе Огромного Червя с бешеными, красными, как фонари, глазами. Ты летел над Миром и развращал Души Людей! Ты вырывал Души людские из их тел и огромными когтистыми лапами лепил какое-то мерзкое, смердящее Чудище! Кто ты?!

– А кто ты такая, чтобы меня об этом спрашивать?

– Я?.. Я убийца... я самая подлая тварь на свете... я таилась, я редела по ночам... я любила и убивала его; я чувствовала, как хрустят кости его, как сжимается плоть его, как стонет во мне этот маленький живой комочек. Я покрывала лицо свое жирным слоем грима и пудры, чтобы скрыть бледность лица своего, и пятна на лице своем, и оранжевые круги под глазами своими... Я травила тело свое, глотая уродливые таблетки, я травила Его – свой маленький родной комочек... Он понял Судьбу Свою и смирился с Судьбой Своей... А сердце мое огненным солнцем жгло Душу мою и разрывалось между Любовью к тебе и Любовью к Нему... И настал Тот День, и я сделала все, что ты велел, и я сгубила тот маленький нежный комочек, который носила в себе. Он успел вдохнуть в полглоточка, он успел взглянуть на меня в полглазика, он жалобно пискнул в руках моих, и хрустальная слезинка чистых глаз Его с печальным звоном разбилась о липкий линолеум темной квартиры моей... Я металась в горе и отчаянии, я не находила места себе, я истекала кровью и сознание покинуло меня... И увидела я в полнеба Глаза Матери своей и вздутые стекла слез в Глазах Матери своей, и волосатые бесконечные Руки Доктора, разрывающие желтый туман. И превратились Руки его в горящий огненный шприц, похожий на хищное Жало Осы. И он пронзил меня, и туман рассеялся и увидела я пальцы свои

на шею ребенка своего... Мой маленький, мой родной комочек был жив еще... Его нежные пальчики вздрагивали в последней судороге горя... И дрогнуло Небо, и закружилось в бешеной Пляске, и Черная Мгла окутала тело мое, и видела я, как упала с Неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. И имя этой звезде Полюнь. И воды сделались Полюнью... Я пила эти Горькие Воды, и тело мое корчило от страшных МУК ДУШИ МОЕЙ... И стала я саранчой черной и ненасытной, и пожирала я свое маленькое родившееся Дитя, свой маленький нежный комочек... И видела я синие тени людей, которые шарахались от моего черного Тела, и Плач и Мольбы Матери, гаснувшие за своей спиной. Верни мне Душу Мою! Верни мне то чистое и светлое, что ты вырвал из меня. И не касайся больше Души моей своими мерзкими подлыми пальцами... И не заставляй думать о тебе, верить в тебя или ненавидеть тебя, ибо с думами моими о тебе уходят силы мои, и силы мои питают тебя. Уйди из Памяти моей, ибо я чувствую, как Душа моя становится высохшей ржавой Былинкой посреди Бескрайнего Выжженного Мира. Кто ты?.. Кто ты? Кто ты, что посмел посягнуть на Душу мою, что нашел сильные и слабые стороны ее, и играешь на ней, как Дьявол на флейте?.. Кто ты? Кто-о-о ты?

– Вот! Вот! Вот еще одна сторона эксперимента: как владеть Душами людей, не изымая их из Оболочек; как найти те Зоны, которые вызовут в Душах людских Муки, от которых человек рад бы избавиться, да не в силах – не палец гниющий, не отрубишь!.. И наоборот: Зоны Радости! Этаким Душевному наркотик, душевный онанизм – постоянная потребность испытать все новые и новые удовольствия, и ради них быть готовым на все!.. Но, боже мой, страсти-то какие! Кто бы мог ожидать, что эта соплячка такие песни запоет и так складно?.. Да, я ошибся. В ней не душонка – в ней Душа. И, по всему, Душа мощная, раз способна на такие выплески, на такие Переживания! Из таких и вырастают Личности. Это не Манька с мыльного завода, у которой аборт входит в утренний моцион. Это Человек, плачущий о загубленной Жизни Младенца! О смерти Будущего Человека! Это Душа, способная понять Чужую Душу!.. Вот для таких, как Мария, я и буду создавать Царствие Земное!

– Она не примет его...

– Что?

– Я говорю – Мария не примет твоего Царствия Земного.

– Ах, да... Оно же на слезинке Младенца... на кровушке построено... Ах, какие мы честные; ах, какие мы принципиальные; ах, какие мы гуманные... а я – нехороший... я есть Зло... Эй, ты – чистый и благородный – найди-ка в окружающем нас Мире Альтернативу мне!? Да если она и появится – вы ее тут же собственными руками распнете или спалите на костре! «Зло»! Дай мне довести Дело до конца и это «зло» Благом обернется! А на чем ты хочешь, чтобы Мир держался? На Добре? Не было в Человеческой Истории такого никогда и не будет! Только то Человеческое Общество гармонично, которое построено на ПОСТОЯННОМ СТРАХЕ НАКАЗАНИЯ ЗА СВОИ ГРЕХИ!

– Но это уже было! Было! Где твое Гармоничное Общество, если Человечество всю свою Жизнь только на Страхе и держится?!

– Значит, не так было! Значит, нужно по-другому!

– И еще: ты забыл о способности Человечества ПРИСПОСАБЛИВАТЬСЯ... Ты уверен, что обнаженные тобой Души не начнут мимикрировать? У тебя есть Гарантия, что они не ПОДСТРОЯТСЯ ПОД ТЕБЯ?

– Черт побери... об этом я не думал...

– А если им это удастся, то ты слепишь не Идеальное Человеческое Общество, а смердящее на всю Вселенную Чудище!

– Заткнись!..

* * *

– Мария... Здравствуй, Мария...

– Копыта...

– Что?

– Копыта... и сам ты поросший шерстью... ты Дьявол... ты ларец, скрывающий голубя... и кровь моя как ручей... вот она... звенит... Если я встану на колени – ты вернешь мне мое Дитя?.. Сгинь! Сгинь! Не надо обволакивать меня туманом – он душит меня! Сгинь! О боже!.. Зачем ты заставляешь меня плясать?!.. Какие вокруг чистые люди! чистое небо! белые дома! белоснежные Души!.. Одна я в крови своего ребенка! Вот вам! Вот вам! Вот вам! Всех-всех-всех... перемазала... А тебе идет кровь Младенца! Откройся, ларец! Выпусти голубя! Он-то в чем виноват? Но ты не ларец – ты Дьявол, поглотивший Душу, а Дьявол ненасытен, ибо нельзя Пустоту насытить! Берегитесь его, люди! Берегите-есь!

– Кто ты?

– Сын Человеческий... Жил Мальчик. Душа Его была подобна Радуге. В чем виновато Дитя чистое и непорочное, что ты изъял Душу Его и распылил в прах?.. Вот Юноша невинный, чье Тело занято незаконно. В чем виноват Он, что ты искалечил Душу Его и захватил Тело Его? В чем виновато Дитя чистое и непорочное, плод ранний, что Плоть Его рвали псы голодные?.. В чем провинилась Душа Девы, любившей тебя, вступившей в прелюбодеяние с тобой, уничтожившей Плод Свой, сотрясшей Разум Свой, застывшей в Образе Саранчи, пожирающей Дитя Свое?.. В чем виноваты Живущие, не видящие Черных Помыслов твоих встать над ними?

– А что ты прешь на меня – ты, Сын Человеческий?! Чище меня, что ли? Праведник? Ручки чистые? Душа не запятнана? За кого ты меня держишь – за барана безмозглого из стада своего, пастырь скрипучий?!..

Ах – страдалец! Ручки-ножки проткнуты... Скажи мне, страдалец, – зачем ты на Голгофу взошел?

– Я пришел, чтобы отдать Душу свою для искупления многих...

– То есть, ты пришел взять на себя Грехи Человеческие?.. А не кажется ли тебе, Иисус из Назарета, что ты врешь наглým образом!? Объясни мне – зачем ты бесов изгонял?

– Да было сказано через пророка Исайю: «Он взял немощи наши и понес болезни».

– Ой ли, Иисус из Назарета! Что-то быстро ты закончил свои благодеяния. Что ж ты не посвятил им всю Жизнь? Разве это не было бы Высшим Благом для людей, Заботой о них? Ах – ты не доктор! Тогда зачем взялся за врачевание? А не есть ли процесс изгнания духов из тел бесноватых, говоря нашим языком, устранением конкуренции?

– Не понимаю слов твоих...

– Все ты отлично понимаешь... «Ибо зерно падает в разные почвы...» Ты постарался – выбрал себе Тело Младенца, вышиб Душу Его и угнезвился там. А каково тем, кто попал в оболочки взрослых людей? Ты представляешь – каково двум Душам в одном Телe? Как рвут они Плоть людскую на Свои Желания?.. Ты думаешь – они, скопившись легионом в одном Телe, от хорошей Жизни заклинали тебя: «Пошли нас в свиной, чтобы нам войти в них»? Или они не чувствовали твоих

намерений? Разве это не их слова: «Оставь, что тебе до нас, Иисус Назарянин? ты пришел погубить нас!» Ты боялся, что они вспомнят, КТО ОНИ и ОТКУДА ОНИ! «Ибо сказано, что сильные духом пронесут Знания свои и Чувства через века, но не будут помнить, Откуда они и Кто они». Чушь собачья! У тебя не было гарантии, что они не вспомнят, и ты боялся, что они поймут, как ты обманул их – свою доверчивую паству – Верховный Жрец Острова! Вот ты и начал их устранять. Тут и басня о почве пригодилась! А потом нашел новый способ сохранить Душу в веках: прикрываясь личиной доброго дяди, болеющего за Грешное Человечество, ты взошел на Голгофу, чтобы, как ты выразился: «Вновь создать невиданный Порыв Энергии и вновь, пронзя Пространство и Время, ворваться в тела варварские!» А какую лапшу ты вешал на уши двенадцати дуракам! О любви к ближнему! О добре!.. Ты обвиняешь меня в погублении трех Душ Младенческих, а сам? Разве христианство – не есть попытка захватить Души Человеческие? Ты взошел на Голгофу, а твои двенадцать апостолов в тот момент, когда ты испустил Дух, создали в городе шоковую ситуацию!

– Не было этого.

– Как? разве ты не помнишь? «Вот, завеса в храме разодралась надвое, сверху до низу; и земля потряслась; и камни расселись; и гробы отверзлись, и многие тела усопших святых воскресли, и, вышедши из гробов, вошли в святой град и явились многим...» Ну? Что ты молчишь, Сын Человеческий? Где твоё хваленое красноречие?

– Это было всего мгновение!

– Этого оказалось достаточно!.. Ой, как от тебя пахнет, Жрец Острова, Вселенским Эгоизмом! Я-то что? Я-то все мыслю в духе социалистической системы – не о себе, а о Гармонии! О людях! Об отборе! О чистоте Душ Человеческих! А ты, Иисус, или как там тебя – в твоей Первой Жизни – ты-то распылил Свою Душу, чтобы в каждом стать СОБОЙ! В КАЖДОМ ЗАРОНИТЬ СВОЕ СЕМЯ! А когда оно в веках прорастет – тут и Торжество Твое!.. Нет больше людей – есть ОДИН ТЫ: Единая Мировая Душа! Бессмертие! Блаженство Существования! Но ты забываешь, что Души Людские – почва в основе своей каменная.

– Я помню об этом.

– И надеешься, что хоть в ком-то сохранишься в случае Неудачи!? Ну-ка, скажи мне, Сын Человеческий, какая наибольшая заповедь в законе?

– Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим...

– «Не заставляй меня думать о тебе, верить в тебя или ненавидеть тебя...» Неглупая девочка эта Мария... Если не разумом, то Душой поняла, что Вера – это Энергия, поддерживающая Жизнь Души. Пока в тебя верят – ты жив, Жрец Острова, и ты не зря дрессировал двенадцать идиотов, и не зря пошел на Риск, являясь в телах разных людей, и знал, кого заставить работать на себя. Такие фанаты, как Павел, Петр, Иоанн свое дело сделали... В тебя верят, тебя помнят, о тебе молятся – дают Энергию, поддерживающую твою Жизнь!

– Человечество должно верить в Бога. Иначе во что ему еще верить?

– Человек должен верить в себя! и только в себя! в свой Мир! И только тогда никто не сможет покуситься на его Душу!

– Это тоже пахнет Эгоизмом!

– Это пахнет Личностью!

– Но как Человечеству поверить в себя, если ты встаешь над ним? Твои искренние слова – не есть ли та самая «ложь наглым образом», в которой ты обвинил меня?

– Я повторяю еще раз: вся суть моего Эксперимента – сделать счастливым Человечество! Твой Эксперимент замыкается в одном тебе!

– А почему ты считаешь, что я не собираюсь осчастливить Человечество? Откуда ты знаешь мои Помыслы? Ты бог? Провидец?.. Что есть Благо для людей?.. Я постиг твои Мысли: они античеловечны! Они тот же Вселенский Эгоизм, в коем ты упрекаешь меня... Что ж, кто не со мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает. И имя тебе – Антихрист!

– Да хоть горшок!

– И дела твои античеловечны!

– Как и твои, боже!

– Я покидаю Сознание твое...

– Уж сделай милость.

– И горько скорблю о тебе, ибо предвижу Участь твою, ибо ты многого не знаешь и не умеешь...

– Давай-ка, боже, без запугиваний!

– Не бойся воды, не бойся огня – бойся Чрева Темного и Склизкого. И будет тебе в нем уготована Мгла и скрежет зубов, и Тело и Душа твои будут истерты и растворены во Мгле Чрева...

– Топай-топай, пророк. Сказки будешь детям рассказывать!

– Не могу воспрепятствовать тебе, ибо я лишь в Сознании твоём; не могу помешать тебе видеть Прошлое и Будущее, так как Душа твоя в Измерениях Мира Нашего; не в моих силах убить тебя, но по лику твоему вижу – не висеть тебе над Миром Драконом, не слепить людишек огнем красных глаз твоих, не владеть Душами их!

– Это почему же?

– Потому что ты – червь земной. Из Земли вышел – в землю и уйдешь!

– А ты?

– И я червь земной. Все мы черви земные, выползшие из недр Источенного Яблока Планеты Нашей. И каждому из нас уготована Своя Судьба... Прощай, Несчастный Человек, как скорпион жалящий самого себя. Ибо дано тебе будет увидеть Будущее, и не в силах этому Будущему ты будешь помочь.

– Стой, Иисус Назарянин! Раз Будущему надо помочь, значит, его ждет Гибель?

– Что есть Гибель? Переход из одной формы Бытия в другую...

– А если из Бытия в Небытие?

– Ты замыкаешься в одном Человечестве, несчастный. А я вижу шире Человека. Мир жил ДО НЕГО, Мир БУДЕТ ЖИТЬ И ПОСЛЕ!

– Так кто же из нас Антихрист?

– Прощай, СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ...

– Стой, Иисус из Назарета! Как же ты можешь говорить о Любви к Людям и, зная об их Гибели, не желать предупредить их?

– А вы поверите? Где Ваша Вера? Ты вслушайся окрест себя – разве не висит в воздухе Вечное Предупреждение? Вы все привыкли верить в Бога, от которого можно что-то получить, которым можно прикрыться, как щитом, ударить, как мечом!.. Ты прав только в одном – Человек должен верить в Себя и Себе, и Себе подобным! Он должен любить Себя и Подобных Себе, как Самого Себя! Тогда ему не нужен будет Бог, и тогда никто не сможет покуситься на Душу Его! Но все

это невозможно, так как Человек есть Плевел на Поле Жизни... и я хочу, чтобы Поле Жизни было чистым от него.

– А может быть люди в конце концов исправятся?

– Может быть. На ЭТО Время у них пока есть...

* * *

– Слышал приговорчик? Что скажешь?

– Я отдам тебе свою Оболочку и на полгода, и на год, и, если хочешь, на большой срок; я буду молчать, я не буду шевелиться и мешать тебе.

– Короче, чего ты хочешь?

– Пойдем к людям. Ты расскажешь все о себе... Ты покажешь свои аппараты. Ты предупредишь их об Опасности... Я буду молчать и ни слова не скажу об убиенных.

– Ты спятил?! Во-первых, никто не поверит, а если и поверят, ты представляешь, какое Оружие ты даешь в Человеческие Руки? Ты уверен, что ЭТО ЗНАНИЕ поможет им?.. Нет. Здесь надо действовать и действовать решительно. Ах, как он мне все карты спутал! Но он не может постоянно контролировать Мое Сознание. Поэтому надо форсировать, успеть все совершить в считанные годы. Он проболтался, что Время у нас ПОКА есть. Значит так, – что бы я ни делал, ты будешь молчать и сопеть в две дырки, понял?

– Ты хочешь?

– Надо опередить его! Его Душа так же болтается в чьей-то Оболочке и ее можно вырвать оттуда. А уж потом посмотрим, Иисус из Назарета, как выглядит твоя Душонка! Главное – не опоздать!

– Я возражаю!

– Повторяю – не вздумай пикнуть! Тут хоть какой-то Шанс остается.

– Надо все рассказать людям!

– Да катись ты со своим гребаным гуманизмом!.. «Все рассказать! Все показать!» Что я тебе – шлюха, просвещающая любопытную невинность? Тут рушатся все мои планы! Тут гибнет все, ради чего я Жизнь Свою положил!

– Послушай! Если есть Время, то Человечество, может быть, почувствует Опасность! Может быть Однажды Люди Прислушаются к Себе! Он же сам сказал, что в воздухе живет Вечное Предупреждение! Если Люди прислушаются к Своей Душе, поверят в Себя, наконец, – то еще есть Вероятность Спасения. Но ты-то если прорвешься – лишишь их Возможно-

сти вслушаться в Себя, Понять Себя. Поллюбить Себе подобно! Я тебя прошу, я тебя умоляю – если не хочешь раскрыть Свою Тайну, то хотя бы НЕ ПРЕДПРИНИМАЙ НИЧЕГО! Живи! Радуйся! Купайся в удовольствиях! Развратничай, черт тебя возьми! Я исчезну в тебе! я растворюсь в тебе! я буду подстилкой у твоих ног! Но, пожалуйста, не губи Людей!

– Кого ты жалеешь? Их? Да ты раскрой глаза! Вот Мария – Застывшее Исключение! Потому что чувствует хоть что-то, или, по крайней мере, чувствовала! Я – Исключение! Ты – Исключение! Потому что в свои семнадцать лет еще чего-то хочешь НЕ ДЛЯ СЕБЯ! Вот Мария, потерявшая Разум из-за Умершего Младенца, и вон миллионы «манек», для которых Младенец – кусок мяса, вывалившийся из утробы, не более. Вот я – у меня хоть Идея есть! А вон миллиарды, где все Идеи идут не дальше черной икры и дефицитной мебели! Или я не прав? А ты спроси у них – ДЛЯ ЧЕГО ОНИ ЖИВУТ? ВО ИМЯ ЧЕГО ОНИ ЖИВУТ? И никто тебе ничего не скажет, потому что после гибели Идеи Всемирной Революции никаких Новых Идей не возникало! А раз нет Идеи, то и Душа не нужна! Есть Пузо – его и ублажай! А Душа ведь на подвиги тянет, на страдания, на подвижничество РАДИ ИДЕИ! Все в Человеке взаимосвязано! Вот и живут миллионы Оболочек, в которых не Души, а Душонки! Потому и необходимо провести ОТБОР, чтобы Человек снова стал Великим! То есть НУЖЕН Я! Я же не о безделье мечтаю... Вон сколько полупустых Оболочек, жрущих, спаривающихся, «жи-ву-щих»! Ждущих Своего Заполнения! Чем? Это уже другой вопрос! И вот эту Пустоту ты жалеешь?

– Я не дам тебе Шанса!.. Я лучше подохну вместе с тобой, но не дам тебе Шанса!

– А что ты можешь сделать?.. Все рассказать? Да только пикни – тебя тут же упекут в психушку!

– А ты не думал, что тебя нет?

– То есть?

– И меня нет... Что все происходящее с тобой – это БРЕД ТВОЕГО ВОСПАЛЕННОГО МОЗГА...

– То есть?..

– ...и ты сейчас лежишь под трамваем с перерезанной глоткой и, захлебываясь собственной гнилой кровью, подымаешь!? и все это – ПОСЛЕДНЯЯ СЕКУНДА ТВОЕЙ ЖИЗНИ!

– Какая, к черту, Секунда? Семнадцать лет! Семнадцать лет ОЩУЩЕНИЙ! Это куда денешь?

– Да может эта Последняя Секунда тебе Вечностью ка-
жется...

– Нет!.. Нет! Нет! Я же живу!.. Я жив!.. Но почему все пе-
ремешалось? Иисус! Мария! Ты!.. Но ведь я живу! А если
нет?.. Перестань дергать Тело! Все равно ты со мной не спра-
вишься!.. Или это Агония? Боже мой!.. Не сомневайся – не
сомневайся! Ты жив! А если?.. Ты что? Куда ты тащишь мое
Тело?! Я жив!.. Я жи-ив?..

– Я не дам тебе Шанса!

– А я вывернусь... я все равно вывернусь! Я прорасту! Да
погоди-и-и ты!

* * *

– Я сидел в камышах в пятидесяти метрах от железнодо-
рожной насыпи и ловил рыбу. Около полудня я услышал че-
ловеческие голоса. Вскоре показался молодой человек. Он
громко разговаривал сам с собой, размахивал руками и как-то
странно вихлял всем телом – было ощущение, что кто-то тол-
кает его или тянет за воротник, а сам он упирается. Добрав-
шись таким образом до насыпи, молодой человек несколько
минут топтался около нее, а затем вдруг, как от резкого толч-
ка, кинулся головой вперед под мчавшийся пассажирский по-
езд...

* * *

– Я не дам тебе Шанса...

* * *

– Я с ребенком возвращалась от родителей. В купе я была
одна, так как начала кормить Сашку грудью и все вышли,
чтобы не мешать мне. Неожиданно поезд дрогнул и начал рез-
ко тормозить. И тут я увидела, что об окно моего купе бьется
какая-то мерцающая медузообразная масса. Она была похожа
на разлагающееся Лицо Человека... Я вздрогнула. Сашок мой
вскрикнул и заплакал. А оконное стекло стало прогибаться,
словно под чудовищным давлением. Сашок изошелся криком,
а я сидела, как парализованная, не в силах оторвать глаз от
окна... Внезапно поезд резко прибавил ход и «масса» растаяла.

* * *

– (Я же говорил, что вывернусь!.. Я же говорил, что воткнусь в какую-нибудь Оболочку!.. Это лишнее подтверждение, что я не должен погибнуть!.. Так, теперь разберемся – КТО ЖЕ Я?..)

– Папа, посмотри – какой противный червяк! Он весь ядовитый и у него бешеные красные глаза... Папа, я боюсь – он смотрит на меня...

– Ну что ты, не бойся... У червяков нет глаз, у них какие-то другие органы. К тому же он нас просто не может видеть – мы для него слишком большие.

– Папа, он в самом деле смотрит на меня... Папа, мне страшно!

– Ну, трусиха... Раздави его и все!

– (Раздави меня, раздави меня, девочка! Ну же! Ну дай мне еще Шанс! Я теперь знаю, как врываться в чужие Тела! Ну раздави меня! Ну! Ну дави!)

– Папа, я боюсь его!

– Хочешь, я его раздавлю?

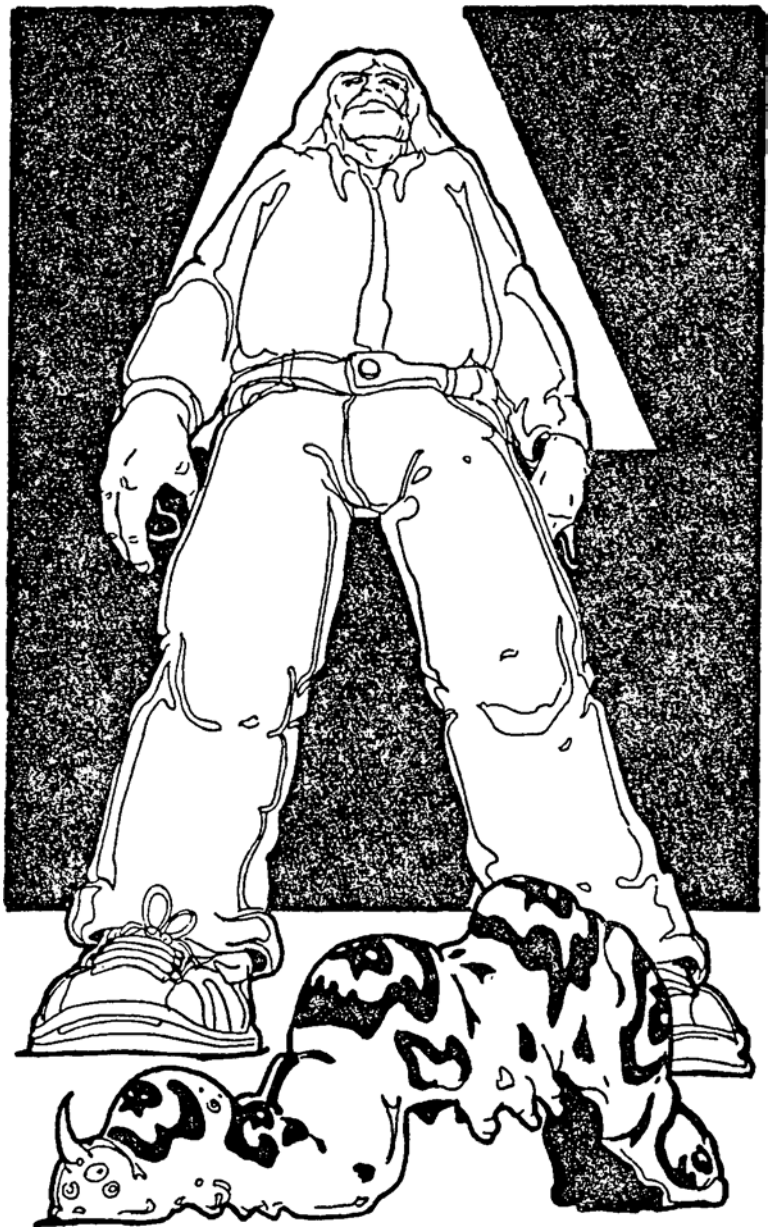
– (Ну давай-давай! Ну же!)

– Папа, не тронь его... Пойдем отсюда!

– (А-ах... Никогда не знал, что земля так чудовищно пахнет! Ее запах дурманит меня... Заползу куда-нибудь под листок... Думай-думай... Еще не все потеряно! Значит Душа МОЖЕТ ТРАНСФОРМИРОВАТЬСЯ и занимать большую или меньшую Оболочку! Как ты там сказал, Жрец Острова: «И да будете Вы иметь силы и умение переходить из тела в тело, проникать в плоть животных и птиц, трав и дерев, насекомых и гадов»? Ну что же – еще не все потеряно!.. Хе-хе-хе...

...Где ты, Юноша? Где искать Обломки Твоей Души? Это не Агония! Это не последняя Секунда моей Жизни! Это Жизнь! Прочь Сомнения – они чуть не погубили меня! Думай-думай! Теперь-то мне никто не помешает найти свой Шанс! Бож-же, что за Гул? Дурмящий Запах Земли и невыносимый Гул, от которого все мое Тело сворачивается Спиралью... Что это? Гул времени, которое надвигается на меня? Время – это тоже Энергия, и его тоже можно пощупать! Ох, как меня скручивает... Неужели Душа Человека и Тело Червя живут в разных временных Измерениях?.. я об этом не думал...

– Блаженны Нищие Духом! И счастливы они, ибо нечего им дать Человечеству, и без забот живут они... И Вечные Мучки уготованы тем, чьи Души ломаются как закрома! И встает Вечный Вопрос – как отдать эти Богатства людям, ибо для

них они; и Грех тому, кто гноит эти Богатства в себе... И растет Вечное Сомнение – а возьмут ли люди эти Богатства? А способны ли они приумножить его? Или хотя бы сохранить? Ибо «не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас». И встает Двудорожие – по какому Пути идти тебе, Человек? Ибо ты есть и Соль Земли, и Свет Мира, и Тьма Кромешная, полная пороков грязных и мерзких... И явился я к Тебе в образе Сына Человеческого, дабы научить Тебя любить Себе подобного, так как нет другого Бога, кроме Человека... И говорил Тебе: «Не убивай, примиришься с братом твоим, не прелюбодействуй, не преступай клятвы, ибо каким судом судишь, таким будешь судим, какой мерою меряешь, такой и тебя будут мерить. Как хочешь, чтобы поступали люди, так и поступай и Ты с ними; ибо в этом закон и пророки. Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые». И понял я, что неспособен Ты, Человек, полюбить ближнего своего как самого себя, да и к самому себе у тебя нет Любви... И Богатства Духовные обращаешь во вред Себе. И расширяя Знания Свои, умаляешь Душу Свою, ибо Плоти Своей угождаешь, а о Душе Своей не печешься. И любое Благо используешь на Погибель себе. И живут в тебе Бог и Сатана... И вижу я, что Путь Богатства Духовного ведет тебя к Гибели Твоей, так как Душа Твоя не справляется с Разумом Твоим. И есть Второй Путь – Путь Нищих Духом! Чтобы стал Ты, Человек, одним из многих животных, и жил бы как птицы небесные, и не сеял и не жал... Ибо, когда в борьбе Бога и Сатаны победу начинает одерживать Сатана, то лучше для Человека, если убить в нем и того и другого. И будешь ты равным среди равных – мелкой безмолвной Частицей Мировой Души! Частицей, необходимой для общего развития Природы... Ибо ничем Ты, Человек, не лучше комара, столбющегося над болотом, или змеи, вьющейся по пескам.

– А разве ты сам не СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСТВА?

– Ты прав, Глас, идущий из Прошлых Веков – и я – Человек!

– Так почему же губишь нас, Сын Человеческий?! Это несправедливо!

– Если бы Человек жил по Законам Справедливости, он не зашел бы так далеко в Ненависти к Самому Себе!

– Люди! Люди! Услышьте меня! Это все ханжество! Это обман! Ты лжешь, Сын Человеческий! Ты хочешь утвердиться над нами! Дайте мне Тело Человека, и я заставлю тебя замолчать! Мы найдем против тебя силу! Люди! Люди! Дайте мне Шанс! Ну раздавите меня! ну размажьте по асфальту! Ну почему вы такие гуманные! Вот он – я! Дайте мне вспыхнуть в ком-нибудь! Хоть в уроде! Ползи-ползи... под чей-нибудь каблук... Ползи-ползи... чертово тело... Давай-давай – сокращайся... «Не бойся огня, не бойся воды, бойся Чрева Темного и Склизкого»... Пророк скрипучий... Да я сам в Огонь! Да я размажусь под колесом!.. Только бы... ТОЛЬКО БЫ РЕБЕНОЧЕК ЗАПЛАКАЛ... ужмемся... проберусь в каждого из вас! Пусть не Драконом над вами, так хоть Червем в вас! Ползи! Ползи!.. Что Это?

Звучит ВСЕЛЕНСКИЙ КРИК ПЕТУХА

Дорогие друзья!

Журналы "Приключения, фантастика", газету "Голос Вселенной", тома серии "Приключения, фантастика", календари и другую продукцию оптом и в розницу по приемлемым ценам Вы можете приобрести лично для себя или для распространения по адресу: Москва, Рязанский пр., 82, корп. 5, филиал журнала ПФ (за 417 отделением связи). Проезд: станция м. "Выхино", далее автобусом или пешком одну остановку. Ни в одной другой точке Москвы Вы не сможете приобрести нашу продукцию дешевле!

"ПРОРИЦАНИЕ" расскажет Вам о грядущем до 2000 года. Самое подробное описание всех предстоящих событий с датами. Стоимость с пересылкой – 70 р. Перевод высылать по адресу: 111123, Москва, а/я 40

Петухову Ю.Д.

ИСХОД ПЕТРА ПРЯХИНА

(из цикла «Одержимые дьяволом»)

1. «Краше в гроб кладут»...

...«Лонгрэн! – взывал Меннерс, – ты ведь слышишь меня, я погибаю, спаси!»

Но Лонгрэн не сказал ему ни одного слова; казалось, он не слышал отчаянного вопля. Пока не отнесло лодку так далеко, что еле долетали слова-крики Меннерса, он не переступил даже с ноги на ногу...

– Черную игрушку я сделал, Ассоль, – спи!»

– Н-да! – сказал себе Петр Пряхин. – Вот ведь как можно убить человека... и судить этого самого Лонгрэна вроде бы и не за что. Просто его враг тонул, а он ему не помог. Вот и все. Н-да...

Пряхин отложил старую растрепанную книгу без начала и подумал:

– Надо спросить у Ритки, как книжка-то называется... Умная книга!

Петр потянулся всем своим большим телом (ох, намаялся он ныне в поле – сенокос!). И встал. Читать некогда: нужно успеть у коровы убраться, запарить зерна пороссятам. А завтра с утра: Звездочку подоить... в курятник крыса повадилась, жука на картошке травить надо... Господи, дел-то сколько!

Он тяжело вздохнул. Из-за занавески ответно долетел тихий стон, там лежала и маялась животом жена Пряхина Алеветина.

– Петечка! – слабым голосом позвала она.

Кряжистый Пряхин неуклюже склонился над ее кроватью. В неярком свете засиженной мухами лампочки он видел, как осунулось и пожелтело лицо жены. Алеветина-то и смолоду особой красотой не отличалась. А теперь и вовсе выглядела она живой иллюстрацией к меткому народному присловию: «краше в гроб кладут»...

– Да за что же меня судьба так?!... – выползла темная мыслишка откуда-то из потаенных закоулков пряхинской души. – Все не как у людей... у них-то бабы, небось, здоровые!

– Что? – переспросил он.

– Валокордин, говорю, дай. В холодильнике он... с сердцем что-то.

Подав жене лекарство, Пряхин, набычившись, пошел к выходу, дела ждать не будут. И уже у порога услышал, как звякают о стакан с водой зубы Алевтины. Петр вышел, еле сдержавшись, чтобы не хлопнуть дверью. Взял вилы и встал, опершись на них посреди двора. Тяжело задумался.

2. Соседка

...С тех пор как соседская деваха Ритка «положила глаз» на Петра, мужик и вовсе с ума сошел. Вот уже год Алевтина мается от разной хвори: то там у нее занает, то здесь заболит... Ритка же знай себе шастает по своему огороду, увидит Пряхина и смеется, скалит свои белые зубки. А то уставится на него, возьмет в рот прядь собственных волос и вроде бы жует – привычка у нее такая!

Живет Ритка с бабкой, куда уж старухе за такой егозой уследить!

Поэтому раза два уже встречался Петр с Риткой на отшибе двух дворов в вишневых кустах. Добросовестно тискал ее молодое тело, тугое и пышное, как подошедшее в пору тесто. Больше ничего с собой сделать Ритка пока не позволяла... Силенкой ее тоже Бог не обидел, так что при желании она легко уходила из хватистых рук Петра.

– Вот женишься если... тогда! – глухо говорила она, глядя в темноту поверх пряхинской головы.

– Да как же я, при живой-то жене... Дура! – злился Петр.

– А ей не век жить! – с хохотком говорила Ритка. – Я, Петушок, за тебя замуж хочу... Подожду! Давно с ней не спишь?

Не в бровь, а в глаз!.. что ответишь?! Петр в ответ лишь скрипел зубами, не столько от своего подневольного воздержания, сколько от стыда.

– ...Как книжка-то называется? – спросил Петр и словно бы в поисках ответа ненароком запустил ладонь Ритке под кофту, в узкую ложбинку промеж ее горячих неподатливых грудей.

– Не лапай! – Рита сделала вид, что хочет вырваться. – Какая еще книжка?

– Что ты мне... почитать дала... Про Лонгрена!

– А! Ты там понял хоть что-нибудь?

– Чего понимать-то? Как он мужика не спас? – осторожно спросил Пряхин и только потому так спросил, что дальше того эпизода он книгу не осилил. Некогда было.

– А вот хотя бы. Может, он и хотел веревку ему бросить, да не успел? Кто знает.

Последнюю фразу Рита произнесла как-то расслабленно тихо, с трудом переводя дух. Петр понял это по-своему, рывком запустил ручки под ее колени и опрокинул на спину. Однако Ритка ноги не разжала и после короткой, но бурной схватки все же отпихнула Пряхина и вскочила. Глаза ее в полутьме под вишневыми кустами светились как у кошки.

– Лонгрэн мужик что надо, – прошипела она, – настоящий. А ты уже два раза от жены бегал в «скорую» звонить... и все успеваешь... успеваешь!

3. Звездопад

А через неделю Алевтина умерла. «Инфаркт», – сказали при вскрытии. Приступ сразил ее внезапно, под утро. Петр, как обычно, побежал тогда звонить в «скорую». Да вот...

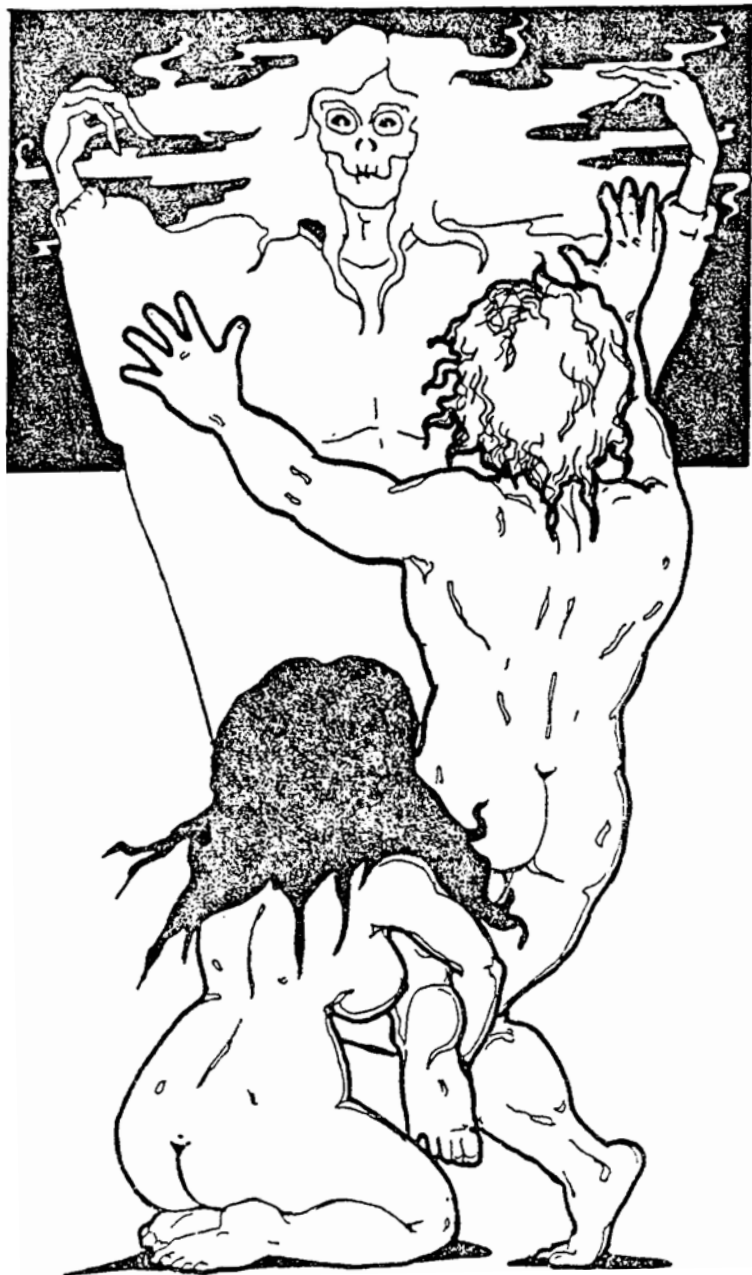
Не успел.

Хоронили Алевтину всем селом, ее люди жаловали да жалели. «Отмучилась, болезная... царствие ей небесное!» – истоиво крестились старушки.

Детей у Пряхиных не было, вот и зажил Петр бобылем.

Да только недолго он им пробыл. На третью ночь после похорон тихонько звякнула щеколда и услышал сквозь сон Пряхин в сенях легкий вкрадчивый топоток. Открыл глаза. И в полумраке лунной августовской ночи увидел у своей кровати Ритку. В белой кружевной ночной рубашке она стояла перед ним девственницей-невестой. Ночь была у них на свадьбе подружкой новобрачной, молодой месяц дружкой жениха. Повенчала их смерть Алевтины, а убогая грязная спальня заменила храм. И затрещала кружевная рубашка пришедшей невесты под руками Пряхина так, как бы трещала фата невесты под руками нетерпеливого, данного Богом, жениха.

– ...Женишься, детей тебе кучу нарожаю! – горячо шептала Рита, пока ладони Пряхина мяли-оглаживали ее с ног до

головы. – Давний мой интерес... чтобы мужик крепкий был... хозяйство... денег много! Себя блюла, а могла бы и в город податься... путаной стать... Не хочу так, хочу женой быть законной... хозяйкой твоей. Ой! Больно... нет, нет, хорошо! еще... давай. Еще!

И время для них остановилось.

Вдруг яркая вспышка метнулась сполохом в окне, и изба Пряхина вздрогнула от глухого толчка.

– Что это?! – очнулась Рита и на полусогнутых ногах (что и говорить – мужик Пряхин был хоть куда!) мелкими шажками подошла к окну.

Тотчас же вторая яркая звезда сорвалась с неба вдогон за первой. И снова – земля вздрогнула.

– Метеориты... – прошептала она. – Где-то у кладбища ухнули.

А Пряхину разговаривать не хотелось, глаза его отчаянно жмурились. Но ведь вот она какая, Ритка... еще бы ее сюда!

– Ты рубашку-то сыми свою! – окончательно проснувшись, сказал Пряхин. – Мешает только... иди ко мне!

Он привстал, оперся на локоть. Оглядел сквозь блеклый лунный свет широкий зад своей юной невесты и ее круглые в плавном изгибе бедра. А Рита вдруг замерла, вцепилась скрюченными пальцами в подоконник: рот ее приоткрылся, глаза остекленели.

Сердце у Петра захолонуло, он понял: ЕГО ЗОВУТ!
Кто?!

Пряхин сполз с кровати и, вытянув вперед руки, как бы на ощупь, стал продвигаться к окну. Его неодолимо влекло куда-то... а куда, зачем? Он не знал.

4. Голый клещ

И увидел Пряхин вот что.

У околицы села, на спуске с Кладбищенской горки шевелилась неясная, с отдельными белыми пятнами, масса. Она, масса эта, медленно, очень медленно надвигалась на село, и для напряженного, острого как никогда, взгляда Пряхина хоть и оставалась вроде бы слитной... но уже виделась ему и по частям, распалась на разнородные отдельные фрагменты... становилась ясно различимой при лунном свете в мельчайших деталях толпой.

Толпой мертвецов.

В ней кое-где поблескивали желтые оскаленные черепа. Мелькали клочья истлевшей одежды. Бурые неуклюжие мумии и начисто отполированные червями скелеты шли-переступали, приближались... возглавлял шествие высокий мужик, как бы одетый в лохмотья гнилой кожи. А рядом с ним Пряхин увидел жену свою, недавно усопшую.

Разложение почти не коснулось ее... и самое главное, глаза покойницы, черные бусинки, были еще живы. Пряхин поймал их ищущий взгляд.

Алевтина тотчас же подняла усохшую, похожую на корявую черную ветку руку и поманила его к себе.

Пряхин, не спеша, пошел к выходу.

– Куда?! – взвизгнула, очнувшись от оцепенения, Ритка. – Не ходи к ней! Не пущу!!!

Она упала на колени, вцепилась в Петра будто большой голый клещ и поволоклась за ним к двери. Ударилась головой о порог и дико захохотала.

Крепка была хватка сумасшедшей, но Пряхин освободился без труда. Сила теперь в нем была нечеловечья... он более не принадлежал этому миру.

5. «О следовании мертвых граждан»

Из рапорта участкового инспектора Шебаршинского с/совета, старшего лейтенанта А. А. Дубовкина начальнику Зеленодольского РОВД (с незначительными сокращениями и сохранением авторского стиля).

«Вчера, т. е. 5 августа 1991 года мной лично наблюдалось следующее:

В 23 часа 45 минут на территории сельсовета в районе, называемом Кладбищенской горкой, упал с неба метеорит и через некоторый короткий промежуток времени еще один.

В 23 часа 55 мин. через село Шебаршовку в направлении северо-востока по центральной улице проследовал отряд мертвых граждан, находящихся в различной стадии разложения, общим количеством 123 человеко-трупа, что было установлено мною по спискам сельсовета...

...Характерно приволакивая ноги (как «зомби», которые живут на Западе), мертвые граждане проследовали к озеру Калач, в котором и скрылись. Расстояние от кладбища до вышеназванного водоема составляет 2523 метра...

...Привлечение водолазов к поисково-спасательным работам считаю нецелесообразным, т. к. озеро Калач неглубокое, вода в нем чистая и слой ила на дне, в котором могли бы скрыться мертвые граждане, отсутствует в наличии...

...Результаты расследования места происшествия, произведенного мною в присутствии понятых Саблина Е. П. и Шмахова В. М. зафиксированы в протоколе, который прилагается...

...К подробностям происшествия считаю необходимым добавить следующие:

Могилы на кладбище аккуратно разрыты неизвестными лицами. Кем именно, установить можно будет лишь в ходе компетентного следствия со стороны более высоких инстанций...

...При прохождении мертвых граждан через село слышалось характерное постукивание и треск сухих костей, что наблюдали и другие, кроме меня, заслуживающие полного доверия живые свидетели, напр. передовая доярка кооператива «Аккор» Зайковская Б. Л. и шофер председательской машины «Нива» Колотовкин И. Я., происшествие которых никак не может быть совместной галлюцинацией. Они показали следующее:

Дойдя до дома механизатора гражданина Пряхина П. И. (русский, 1954 г. р., б/п., б/у., ранее не привлекался), из толпы мертвых граждан выделилась покойная Пряхина А. З. (свидетельство о смерти А-В № 6258 прилагается) и поманила ему (супругу) рукой в окно, в результате чего Пряхин П. И. вышел из дома совершенно голым (что вышеназванная Зайковская Б. Л. рассмотрела очень четко) и присоединился к толпе мертвых граждан, вместе с которыми и ушел.

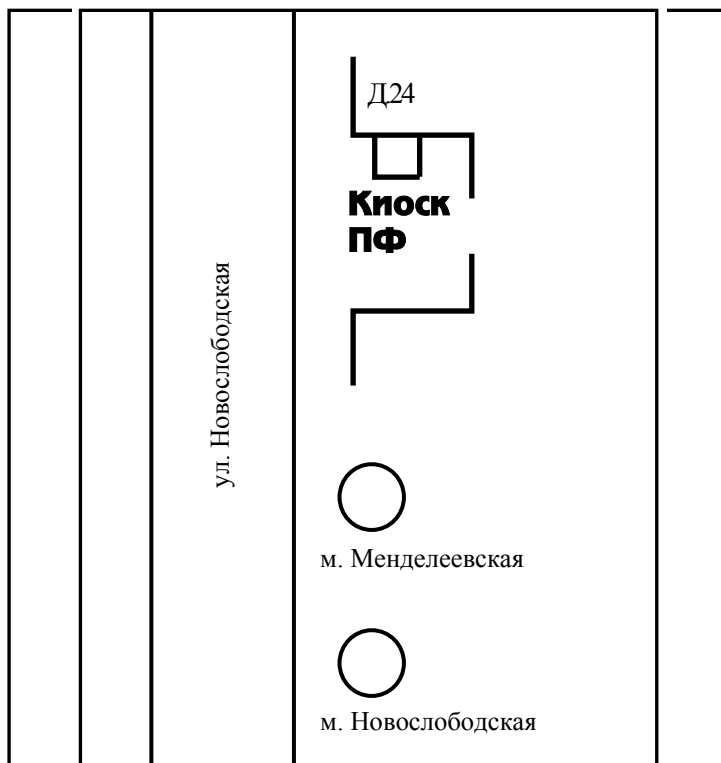
Находящаяся вместе с ним на месте происшествия в интимной связи гражданка Ковалева М. П. (русская, 1971 г. р., врем. не раб.) отправлена мною в невменяемом состоянии в п/лечебницу г. Зеленодольска с рекомендацией об использовании в смиренной рубашке.

Других пострадавших в живой силе и технике нет».

•

**Реализаторов – оптовиков мы ждем
по адресу Рязанский пр. 82/5 (417
почта, со двора), проезд до м. Выхино.**

•

Только в редакционном киоске Вы сможете купить нашу продукцию по самым низким ценам и в полном ассортименте.

"Приключения, фантастика"

НАШИ ОБЪЯВЛЕНИЯ

Принимаются заказы:

– Комплект журнала "Приключения, фантастика" за 1991 год – цена 600 руб.

– Комплект журнала "Приключения, фантастика" за 1992 год – цена 600 руб.

– Подборка избранных номеров ежемесячника ужасов, мистики и аномальных явлений "Голос Вселенной" 1991-92 г.г. – 300 руб.

– Книги серии "Приключения, фантастика": "Бойня", "Измена", "Западня", "Прокол", "Бродяга" "Сатанинское зелье", "Чудовище" – по 150 руб.

– Историко-мифологическое исследование о двенадцатитысячелетней истории Русского Народа "Дорогами богов" – 150 руб.

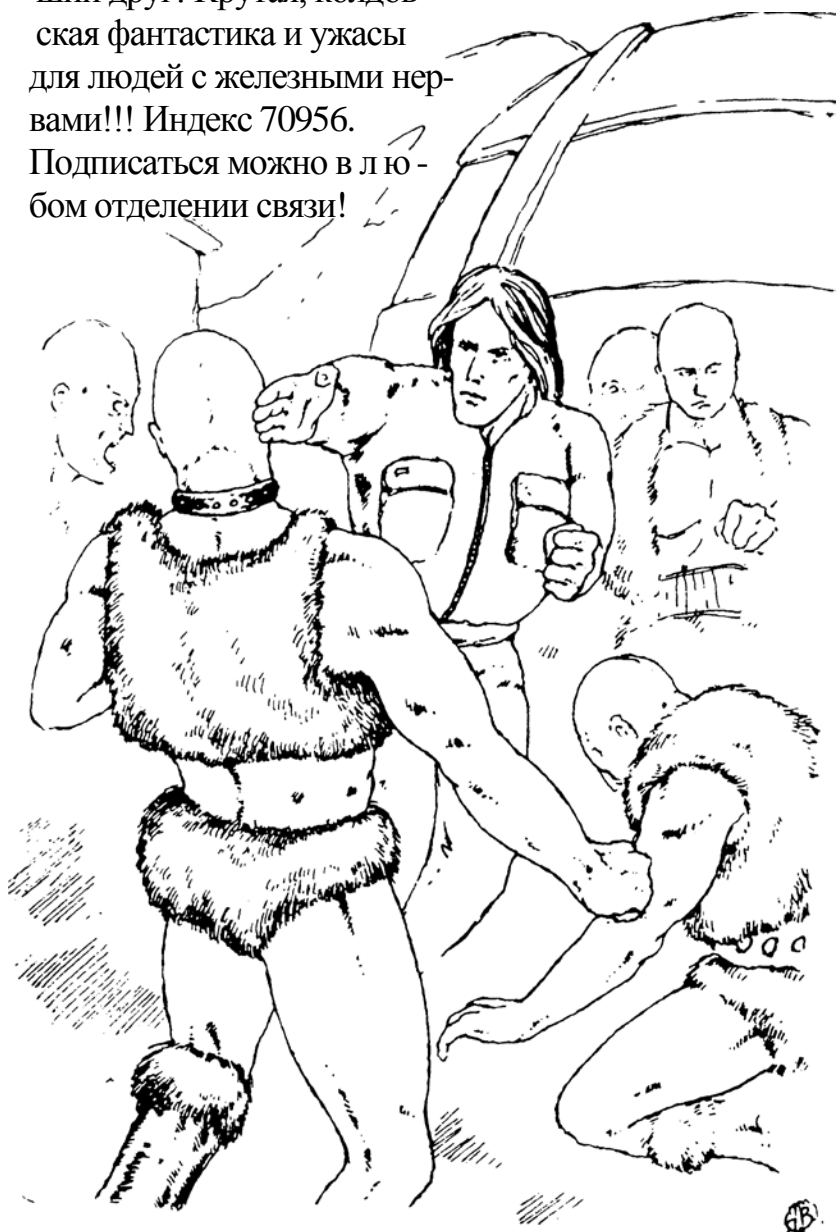
– Талисман-оберег от сглаза, порчи, энергетического вампиризма, зомбирования, демонизации, черных наговоров, колдовства, всех видов присух с инструкцией – 310 руб.

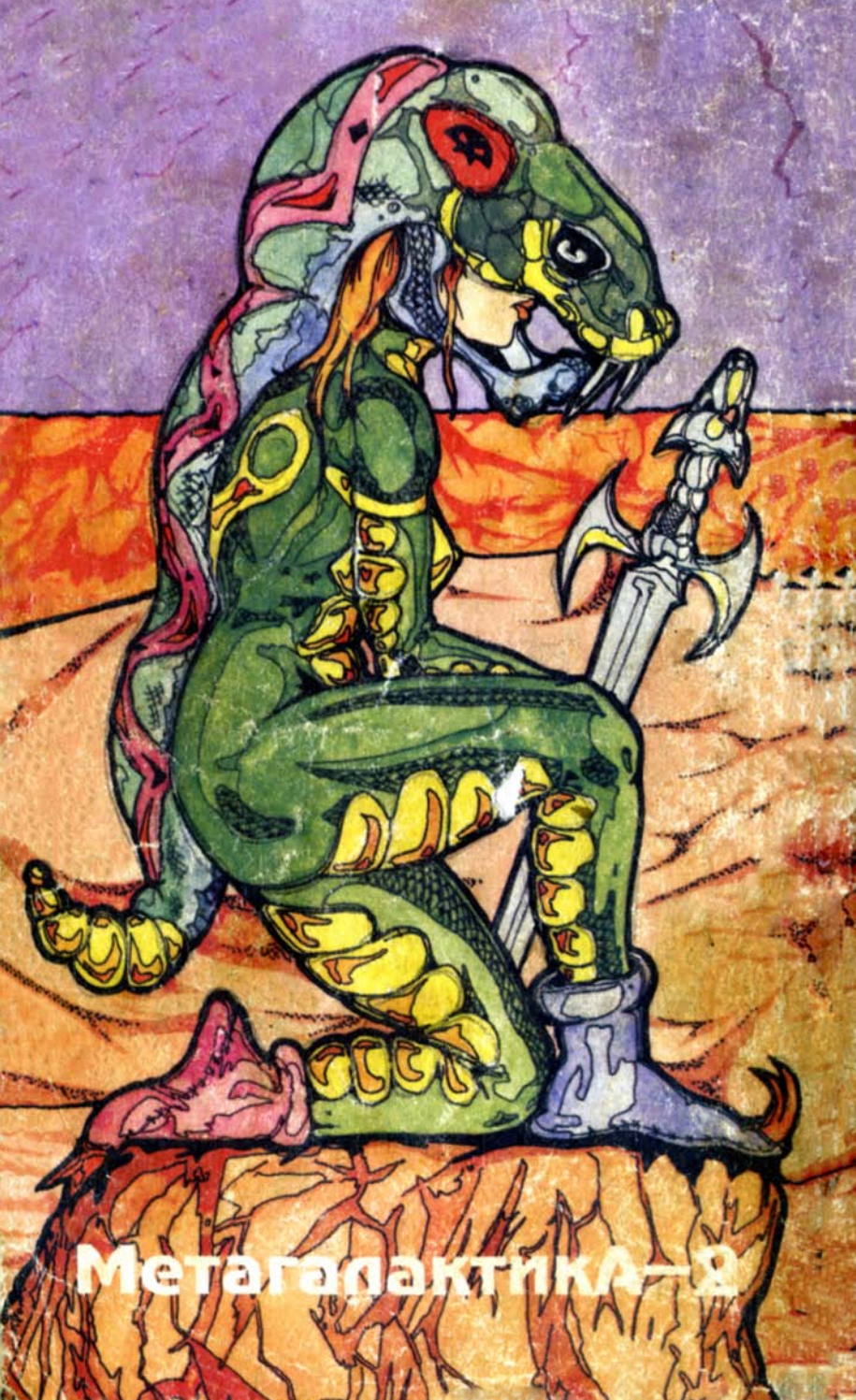
– Фантастико-приключенческий детектив "Западня", повествующий о приключениях инопланетного резидента-убийцы, – 50 руб.

Для получения заказа Вам необходимо выслать почтовым переводом соответствующую сумму, указать свой точный почтовый адрес, на обороте указать, что Вы заказываете.

Адрес: 111123, Москва, а/я 40, Петухову Ю. Д. Отправлять только почтовыми переводами. Телеграфные не принимаются.

Журнал "ПРИКЛЮЧЕНИЯ,
ФАНТАСТИКА" - Ваш луч-
ший друг! Крутая, колдов-
ская фантастика и ужасы
для людей с железными нер-
вами!!! Индекс 70956.
Подписаться можно в лю-
бом отделении связи!

Метагалактика-2